

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

ДЕМКИНА Юлия Александровна

**Репрезентация концепта «depravity / испорченность» в британской и
американской художественной литературе: диахронический аспект**

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
доцент Кислякова Е.Ю.

Волгоград 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА «DEPRAVITY / ИСПОРЧЕННОСТЬ»	13
1.1. Сознание как отражение объективной реальности.....	13
1.1.1. Индивидуальное и общественное сознание	13
1.1.2. Языковое сознание	16
1.2. Концепт как единица национальной и индивидуально-авторской картины мира.....	19
1.2.1. Проблема картины мира в лингвистике.....	19
1.2.2. Идиостиль как способ отражения картины мира в художественном тексте	24
1.2.3. Понятие концепта в современной лингвистике и подходы к его изучению	27
1.3. Понятие вертикального и горизонтального контекста	37
Выводы по первой главе	40
ГЛАВА 2. КОНЦЕПТ «DEPRAVITY / ИСПОРЧЕННОСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА	42
2.1. Содержание концепта «depravity / испорченность» по лексикографическим данным второй половины XIX века.....	42
2.2. Объективация индивидуально-авторских признаков концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе второй половины XIX века.....	48
2.2.1. Показная религиозность	51
2.2.2. Распущенность	58
2.2.3. Лицемерие.....	64
2.2.4. Негативный опыт.....	73
2.2.5. Лживость	79
2.2.6. Высокомерие.....	87
Выводы по второй главе	98
ГЛАВА 3. КОНЦЕПТ «DEPRAVITY / ИСПОРЧЕННОСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА	102

3.1. Содержание концепта «depravity / испорченность» по лексикографическим данным второй половины XX века	102
3.2. Объективация индивидуально-авторских признаков концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе второй половины XX века	108
3.2.1. Избалованность	110
3.2.2. Чрезмерное потребление	119
3.2.3. Безразличие	124
3.2.4. Эгоистичность	128
3.2.5. Гордыня	134
3.2.6. Греховность	139
Выводы по третьей главе	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
ЛИТЕРАТУРА	153
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ	168
ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	170
ПРИЛОЖЕНИЯ	177

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование выполнено в русле когнитивной лингвистики и посвящено рассмотрению концепта «depravity / испорченность» как аксиологического концепта.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, значительным интересом лингвистов к изучению ценностных основ общества и происходящих в нем трансформаций, зафиксированных в языковой семантике и коммуникативной деятельности человека; во-вторых, влиянием сформировавшихся в обществе ценностных установок на социальное поведение индивида; в-третьих, социальной значимостью концепта «depravity / испорченность», вариативно представленного в англоязычной картине мира и малоисследованного в динамическом аспекте в когнитивной лингвистике и лингвоконцептологии.

Степень разработанности научной проблемы.

Проблема концептуализации сознания является одной из ключевых тем, изучаемых отечественными и зарубежными учеными социогуманитарного профиля.

В аспекте соотношения индивидуального, общественного и языкового сознания данная проблема освещалась в трудах Ю.Д. Апресяна, А.П. Бабушкина, В. фон Гумбольдта, Э. Дюркгейма, А.В. Кравченко, Э. Сепира, Б. Уорфа, Н.Ф. Уфимцевой, Н. Хомского, Р. Якобсона и др.

При исследовании концептов как элементов картины мира эта проблема изучалась в работах С.А. Аскольдова, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова и др.

Отдельную категорию составляют изыскания по структуре концептов в работах таких лингвистов, как С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Красных, Г.Г. Слышкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов и др.

Проблема испорченности как аморальности или девиации разрабатывалась в ряде гуманитарных дисциплин, например, в философии,

этике, богословии, психологии, в трудах таких ученых, как Аристотель, Ф. Аквинский, Г. Беккер, М. Вебер, И. Гофман, Ф. Зимбардо, Платон, И. Кант, Л. Колберг, Р. Мертон, С. Милгрэм, Ф. Ницше, Ж. Пиаже, Ж.Ж. Руссо, З. Фрейд, Т. Хирши. Следует отметить, что испорченность, согласно нашим данным, еще не была объектом лингвистического описания и как концепт рассматривается в нашем исследовании впервые.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: феномен «depravity / испорченность» выступает нравственным антиидеалом, отражающим совокупность человеческих качеств характера и поведения, осуждаемых в обществе. В силу своей социальной значимости концепт «depravity / испорченность» частотно репрезентирован посредством языковых единиц в англоязычной художественной литературе. Исследование данного концепта, занимающего центральное место в аксиологической системе социума на разных этапах его развития, позволит выявить в ней динамику изменений, характеризующих ценностные приоритеты общества.

Объектом работы является концепт «depravity / испорченность» в британской и американской языковой (художественной) картине мира.

Предмет исследования – смысловые признаки и конкретизаторы концепта «depravity / испорченность», объективированные в британской и американской художественной литературе второй половины XIX и второй половины XX века.

Цель работы – выявить и описать динамические изменения в содержании лингвокультурного концепта «depravity / испорченность», объективированного в британской и американской художественной литературе двух различных периодов – второй половины XIX и второй половины XX веков.

Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**:

1) определить место концепта «depravity / испорченность» в системе других концептов;

2) выделить актуальное смысловое содержание концепта «depravity / испорченность» в британской и американской лингвокультурах исследуемых временных отрезков;

3) определить смысловые признаки и конкретизаторы концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе исследуемых исторических периодов;

4) описать динамику трансформаций понятийного содержания и ценностной составляющей концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе второй половины XIX и второй половине XX веков.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых из области когнитивной лингвистики и лингвоконцептологии (Ю.Д. Апресян, С.А. Аскольдов, Л.Г. Бабенко, А.П. Бабушкин, Э.Л. Богарт, Н.С. Болотнова, Б. Блох, Л.А. Бушуева, А. Вежицкая, Й.Л. Вайсбергер, В. фон Гумбольдт, И.В. Гюббенет, В.И. Карасик, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, В.В. Красных, Г.В. Колшанский, А.Н. Леонтьев, О.А. Леонтович, В.А. Маслова, З.Д. Попова, М.В. Пименова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышкин, С.С. Тахтарова, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Н. Хомский).

Выполненная работа базируется на нижеследующих **ключевых положениях**.

1. Общественное сознание представляет собой систему, основанную на синтезе представлений, идей, сформированных у его носителей. Индивидуальное сознание является совокупностью личного опыта индивида и идей общественного сознания, преломленных через этот опыт [Дюркгейм, 2013].

2. Концепт как квант знания является средством репрезентации сознания и может послужить средством его исследования [Карасик, 1996; Попова, 1999; Степанов, 2001].

3. Индивидуальное сознание включает в себя индивидуально-авторскую картину мира (следовательно, и часть национальной картины мира), находит свое выражение в языковом тезаурусе автора и вербальных выражениях состояния его сознания, т.е. в языковом сознании. Языковое сознание автора может быть обнаружено в продуцируемых им текстах, т.е. в идиолекте [Виноградов, 1959; Золян, 1989; Чернышева, 2007; Bloch, 1948; Chomsky, 2000].

Материал исследования составляют тексты классических произведений британской и американской художественной литературы второй половины XIX и XX веков (124 произведения, в которых единицей анализа послужили 1256 контекстов, репрезентирующих содержание концепта «depravity / испорченность»).

Источниками практического материала послужили произведения, тематика которых связана с представлениями о нравственности и морали, в том числе и детская литература, имеющая значение для процесса социализации индивида и усвоения им ценностных основ общества, а также драматические произведения, поскольку в этом жанре актуализирована в значительной степени оценка поведения человека.

В качестве основных **методов исследования** использовались:

- 1) гипотетико-дедуктивный метод;
- 2) метод концептуального анализа, включающий анализ словарных дефиниций, компонентно-семантический анализ, контекстуальный анализ, прием количественного подсчёта, описание содержания и моделирование структуры концепта. С помощью данного метода было определено, описано и смоделировано национально-культурное содержание концепта «depravity / испорченность», а также выявлены и описаны его авторские

смысловые приращения, репрезентируемые в британской и американской художественной литературе исследуемых временных срезов;

3) сравнительный метод для анализа динамики смысловых изменений концепта «depravity / испорченность» в исследуемом временном диапазоне.

Научная новизна работы обусловлена тем, что:

1) определены понятийные и ценностные признаки концепта «depravity / испорченность», актуализируемого в британской и американской художественной литературе во второй половине XIX и во второй половине XX веков;

2) выявлены особенности ценностной составляющей данного концепта в динамической плоскости его функционирования в британской и американской художественной литературе в указанные периоды.

Личный вклад автора заключается в следующем: 1) определено место концепта «depravity / испорченность» среди других концептов; 2) описано актуальное смысловое содержание концепта «depravity / испорченность» в британской и американской лингвокультурах второй половины XIX и XX веков; 3) определены смысловые признаки и конкретизаторы концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе исследуемых исторических периодов; 4) описана динамика трансформаций понятийного содержания и ценностной составляющей концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе второй половины XIX и второй половины XX веков.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что:

во-первых, ее результаты вносят определенный вклад в развитие лингвокультурологии и лингвоконцептологии посредством уточнения структуры и содержания концепта «depravity / испорченность» в англоязычной картине мира разных исторических периодов;

во-вторых, определены экстралингвистические факторы влияния на содержание концепта «*depravity* / испорченность», нашедшего речевое воплощение в британской и американской языковой (художественной) картине мира.

Практическая ценность исследования обуславливается возможностью использования его результатов для стилистического и литературоведческого анализа творчества отдельных англоязычных писателей, чьи произведения послужили материалом для выполненной работы. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских курсах общего языкознания, лексикологии и стилистики английского языка, при чтении спецкурсов по лингвоконцептологии и лингвокультурологии. Результаты работы найдут применение при подготовке студентами филологического профиля выпускных квалификационных работ.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Концепт «*depravity* / испорченность» – аксиологически ориентированный когнитивный конструкт, в содержании которого закреплены представления человека о нарушении нравственных норм.

2. Структуру концепта «*depravity* / испорченность» формируют ядерная, околожерная и периферийная зоны, каждая из которых содержательно характеризуется определенным набором смысловых признаков и конкретизаторов, обусловленных лингвистическими и экстралингвистическими факторами рассматриваемых исторических периодов (вторая половина XIX и XX веков).

3. Во второй половине XIX века понятийное содержание концепта «*depravity* / испорченность» во многом определено фактором влияния религиозных законов, предписаний, выступающих регулятивом поведения человека. Содержание этого концепта отражается, во-первых, в ядерных (*degeneracy, decline*), околожерных (*impurity, defilement, blemish* и др.) и периферийных (*lustfulness, sin, vice* и др.) смысловых признаках; во-вторых, в антиномичных признаках *virtue, chastity, morality, good deed*; в-третьих, в таких

акциональных проявлениях концепта, как кража, прелюбодеяние, жестокость, стремление к обогащению, вульгарное поведение, убийство, самоубийство, клевета, представляющих собой нарушение религиозных заповедей.

4. Во второй половине XX века концепт «*depravity* / испорченность» отражает ориентацию британского и американского лингвокультурного сообщества на идею жизни как высшей ценности и равноправия людей независимо от расовой и гендерной принадлежности. Некоторые признаки, актуальные для второй половины XIX века и входящие в ядро этого концепта (*impurity, defilement, blemish* и др.), теряют свой прежний статус, уступая место смысловым ядерным (*criminality, scandal, felony* и др.) и периферийным признакам (*excessive consumption of food, alcohol, tobacco and video content, treating a woman as an object, cruelty towards children and animals* и др.). Во второй половине XX века в содержании концепта «*depravity* / испорченность» имеют место такие акциональные проявления, как взяточничество, чрезмерное употребление алкоголя, табака и видеоконтента, измена, манипуляции, истерики, крик.

5. Концепт «*depravity* / испорченность» в диахронической плоскости функционирования обнаруживает заметную диверсификацию семантических конкретизаторов, что приводит к диффузности его содержания. Данный факт подтверждается набором сем в значении лексических единиц номинативного поля рассматриваемого концепта, а также смысловыми конкретизаторами, выраженными посредством метафорических образов и средств в художественных произведениях второй половины XIX и XX веков.

6. Ценностная трансформация концепта «*depravity* / испорченность», выявленная в период со второй половины XIX века по вторую половину XX века в англоязычной концептосфере на материале художественных произведений, сводится к повышению значимости культурного феномена толерантности по отношению к недостаткам поведения и мыслям человека и к расширению его оценочных критериев в современном социуме. Претерпевшие во второй половине прошлого столетия изменения в аксиологической системе,

сформировавшиеся этические нормы и установки, менее жестко регламентирующие поведение человека, выражаются в терпимом отношении к таким ранее строго осуждаемым чертам характера и поступкам индивида, как эгоизм, избалованность, увлечение вредными привычками.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы, полученные в ходе выполнения диссертационного исследования, излагались на следующих научных конференциях: «Актуальные проблемы современной науки» (Москва, 2019); XXVI Региональная конференция молодых ученых и исследователей Волгоградской области (Волгоград, 2021); XXVII Региональная конференция молодых ученых и исследователей Волгоградской области (Волгоград, 2022); III Всероссийская с международным участием научная конференция для молодых исследователей «Иноязычная коммуникация: полипарадигмальный аспект» (Волгоград, 2022); VI Международная научная конференция «Преподавание английского языка в профессиональном контексте: традиции, инновации, перспективы» (Тамбов, 2023); Международная научная конференция «Дискурс – Язык – Социум» (Волгоград, 2023); Международная научная конференция «Лингвистика первой четверти XXI века: тенденции, итоги и перспективы» (Тверь, 2023); II Международная научная конференция «Лингвистическая аргументология: проблемы и перспективы» (Калуга, 2024); Международная научно-теоретическая конференция «Человек в коммуникации» (Волгоград, 2024); IV Всероссийская с международным участием научная конференция для молодых исследователей «Иноязычная коммуникация: полипарадигмальный аспект» (Волгоград, 2024).

По теме исследования имеется 6 публикаций общим объемом 3,15 п.л., в том числе 3 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка (154 наименования) и приложения.

В первой главе «Теоретико-методологические основы изучения концепта “depravity/испорченность”» представлены научные подходы к исследованию концепта на материале художественной литературы. Вторая глава «Концепт “depravity/испорченность” в англоязычной картине мира второй половины XIX века» посвящена исследованию концепта «depravity / испорченность» во второй половине XIX века на материале лексикографических источников и англоязычной художественной литературы данного периода. В третьей главе «Концепт “depravity/испорченность” в англоязычной картине мира второй половине XX века» анализируется концепт «depravity / испорченность» во второй половине XX века и его семантические деривации в сравнении с содержанием этого концепта во второй половине XIX века.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА «DEPRAVITY / ИСПОРЧЕННОСТЬ»

1.1. Сознание как отражение объективной реальности

1.1.1. Индивидуальное и общественное сознание

Одну из ключевых ролей в нашем исследовании занимает понятие «сознание» в целом, а также понятия «индивидуальное сознание» и «общественное сознание» в частности.

Термин «сознание» является философским и определяется «Новой философской энциклопедией» как «состояние психической жизни организма, выражающееся в субъективном переживании событий внешнего мира и тела организма, а также в отчёте об этих событиях и ответной реакции на эти события» [Новая философская энциклопедия, 2010, с. 340].

«Большой энциклопедический словарь» утверждает, что сознание есть «высшая форма психического отражения, свойственная общественно развитому человеку и связанная с речью, идеальная сторона целенаправленной деятельности» [Большой энциклопедический словарь, www]. Однако, будучи изначально философским, данное понятие было заимствовано рядом других наук, такими как биология, психология, социология, лингвистика и т.д. [Там же].

С учетом проблематики исследования нам необходимо подробнее остановиться на социологической и лингвистической трактовке термина «сознание».

С точки зрения социологии, понятие «сознание» как таковое имеет три значения. Первое значение данного понятия – это «высшая, свойственная только человеку, и связанная с речью форма обобщенного и целенаправленного отражения действительности». Второе значение понятия

«сознание» подразумевает «способность мыслить, рассуждать и определять свое отношение к действительности; свойство высшей нервной деятельности человека». Третье же значение включает «состояние человека в здравом уме, твердой памяти; способность отдавать себе отчет в своих поступках, чувствах» [Большой толковый социологический словарь, www].

Также в социологии принято разделять понятия «индивидуальное сознание» и «общественное сознание». Согласно Большому толковому социологическому словарю, последнее представляет собой «отображение в духовной деятельности людей, интересов, представлений различных социальных групп, классов, наций, общества в целом» [Большой толковый социологический словарь, www]. В свою очередь, «индивидуальное сознание» определяется как «сознание конкретной личности, принадлежащей к определенному обществу, классу, различным социальным группам и коллективам. В индивидуальном сознании общественное бытие отражается и осознается через призму индивидуального своеобразия бытия отдельной личности. Индивидуальное сознание представляет собой единство познания, результатом которого является система знаний личности, составляющих ядро, способ существования сознания и переживания, формирующего отношение личности к различным сторонам объективного мира, – людям, их взаимоотношениям» [Там же].

Это противопоставление «индивидуальное – коллективное» или «индивидуальное – общественное» является базовым в социологии и используется нами как основополагающее противопоставление данного исследования.

С целью более точного определения отношений между индивидуальным и общественным сознанием обратимся к французскому социологу и философу, основателю французской социологической школы Эмилю Дюркгейму.

По мнению ученого, в человеке «есть две категории состояний сознания, которые противоположны друг другу по своему происхождению, по своей

природе и целям» [Дюркгейм, 2013, с. 134]. Под «категориями состояний сознания» Э. Дюркгейм понимает индивидуальное и общественное сознание, которые являются неразделимыми и несуществующими отдельно друг от друга, согласно теории человеческого дуализма [Там же].

Также Э. Дюркгейм утверждает, что индивидуальное сознание выражает «лишь наш организм и предметы, с которыми он самым непосредственным образом соприкасается. Они строго индивидуальны и связывают нас лишь с нами самими: мы точно также не можем отделить их от себя, как не можем отделить собственное тело» [Дюркгейм, 2013, с. 134], т.е. индивидуальное сознание является продуктом личного опыта его носителя и формируется в процессе его жизни как отражение объективной действительности. Однако «при смешении общественных идеалов с жизненным опытом конкретного индивида сами эти идеалы подвергаются изменению, индивидуализации, приходя в соприкосновение с индивидуальными особенностями, такими, как темперамент, характер, привычки и т.п.» [Там же]. Таким образом, определенная часть индивидуального сознания также является продуктом существования индивида в обществе, т.к. индивидуальное сознание обогащается идеями общественного сознания, преломляясь через призму личного опыта [Там же].

Коллективные представления, в свою очередь, «происходят из общества: они переводят его в нас и связывают нас с тем, что нас превосходит» [Дюркгейм, 2013, с. 134]. Они возникают как результат психической операции слияния, объединения индивидуальных сознаний в общее сознание. Можно утверждать, что общественное сознание формируется на основании личного опыта индивидов, составляющих данное общество, как общее на основе частного. Однако Э. Дюркгейм утверждает, что «эти идеалы – продукт групповой жизни, но они могут возникать, и тем более продолжать своё существование, только если проникают в индивидуальные сознания и закрепляются там надолго» [Там же].

Из вышесказанного следует, что взаимосвязь индивидуального и общественного сознания является двусторонней. С одной стороны, совокупность индивидуальных сознаний индивидов, составляющих общество, служит субстратом для более абстрактного общественного сознания и обеспечивает существование последнего. С другой стороны, индивидуальное сознание использует идеи общественного сознания в качестве основы для проживания личного опыта и личностного осмысления объективной действительности.

Подводя итог, следует заметить, что общественное сознание представляет собой систему, основанную на синтезе представлений, идей, сформированных у носителей данного общественного сознания. Индивидуальное сознание является совокупностью личного опыта индивида и идей общественного сознания, преломленных через этот опыт. Общественное и индивидуальное сознания обладают двусторонней связью, зависят друг от друга и соотносятся как общее и частное, абстрактное и конкретное.

1.1.2. Языковое сознание

Индивидуальное и общественное сознание, как уже говорилось выше, обладают двусторонней связью, т.е. зависят друг от друга и существуют на основе друг друга. Сознание как таковое является абстрактной сущностью и может быть обнаружено только через свои конкретные проявления, через поведение как физическое, так и языковое. Более того, согласно А.А. Леонтьеву, «то, в чем и при помощи чего существует сознание общества, есть язык» [Леонтьев, 1988, с. 14].

Л.С. Выготский также полагает, что сознание находит свое отражение через язык и расширяет эту мысль, утверждая следующее: «Сознание имеет языковую, речевую природу ... Иметь сознание – владеть языком. Владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания» [Выготский, 1996, с. 267].

Феномен языкового сознания объединяет два термина: с одной стороны, сознание как психологическое понятие и абстрактная сущность, с другой стороны, язык в виде своего материального проявления, т.е. речи.

Е.Ф. Тарасов утверждает, что «языковое сознание в отечественной психолингвистике трактуется как совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 1997, с. 200]. При этом стоит отметить, что главенствующая роль в этой дихотомии отводится сознанию. Таким образом, языковое сознание трактуется как первичный феномен, овнешняемый при помощи средств языка и предьявляемый через речевое поведение его носителя.

В психолингвистике выделяют две формы проявления языкового сознания [Ушакова, 1998, с. 15]. Динамическая форма проявления языкового сознания подразумевает вербальное выражение состояния сознания. Примерами динамической формы проявления можно считать бытовую речь, а также произведения художественной литературы.

Вторая форма проявления языкового сознания описывается различными авторами как языковой тезаурус, вербальные сети или семантические поля. Данные явления представляют собой совокупное действие языка, речи и сознания как основу для формирования новых структурных образований в сознании субъекта.

В большинстве случаев данное явление исследуется методом вербальных ассоциаций или путем ассоциативного эксперимента. Согласно Н.В. Уфимцевой, ассоциативный эксперимент представляет собой вариант овнешнения языкового сознания, а ассоциативные поля, формируемые из реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания. Образ сознания, вызванный в качестве первой реакции на слово, иными словами, ассоциация, является одним из способов описания знаний,

которыми пользуются коммуниканты в процессе производства и восприятия речи [Уфимцева, 2003, с. 106].

Группа исследователей (Ю.Н. Караулов, Ю.С. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова и др.) провели обширное исследование ассоциативно-вербальной сети для выявления прямых и обратных связей, включающих более миллиона словоупотреблений, которые рассматриваются в качестве субстрата языковой деятельности субъекта. По мнению авторов исследования, полученный материал представляет собой языковой тезаурус носителя языка или его языковое сознание [Русский ассоциативный словарь, 1994].

Обратимся к структуре языкового сознания. В нем принято выделять ядро, включающее в себя конечное число «знаний-рецептов» и являющееся неизменной в течение всей жизни проекцией бытия индивида. На основе этой проекции человек может ориентироваться в окружающем мире и обрабатывать информацию, полученную эмпирическим путем. С ядром также связаны высшие формы психического функционирования, такие как мышление, творчество, рефлексия, способность создавать абстрактные и обобщенные представления и оперировать ими, способность формировать моральные понятия, нести ответственность за свои действия, понимать скрытые свойства мира [Тарасов, 2000, с. 46].

Благодаря языковому сознанию любое состояние индивида с той или иной степенью точности может быть вербализовано. Основными примерами данной функции языкового сознания являются бытовая речь и речь литературных деятелей, ученых, философов. Роль данных видов речи состоит в том, чтобы языковыми средствами передать свое состояние сознания. Поэтому мы считаем возможным изучать индивидуально-авторское сознание по результатам речевой деятельности человека (в нашем случае – писателей), т.е. по продуцируемым им текстам.

Следовательно, языковое сознание представляет собой объединение образов сознания, которые формируются и овнешняются через языковые

средства. Оно существует в виде языкового тезауруса и вербальных выражений состояния сознания. Вербальные сети языкового сознания могут быть исследованы по своим вербальным проявлениям, таким как бытовая, литературная или научная речь.

Согласно Е.С. Кубряковой, «когнитивный взгляд на природу естественного языка заставляет признать не только сам факт ментальной репрезентации мира в сознании человека, но и факт упорядоченности этой репрезентации, наличия в ней организующих принципов в представлении знаний и их существования в форме концептов, содержательных единиц сознания» [Кубрякова, 2004, с. 103]. Таким образом, можно утверждать, что концепт как квант знания является средством репрезентации сознания и может послужить средством его исследования.

1.2. Концепт как единица национальной и индивидуально-авторской картины мира

1.2.1. Проблема картины мира в лингвистике

Наряду с языковым сознанием и концептом одним из основных понятий нашего исследования является понятие «картина мира». Изначально используемый в сфере естественных наук термин «картина мира» был введен в научный обиход физиком Г.Г. Герцем и получил распространение в различных областях современной науки, таких, как физика, логика, философия, лингвистика и другие. В лингвистической науке термин нашел своё применение благодаря Л. Вайсгерберу [Weisgerber, 1930, с. 46].

Согласно Г.В. Колшанскому, картина мира является совокупностью знаний человека о мире. В процессе познания реального мира у индивида формируется некий «вторичный мир», который является отражением первичного, реального мира [Колшанский, 1990, с. 103]. Важно отметить, что способом отражения является не язык, а мышление, которое обладает отражающей способностью. Таким образом, по утверждению

Г.В. Колшанского, картина мира представляет собой продукт мышления, результат деятельности которого закреплён посредством языка.

Согласно авторам книги «Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира», картину мира представляет собой образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека и отражающий существенные свойства мира. Более того, картина мира является совокупностью результатов духовной деятельности ее носителей. По мнению авторов, создание картины мира проходит в два этапа. Первый – экспликация и переосмысление предметов и явлений реальности. На втором этапе происходит процесс систематической рефлексии. В ходе этой рефлексии создаются новые образы, которые становятся компонентами данной картины мира [Постовалова, 1988, с. 20].

М.В. Пименова считает, что картина мира – «совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности» [Пименова, 2019, с. 108].

По мнению Т.В. Цивьян, картина мира – это целостный образ мира, сформированный на основе всей активности человека, его контактов с миром и совокупности представлений о нем [Цивьян, 2009, с. 134]. Известно также, что человек воспринимает и интерпретирует мир не объективно, напрямую, а через определенную систему когнитивных схем и предметных значений [Леонтьев, 1975, с. 200]. Эта система в свою очередь порождается процессом социализации индивида в определенной среде. Таким образом, картина мира является некой системой когнитивных схем, которые формируются в процессе социализации конкретного человека и используются им для интерпретации явлений объективной реальности.

Согласно В.Б. Касевичу, картина мира имеет темпоральный характер поскольку закодирована «средствами языковой семантики, и со временем может оказаться в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария» [Касевич, 1996, с. 102]. Также исследователь полагает, что с использованием языкового

инструментария на основе старых смыслов могут быть «построены» новые [Там же].

Картина мира существует в различных формах, в том числе в форме «языковой картины мира».

Согласно «Краткому словарю когнитивных терминов» языковая картина мира является «отражением в категориях (отчасти формах) языка представлений данного языкового коллектива о строении, элементах и процессах действительности в ее соотношении с человеком» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 222].

Т.В. Цивьян считает, что общая картина мира представляет собой результат освоения индивидом реального мира посредством языковой картины мира [Цивьян, 2009, с. 134].

Целью современной лингвистической науки является изучение соотношения языка и мышления. Когнитивная ориентированность изменила отношение к «философии языка», теории, сформулированной В. фон Гумбольдтом в XIX веке. Согласно его теории, мышление индивида и его взгляд на мир предопределено конкретным языком, поэтому членение мира в разных языках происходит по-разному. То, что в одном языке вербализуется при помощи отдельных слов, в других требует использования описательных средств. Исходя из этого, можно утверждать, что внутренняя форма каждого языка уникальна и воплощается в категоризации реального мира через значения слов и грамматических категорий данного языка [Гумбольдт, 1985, с. 276].

В отличие от В. фон Гумбольдта, Г.В. Колшанский считает, что язык не может самостоятельно создать картину мира, он только дает возможность ее зафиксировать. По мнению исследователя, «вся структура языка может сопоставиться со структурой мира <...>; картина мира как совокупность знаний человека о мире подменяется картиной мира, существующей в языке, т.е. “языковой картиной мира”» [Колшанский, 1990, с. 103].

Многими учеными отмечается метафорическая природа языковой картины мира, что влияет на трактовку самого понятия «языковая картина мира». Так, Г.В. Колшанский определил языковую картину мира как «то или иное представление человека о каких-либо явлениях жизни, которые сформировались у него в результате его жизненного опыта» [Там же].

Ю.Д. Апресян называет языковую картину миру «наивной», тем самым подчеркивая ее донаучный характер. «В наивной картине мира отражается вся совокупность духовного и материального опыта людей, говорящих на определенном языке. Наивные представления о мире фиксируются языком и определенно отражают знания и культуру носителей этого языка» [Апресян, 2006, с. 349]. В свою очередь, А.В. Кравченко полагает, что языковая картина мира является герменевтическим термином и поэтому обладает более объемным содержанием, чем наивная картина мира. Исследователь определяет языковую картину мира как отражение концептуализации человеком мира при помощи грамматических и лексических элементов языка [Кравченко, 1995, с. 52].

Согласно М.В. Пименовой, языковая картина мира является «совокупностью знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний» [Пименова, 2019, с. 108]. Данное определение уточняется в работах В.В. Красных: «языковая картина мира состоит из “блоков” (понятийных, концептуальных), которые предопределяют наше видение окружающего мира, наше восприятие и членение окружающей действительности, причем эти “блоки” имплицитны и неосязаемы, неосознаваемы, как неосознаваем нами воздух, когда его достаточно и он таков, к какому мы привыкли» [Красных, 2002, с. 13]. Таким образом, языковую картину мира составляют данные, которые оцениваются конкретным индивидом как значимые. Эту идею также разделяет Г.В. Колшанский, говоря о языково-мыслительной картине мира, т.к. «есть соотношение «языкомышление – мир», а не «язык – мышление»» [Колшанский, 1990, с. 103].

В то же время З.Д. Попова считает языковую картину мира совокупностью знаний о реальном мире, которая формируется в общественном, групповом или индивидуальном сознании [Попова, 1999, с. 4].

Некоторые исследователи также проводят параллель между языковой и национальной картинами мира. К примеру, В.И. Карасик утверждает, что языковая картина мира есть «целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Карасик, 2001, с. 76]. Также, по мнению В.П. Руднева, составителя «Словаря культуры XX века», возможно реконструировать картину мира не только нации или этноса, но и социальной или профессиональной группы или отдельного индивида [Руднев, 1999, с. 300]. Языковая картина мира играет важную роль в формировании отношения индивида к миру, а также определяет свойственные ему нормы поведения и взаимодействия с миром. Исходя из этого, можно говорить о языковой картине мира как об обобщении знаний о мире, отраженном в языке.

На этом основании нам представляется возможным разграничить термины «национальная картина мира» и «индивидуальная картина мира».

Национальная картина мира, по нашему мнению, является комплексом представлений этноса об объективной реальности, появившихся в ходе истории данного этноса. Индивидуальная картина мира представляет собой объединение когнитивных схем, которые индивид использует в процессе восприятия и понимания мира. Эта картина мира состоит из национальной картины мира и индивидуальных компонентов, появившихся в ходе обработки индивидом явлений объективной реальности.

Однако следует указать, что сами когнитивные схемы относятся к сфере психологических исследований и не могут быть отражены в художественном тексте без опредмечивания языковыми средствами, поэтому под термином «картина мира» в данном исследовании мы понимаем языковую картину мира, т.е. совокупность представлений о мире, опредмеченных в языке.

Таким образом, можно заключить, что индивидуально-авторская картина мира является частным случаем картины мира. Индивидуально-авторская картина мира находит свое отражение в тексте при помощи языковых средств, включает в себя элементы национальной картины мира и является субъективным отражением объективной реальности и отражает особенности языкового сознания ее создателя.

1.2.2. Идиостиль как способ отражения картины мира в художественном тексте

В предыдущем параграфе мы отмечаем, что индивидуально-авторская картина мира репрезентируется в тексте ее носителя. Стоит отметить, что отражение индивидуально-авторской картины мира происходит не напрямую, т.к. она сама влияет на выбор языковых средств автором текста. Учитывая уникальный характер индивидуально-авторской картины мира, можно сделать вывод, что и выбор языковых средств будет уникальным. В таком случае мы говорим об идиостиле.

Термин «идиостиль» трактуется по-разному в зависимости от своего применения. В широком смысле под идиостилем понимается совокупность индивидуальных особенностей речи, имеющей неповторимую комбинацию языковых и речевых средств. В.В. Виноградов понимал идиостиль как стиль писателя: «...стиль писателя – это система индивидуально-эстетического использования, свойственного данному периоду развития художественной литературы, средств словесного выражения» [Виноградов, 1959, с. 85].

По мнению С.Т. Золян, идиостиль есть «система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора, которая делает уникальным воплощенный в этих произведениях авторский способ языкового выражения» [Золян, 1989, с. 8].

Можно заметить, что современные определения понятия «идиостиль» подчеркивают его системно-текстовый аспект. Так, по мнению Т.А. Чернышевой, под идиостилем следует понимать «совокупность

языковых средств, характеризующихся доминантностью и реализованных внутри институционального дискурса в корпусе текстов, принадлежащих одному автору» [Чернышева, 2007, с. 8].

Особого внимания заслуживает структура идиостиля, разработанная А.В. Болотновым. По его мнению, идиостиль является многослойным вербальным феноменом, сочетающим в себе несколько стилей. С одной стороны, идиостиль включает культурно-речевой стиль как совокупность лексикона, семантикона, грамматикона, стилистических приемов, типов выдвижения информации и типа речевой культуры. С другой стороны, идиостиль подразумевает также коммуникативный стиль, т.е. речевые тактики и стратегии, регулятивные средства и структуры, коммуникативные нормы, ориентацию на адресата, жанры. В качестве третьего компонента идиостиля автор включает когнитивный стиль как вербализацию в тексте концептуальной картины мира и отражение интеллектуальных способностей, эмоций, оценок, целей, мотивов [Болотнов, 2016, с. 23].

Говоря об идиостиле, мы также считаем необходимым обратиться к понятию «идиолект». Первое применение термина «идиолект» принадлежит Б. Блоху. Исследователь утверждает, что идиолект представляет собой совокупность возможных высказываний одного автора за один промежуток времени при использовании языка для взаимодействия с другим говорящим [Bloch, 1948, p. 4].

Н. Хомский, в свою очередь, считал, что идиолект является индивидуальной системой языка, «внутренним языком». Под «внутренним языком» исследователь понимал порождающую процедуру, образующую структурные описания комплексов фонетических, семантических и структурных свойств [Chomsky, 2000, p. 114].

Несмотря на некоторые различия определений, можно заметить, что западные ученые определяют идиолект как совокупность характеристик применения языка определенным индивидом в определенный период времени. Однако стоит принять во внимание, что в терминологическом аппарате

зарубежной лингвистики отсутствует термин «идиостиль», что расширяет терминологические рамки понятия идиолект и зачастую приводит к отождествлению понятий «идиостиль» и «идиолект».

В связи с этим обратимся к трудам отечественных ученых (Л.Н. Гаспарова, В.П. Григорьева, М.А. Караваевой, Ю.Н. Караулова, В.Д. Лютикова, Н. Макаровой, Д.М. Поцепни, А.И. Северской, В.Г. Щукину и др.), которые предпринимали попытки разграничить данные понятия, хотя и не пришли к единому мнению.

Согласно М.А. Федотовой, «идиолект» является «совокупностью формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка» [Федотова, 2013, с. 221]. В то же время М.М. Михайлов считает, что «идиолект – это индивидуальный язык личности, сложившийся на основе преломленных через призму личного когнитивного и коммуникативного опыта социальных эталонов и норм» [Михайлов, 1966, с. 85]. К схожему выводу приходит и В.Г. Щукин: «Идиолект – это система речевых средств индивидуума, формирующаяся на основе усвоения языка и развивающаяся в процессе жизнедеятельности данного индивидуума» [Щукин, 1978, с. 3].

В.В. Виноградов предлагал понимать термин «идиолект» двумя разными способами [Виноградов, 1998, с. 144]. Во-первых, он понимает идиолект как комплект текстовых произведений одного автора, исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка. Во-вторых, ученый представляет идиолект как комплекс специфических языковых особенностей индивида. Стоит обратить внимание на то, что данное определение идиолекта пересекается с определением идиостиля, к которому мы обращались ранее. С целью конкретизации отметим, что в рамках нашего исследования мы определяем «идиолект» как совокупность созданных автором текстов, а «идиостиль» – как комплекс языковых средств, реализуемых в текстах конкретного автора. При этом в данный комплекс включаются все

используемые языковые средства, а не только индивидуально значимые (т.е. употребляемые с наибольшей частотой).

Идиостиль и идиолект неразрывно связаны. С одной стороны, идиолект существует только как общность текстов, созданных в рамках одного конкретного идиостиля. С другой стороны, идиостиль находит своё выражение в текстах идиолекта и не может существовать в отрыве от них.

Таким образом, идиостиль определяется как совокупность языковых средств, используемых автором для создания своих текстов, в то время как идиолект – это общность данных текстов, созданных конкретным автором и являющихся материальным выражением идиостиля.

Для полноценного понимания терминологического аппарата данного исследования вновь обратимся к ряду вышеописанных понятий. По нашему мнению, индивидуальное сознание автора является совокупностью личного опыта автора и идей общественного сознания, преломленных через этот опыт. Индивидуальное сознание включает в себя индивидуально-авторскую картину мира (следовательно, и часть национальной картины мира), находит свое выражение в языковом тезаурусе автора и вербальных выражениях состояния его сознания, т.е. в языковом сознании. Языковое сознание автора может быть обнаружено в продуцируемых им текстах, т.е. в идиолекте. Исследование идиолекта позволяет определить идиостиль автора и, как следствие, обнаружить его индивидуальную картину мира.

1.2.3. Понятие концепта в современной лингвистике и подходы к его изучению

Выбор комплекса языковых средств, составляющих идиостиль автора, осуществляется писателем в соответствии с его языковой картиной мира, а также исходя из задач, реализуемых текстом. В свою очередь, концепт, являясь средством репрезентации языкового сознания, опредмечивается в идиолекте писателя и может быть исследован путем анализа авторского идиолекта.

Термин «концепт» впервые был введен в научный обиход С.А. Аскольдовым в статье «Концепт и слово». В ней ученый определил данное понятие как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Аскольдов, 1997, с. 85].

Согласно «Краткому словарю когнитивных терминов», концепт является идеальной абстрактной единицей-смыслом и помогает индивиду в осуществлении мыслительной деятельности. Кроме того, концепт включает отражение содержания предшествующих знаний или опыта человека, а также содержание всех результатов деятельности и процессов познания конкретного человека в виде определенных единиц, так называемых «квантов знания» [Краткий словарь когнитивных терминов, 1996, с. 134]. Стоит отметить, что содержание концепта, согласно данному определению, включает в себя знания, мысли, предположения человека о той или иной части реальности. Следовательно, концепт сочетает в себе многообразие существующих явлений, сводя их к выработанным обществом категориям и классам.

Согласно В.Н. Телия, концептом является «все то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого знания» [Телия, 1988, с. 75], в то время как А.П. Бабушкин определяет концепт как «дискретную содержательную единицу коллективного сознания или идеального мира, хранимую в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин, 1996, с. 104].

По мнению В.И. Карасика, концепт представляет собой «первичное культурное образование, выражающее объективное содержание слов и имеющее смысл» [Карасик, 2001, с. 77]. Исследователь считает, что концепты «транслируются в различные сферы бытия человека, в частности, в сферы понятийного, образного и деятельностного освоения мира» [Там же].

Согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернину, концепт является «глобальной мыслительной единицей, представляющей собой квант структурированного знания» [Попова, Стернин, 1999, с. 5]. Ученые также утверждают, что

содержание того или иного концепта в сознании носителей можно описать, проанализировав языковые выражения, через которые концепт реализуется в языке [Там же].

Таким образом несмотря на то, что большинство ученых сходятся во мнениях относительно актуальности и важной роли понятия «концепт» в изучении соотношения языка, сознания и культуры, сформулировать универсальное определение данного понятия исследователям на сегодняшний день не удалось.

Большинство исследователей, однако, согласны, что концепт должен быть обозначен словом [Бабушкин, 1996, с. 104]. Несмотря на то, что концепт и слово, его обозначающее, реализуются через один и тот же звуковой или буквенный комплекс, концепт является более широким понятием, чем слово. Если внутреннее содержание слова представляет собой совокупность семантики и коннотации, то концепт также учитывает субъективный компонент, что приводит к его антиномичности, т.е. его способности сочетать в себе взаимопротиворечащие элементы, нехарактерные для слова.

Ряд исследователей считает, что концепт может пониматься как конструкт, созданный с целью замещения объекта исследования. При этом отмечается, что для образования концепта может послужить исключительно то явление реальности, которое подвергается оценке, т.к. только в процессе оценки индивид способен «пропустить» через себя объект оценки, т.е. соотнести его с собственной системой ценностей [Бабушкин, 1996, с. 104].

Структура концепта состоит из совокупности когнитивных признаков и когнитивных классификаторов, которая объединяет образ, информационное содержание и интерпретационное поле [Клебанова, 2005, с. 25]. Понятийная составляющая представляет собой некоторую совокупность фактической информации об объекте, т.е. наиболее существенные признаки и свойства того или иного предмета или явления. Именно этот элемент, как правило, претерпевает наименьшие изменения с течением времени и может совпадать у различных носителей определенной культуры в силу своей объективности.

Образный элемент концепта представляет собой единицу универсального предметного кода, которая состоит из перцептивного образа, базирующегося на зрительных, вкусовых, тактильных, звуковых и обонятельных ощущениях. Данный компонент связан со способом познания индивидом действительности и поэтому носит более субъективный характер, чем понятийный компонент. Образная составляющая включает в себя представления об объекте, отраженные в языке, и внутренние формы слов, выражающих концепт. Интерпретационное поле носит наиболее субъективный характер и, в свою очередь, подразделяется на оценочную, энциклопедическую, утилитарную, регулятивную, социально-культурную и паремиологическую зоны [Там же].

С точки зрения Ю.С. Степанова, концепт определяется комплексной структурой, в которую входит как «все то, что принадлежит строению понятия», так и «все, что делает его фактом культуры», т.е. история, этимология, современные ассоциации и параллели и др. [Степанов, 2001, с. 164]. При этом в понятийном компоненте концепта исследователь выделяет несколько слоев составляющих. К первому слою относится актуальный основной признак концепта, во второй слой входят один или несколько дополнительных или «пассивных» признаков, третий слой составляет внутренняя форма концепта. Однако, по мнению Ю.С. Степанова, «концепты существуют по-разному в разных своих слоях, и в этих слоях они по-разному реальны для людей данной культуры» [Там же]. Так, в первом слое актуального основного признака концепт реален «для всех пользующихся данным языком как средством взаимопонимания и общения» и включен в процессы общения и мышления. Во втором слое «пассивных» или «дополнительных» признаков концепт существует для некоторых социальных групп. В третьем слое концепт реален только для исследователей, что, однако, не означает, что он не функционирует. Иными словами, концепт обладает полевой структурой, которая включает в себя ядро, делимое на центральную ядерную и околядерную зоны, и периферию, состоящую из ближней

периферии, дальней периферии и крайней периферии. При этом ядерную зону концепта составляют смысловые признаки и конкретизаторы, выражающие ядро национального сознания, а периферию – признаки и конкретизаторы, выражающие индивидуальное сознание [Степанов, 2001, с. 164].

Также важное место в нашем исследовании занимает понятие индивидуально-авторского концепта. Индивидуально-авторский концепт находит свое отражение в авторских текстах, философских и художественных. В.И. Карасик полагает, что индивидуально-авторские концепты могут содержать некоторые приращения смысла и помогают раскрыть содержание данного концепта в системе ценностей автора [Карасик, 2001, с. 78]. Согласно Н.Г. Клебановой, «индивидуально-авторские концепты рождаются в сознании авторов и становятся достоянием сознания читателей в результате процесса восприятия и постижения информации, изложенной при помощи языковых средств» [Клебанова, 2005, с. 24].

Обратимся к определению художественного концепта Н.С. Болотновой. Исследователь под данным понятием понимает «единицу сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [Болотнова, 1998, с. 245]. В данной работе мы, вслед за Л.Г. Бабенко [Бабенко, 2003, с. 15], Н.С. Болотновой [Болотнова, 1998, с. 245] и Н.А. Кузьминой [Кузьмина, 2011, с. 24] понимаем под индивидуальным (художественным) концептом такую смысловую категорию, которая содержит в себе опыт литературной личности, ее мировоззрение и ценностную систему и которая участвует в формировании новых художественных смыслов. Данные художественные смыслы находят свое отражение в художественных произведениях.

На основании вышеизложенного мы считаем возможным определить индивидуально-авторский концепт как индивидуальное преломление национального культурного концепта, отраженного в художественном

произведении или произведениях определенного автора, через призму опыта конкретной литературной личности. Во-первых, индивидуально-авторский концепт, опредмеченный в языке через слово, позволяет провести наиболее полный лингвистический анализ текста, что является одной из задач нашего исследования. Во-вторых, концепт как вербализованная в творчестве автора единица авторской концептосферы позволяет проводить исследование индивидуально-авторской картины мира через такие содержательные формы слова, как образ, понятие и символ. Как было указано выше, индивидуально-авторский концепт является когнитивным образованием, поэтому его эксплицитная или имплицитная вербализация может быть обнаружена в тексте художественного произведения. Под эксплицитным путем вербализации индивидуально-авторского концепта понимаются лексические единицы, наиболее часто используемые носителями определенной лингвокультуры для вербализации данного концепта. Имплицитным путем вербализации являются лексические, грамматические и стилистические средства, которые не применяются большинством носителей данной лингвокультуры, но могут быть использованы ее отдельными представителями и характеризуют ассоциативно-образный и оценочный слои индивидуально-авторского концепта.

Вербализация концептов в художественных текстах позволяет исследователю проанализировать их преломление сквозь призму индивидуального опыта и мировоззрения автора и поэтому представляет большой научный интерес. Индивидуально-авторский концепт, как правило, представляет собой трансформацию одноименного концепта, входящего в национальную концептосферу, и сформирован под влиянием личностных особенностей и мировоззрения автора. Таким образом, мы считаем необходимым разграничивать не только понятия «национальная картина мира» и «индивидуальная картина мира», но и «общенациональный концепт» и «индивидуально-авторский концепт». Под термином «национальный концепт» понимается дискретная, содержательная единица коллективного

сознания носителей лингвокультуры, отражающая объект реального или идеального мира и содержащаяся в памяти носителей языка в вербально обозначенном виде [Бабушкин, 1996, с. 104]. Индивидуально-авторский концепт в свою очередь является личностной интерпретацией национального содержания концепта [Бабенко, 2003, с. 15; Болотнова, 1998, с. 245; Кузьмина, 2011, с. 24]. Отметим, что в рамках данного исследования мы рассматриваем концепт «depravity» как национальный концепт, а индивидуально-авторские интерпретации данного концепта используются нами как источник авторских смысловых приращений, составляющих дальнюю периферию концепта [Стернин, Саломатина, 2011. с. 65].

Мы считаем также необходимым определить место концепта «depravity» в ряду других концептов. Для этого рассмотрим некоторые имеющиеся подходы к классификации концептов в современной лингвистике.

Согласно классификации В.И. Карасика, концепты могут быть разделены на параметрические и непараметрические. К параметрическим исследователь относит концепты, выступающие в качестве категорий-классификаторов реальных характеристик объектов. Концепты, отражающие предметное содержание, называются непараметрическими [Карасик, 2005, с. 86]. Данная группа концептов, в свою очередь, подразделяется на регулятивные (управляющие поведением и поступками человека) и нерегулятивные концепты [Там же, с. 75].

М.В. Пименова предлагает разделять концепты по языковой актуализации на базовые (отражающие фундамент языка и картины мира), концепты-дескрипторы (квалифицирующие базовые концепты) и концепты-релятивы (отражающие типы отношений между концептами) [Пименова, 2004, с. 202]. Н.Н. Болдырев основывает свою классификацию концептов на структуре и степени абстракции концептов и выделяет конкретно-чувственный образ, схему, понятие, прототип, пропозицию, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт и др. [Болдырев, 2014, с. 50]. Согласно

структурной типологии, концепты делятся на концептуально-простые и концептуально-сложные [Там же].

Концепт «depravity», согласно классификации, предложенной В.И. Карасиком, является непараметрическим регулятивным концептом в связи с тем, что не относится к категориям-классификаторам объектов объективной реальности и имеет в своей основе ценностный компонент, выполняющий функцию управления поведением индивида. По способу актуализации в языке концепт «depravity» может быть классифицирован как базовый концепт, отражающий фундамент картины мира носителей англоязычной лингвокультуры. По сложности структуры концепт «depravity» является концептуально-сложным концептом по причине того, что содержит в себе элементы, которые могут выступать как самостоятельные концепты (например, ложь, лицемерие). Концепт «depravity» отражает не конкретное явление объективной реальности, а некий ментальный конструкт, поэтому данный концепт по содержательному принципу классификации может быть также отнесен к абстрактным концептам.

Также стоит отметить, что ряд лингвистов [Алефиренко, 2016; Арутюнова, 2004; Долевец, 2008; Никитина, 2014; Мокрушина, 2008; Ципотан, 2019] выделяет аксиологический концепт как одну из разновидностей концепта, в которой языковыми средствами закодированы духовно-нравственные ценности лингвокультуры (см.: подробнее: [Бирюлина, 2022, с. 116]). Вслед за упомянутыми исследователями мы считаем необходимым выделять концепты-носители ценностей в класс аксиологических концептов и причисляем концепт «depravity» к ряду таких концептов на основании того, что в нем отражено представление англоязычного лингвокультурного сообщества о безнравственном или аморальном поведении человека.

Таким образом, определив место концепта «depravity» в ряду других концептов, мы считаем также необходимым остановиться на методике концептологического анализа. Методики проведения концептологического

анализа разрабатывались такими отечественными лингвистами, как В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов (см. подробнее: [Леонтович, 2011, с. 89]). В рамках исследования мы пользуемся комплексной методикой семантико-когнитивного исследования, разработанной З.Д. Поповой и И.А. Стерниным.

Первый этап данной методики состоит в построении номинативного поля концепта, что подразумевает установление языковых средств, номинирующих концепт. Ряд приемов, позволяющих осуществить данный этап, включает: установление ключевого слова-репрезентанта; синонимическое расширение ключевого слова с целью установления ядра номинативного поля; анализ контекстов, в которых номинируется концепт; определение периферии номинативного поля посредством текстового анализа, анализа ассоциативного поля концепта и других приемов [Попова, Стернин, 2007, с. 176-193].

Отметим, что исторический характер данного исследования не позволяет использовать лингвистический ассоциативный эксперимент с респондентами-носителями лингвокультуры. По этой причине анализ ассоциативного поля концепта «depravity» осуществляется на основе данных словарей, содержащих ассоциативный компонент, и относящихся к соответствующим историческим периодам – второй половине XIX и XX веков, а также на основе содержания исследуемых литературных источников.

Вторым этапом семантико-когнитивной методики исследования концептов является анализ семантики языковых средств, объективирующих концепт, который осуществляется на основе анализа лексикографического значения лексем в совокупности со свободным или направленным психолингвистическим экспериментом [Попова, Стернин, 2007, с. 165-175]. В силу ограничений, вызванных историческим характером исследования, анализ семантики языковых средств проводится нами на основе лексикографических данных.

В качестве третьего этапа рассматриваемой методики выступает описание семантики языковых средств с помощью лексикографических источников и посредством компонентного анализа. Полученное описание подвергается верификации через предъявление его носителям языка [Попова, Стернин, 2007, с. 193-194]. В рамках исследуемых периодов (второй половины XIX и XX веков) процедура верификации представляется невозможной и, в связи с этим заменена нами на анализ художественных произведений британских и американских авторов данных временных отрезков. В результате исследования было установлено, что 84% проанализированных художественных контекстов объективации концепта «depravity» актуализируют и верифицируют лексикографическую семантику языковых средств, репрезентирующих данный концепт, в связи с чем остальные контексты (16%), иллюстрирующие авторское смысловое приращение данного концепта, представляют отдельный интерес и раскрываются более подробно в следующих разделах диссертации.

На заключительном этапе семантико-когнитивной методики исследования концептов проводится описание смысловых признаков (содержания) исследуемого концепта и представление его структуры в виде поля, включающего ядерную и околождерную зоны, а также ближнюю и дальнюю периферию [Попова, Стернин, 2007, с. 162-165].

Отметим, что в рамках нашего исследования ядерная и околождерная зоны, а также ближняя периферия определяется нами на основе компонентного анализа лексем, входящих в номинативное поле концепта «depravity», которое было построено нами на основе лексикографических данных в ходе первого этапа исследования. К дальней периферии мы относим признаки концепта «depravity», не зафиксированные в лексикографических источниках, но репрезентирующие концепт в художественной литературе соответствующих эпох в качестве авторских смысловых приращений (термин В.И. Карасика) [Карасик, 2004]. Каждый из признаков может иметь

свою степень конкретизации, о чем будет более подробно сказано во второй и третьей главах исследования.

Подводя итог, следует отметить, что термины «национальный концепт» и «индивидуально-авторский концепт», которые используются нами в данной работе, являются интерпретацией понятия «концепт» как содержательной единицы, входящей в систему картины мира, и образованной путем опредмечивания в языке соответствующих ей когнитивных схем. Под термином «национальный концепт» мы понимаем дискретную, содержательную единицу коллективного сознания носителей лингвокультуры, отражающую объект реального или идеального мира и содержащуюся в памяти носителей языка в вербально обозначенном виде. Термин «индивидуально-авторский концепт» определяется нами как личностное преломление объективного значения и понятия как содержательного минимума значения.

Под содержанием концепта понимается совокупность его признаков. Структура концепта представляет собой лексико-семантическое поле, состоящее из ядра, околядерной зоны, ближней и дальней периферии. В состав ядра и околядерной зоны входят признаки и конкретизаторы, отражающие национальное сознание, а периферию составляют компоненты индивидуального сознания. Концепт «depravity» относится нами к непараметрическим регулятивным концептам. Данный концепт является базовым аксиологическим концептом, обладающим сложной структурой. Для исследования концепта «depravity» нами используется методика концептологического анализа, разработанная Воронежской лингвистической школой.

1.3. Понятие вертикального и горизонтального контекста

Межкультурная коммуникация как устная, так и письменная протекает в социуме и подразумевает зашифровку сообщения адресантом и его

декодирование адресатом. Однако для корректного и точного понимания информации, заложенной в сообщении, недостаточно только знать язык, на котором оно создано, но также необходим минимально достаточный объем фоновых знаний.

В случае расшифровки письменных текстов ситуация также осложняется тем, что автор может быть представителем другой, чуждой читателю эпохи. Особенности времени, исторические и социальные реалии могут не подчеркиваться автором отдельно в силу их распространенности в его время. Именно поэтому читателю и исследователю для наиболее глубокого понимания авторской мысли необходимо учитывать время, место и историческую ситуацию, в которой был написан текст, т.е. контекст его создания. В связи с этим мы считаем необходимым ввести в нашей работе понятие «вертикального контекста эпохи».

Термин «вертикальный контекст» был введен О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет, которые определили его как «историко-филологический контекст данного литературного произведения» [Ахманова, Гюббенет, 1997, с. 49]. В свою очередь, М.В. Вербицкая дает следующее определение вертикального контекста: «культурно-исторические, социальные, политические факты, реалии данной страны и эпохи, общий историко-филологический фон и литературно-общественная борьба эпохи, стилистические традиции и культурные аллюзии, т.е. информация общекультурного плана, объективно заложенная в литературном произведении, но как бы находящаяся за пределами текста как такового» [Вербицкая, 1980, с. 4].

Однако необходимо также разграничивать понятия «вертикальный контекст» и «фоновые знания». Согласно И.В. Гюббенет и О.С. Ахмановой, термин «фоновые знания» – это «совокупность сведений, которыми располагает каждый, как тот, кто создает текст, так и тот, для кого текст создается» [Ахманова, Гюббенет, 1997, с. 50]. Таким образом, «фоновые знания» представляют собой комплекс социально-исторических,

политических и культурных фактов, которыми владеет носитель языка, а «вертикальный контекст» является исключительно частью этого комплекса, отраженного в тексте.

При анализе литературного произведения исследователь не может опираться исключительно на вертикальный контекст, ему необходимо также учитывать горизонтальный контекст. По мнению О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет, горизонтальный контекст является «лингвистическим окружением данной языковой единицы, условиями или особенностями употребления данного элемента в речи и вообще законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» [Ахманова, Гюббенет, 1997, с. 52]. Таким образом, горизонтальный контекст находит эксплицитное выражение в тексте художественного произведения, а вертикальный контекст присутствует исключительно в имплицитной форме.

А.М. Геращенко также отмечает, что «горизонтальный контекст для своего адекватного восприятия требует от читателя знания информации, данной ранее в том же самом тексте. Вертикальный же контекст нуждается также и в знании воспринимающим субъектом информации, содержащейся в текстах, появившихся ранее и рассматриваемых как известные для тех людей, на восприятие которых рассчитывает автор при создании своего произведения. Он тесно связан с интертекстуальностью, которая подразумевает включение в текст других текстов – целиком или полностью, в преобразованном или неизменном виде, в виде цитат, аллюзий и т.п.» [Геращенко, 2006, с. 22]. Это подразумевает, что субъект чтения, имеющий целью максимальное понимание мысли, заложенной автором текста, должен анализировать само текстовое сообщение, а также владеть фоновыми знаниями, обладание которыми подразумевал автор.

Таким образом, можно заключить, что анализ горизонтального контекста как эксплицитной языковой составляющей авторского сообщения и анализ вертикального контекста как совокупности подразумеваемых

фоновых знаний читателя имеют равное значение для полноценного исследования всех пластов информации, заложенной в тексте.

Выводы по первой главе

Изучив теоретические источники по теме исследования, мы можем сделать ряд выводов, необходимых для дальнейшего анализа практического материала.

Общественное сознание представляет собой систему, основанную на синтезе представлений, идей, сформированных у носителей данного общественного сознания. Оно служит субстратом для индивидуального сознания, которое включает в себя личный опыт индивида и идеи общественного сознания, преломленные через этот опыт. Индивидуальное сознание как психическая сущность не может быть обнаружено напрямую, в связи с чем необходимо использование другого термина, позволяющего исследовать его овнешляемые проявления. Таким термином является языковое сознание, существующее в виде языкового тезауруса и вербальных выражений состояния сознания.

Индивидуальное сознание, являясь формой отражения объективной реальности, создает некое подобие «вторичной реальности», называемой индивидуально-авторской картиной мира. Данная картина мира несет в себе как отпечаток личности своего создателя, так и элементы, совпадающие полностью или частично с национальной картиной мира, и может быть обнаружена путем анализа текстов данной личности.

В литературных произведениях индивидуально-авторская картина мира проявляется через идиостиль как специфическую совокупность языковых средств, используемых писателем. Материальным выражением идиостиля автора является общность текстов, созданных конкретным автором, т.е. идиолект.

При исследовании как национальной, так и индивидуально-авторской картины мира в связи с их обширностью применяется дробление картины мира на условно самостоятельные единицы-концепты. При этом под национальным концептом понимается дискретная, содержательная единица коллективного сознания, отражающая предмет реального или идеального мира и хранимая в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде. В свою очередь, термин «индивидуально-авторский концепт» определяется как личностное преломление национального значения и понятия как содержательного минимума значения.

При исследовании концептов на материале литературных произведений необходимо учитывать как эксплицитную языковую составляющую авторского сообщения, называемую «горизонтальным контекстом», так и совокупность подразумевающихся фоновых знаний читателя, обозначаемую термином «вертикальный контекст».

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТ «DEPRAVITY / ИСПОРЧЕННОСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

2.1. Содержание концепта «depravity / испорченность» по лексикографическим данным второй половины XIX века

В основу нашей работы был положен принцип триангуляции, т.е. рассмотрение явления с двух и более сторон, что определило циклический характер исследования и возможность многократного использования некоторых методов в ходе работы для проведения схожих процедур. В связи с тем, что основной метод исследования, концептологический анализ, описанный нами в параграфе 1.2.3., является комплексным, нами был использован ряд частных методов в рамках его проведения. Целью концептологического анализа является описание концепта как ментального образования, элемента концептосферы определенной лингвокультуры [Леонтович, 2011, с. 87]. Отметим, что в рамках нашей работы мы используем обобщающий термин «англоязычный» в отношении британской и американской лингвокультур и литературы, поскольку данный термин подразумевает отнесенность к данным лингвокультурам, их репрезентативность в словарях английского языка и в художественной литературе соответствующих временных периодов.

Существует несколько методик проведения концептологического анализа. В нашей работе мы руководствовались методикой семантико-когнитивного анализа концептов [Леонтович, 2011, с. 87], в ходе реализации которой исследование проводилось поэтапно.

Для наиболее точного определения индивидуально-авторских компонентов в составе концепта «depravity» нами был проведен анализ его национально-культурного содержания средствами семантико-когнитивного анализа.

На первом этапе нами было построено номинативное поле концепта путем выявления синонимического ряда с доминантой *depravity*. Для осуществления данной процедуры нами был использован ряд синонимических словарей, относящихся к исследуемой исторической эпохе [Fallows, 1898; A dictionary of synonyms of the English language..., 1872]. В результате анализа было выявлено, что для англоязычной лингвокультуры второй половины XIX века номинативное поле с доминантой *depravity* составляют лексические единицы *depravity, immorality, wickedness, vice, sin, indecency, debauchery, corruption*.

С целью исследования национально-культурного понимания концепта «*depravity*» нами был проведен компонентно-семантический анализ дефиниций названных лексем и их дериватов, отраженных в словарях соответствующей временной эпохи [Webster, 1886; Fowler, 1919; A modern..., 1911; The Century dictionary..., 1901]. На следующем этапе проанализированные дефиниции подверглись обобщению.

Метод обобщения словарных дефиниций основан на принципе дополнительности словарных дефиниций разных словарей, каждый из которых отражает некоторые существенные признаки значения, но наиболее полное описание осуществляется лишь совокупностью дефиниций разных словарей, которые дополняют друг друга [Стернин, Саломатина, 2011, с. 67]. Данный метод позволяет максимально расширить как список значений исследуемого слова, так и список образующих значения семантических компонентов, поскольку в разных словарях возможно выделение разных значений и семантических компонентов одного и того же слова [Стернин, 2013, с. 29].

Продемонстрируем процедуры обобщения словарных дефиниций и компонентного анализа на примере лексемы *depravity*. «The concise Oxford dictionary of current English» предлагает следующую дефиницию данной лексемы: *the state of being contaminated* (состояние оскверненности) [Fowler, 1919]. «A modern dictionary of the English language» определяет

depravity как *the state of being morally bad* (состояние безнравственности) [A modern dictionary..., 1911]. В то же время согласно «Webster's complete dictionary of the English language», лексема *depravity* означает *the state of being immoral* (состояние аморальности) [Webster, 1886]. Обобщенной дефиницией лексемы *depravity* является следующее определение: *the state of being contaminated, immoral* (состояние оскверненности, безнравственности). На основе данной обобщенной дефиниции нами были выявлены семы *state* (состояние), *contamination* (порча, отрицательное влияние), *immorality* (аморальность). В связи с тем, что сема *state* (состояние) является общим понятием для класса абстрактных имен существительных, данная сема (а также другие сходные семы, например, *act, activity*) опускаются нами при анализе семных конкретизаторов признаков концепта «*depravity*».

Аналогичным образом нами был определен компонентный состав других номинантов исследуемого концепта. Для лексемы *immorality* были выделены семы *contamination* (порча, отрицательное влияние), *badness* (негодность), *dishonour* (бесчестие), *condemned act* (действие, осуждаемое общественностью), для лексемы *wickedness – immorality* (аморальность), *atrociousness* (злодеяние); для лексемы *vice – immorality* (аморальность), *sexual promiscuity* (сексуальная распущенность), *contamination* (порча, отрицательное влияние); для лексемы *sin – violation of religious laws* (нарушение религиозных законов), *immorality* (аморальность); для лексемы *indecent – offensive behaviour* (оскорбительное поведение), *immorality* (аморальность); для лексемы *debauchery – behaviour involving too much sex, alcohol or drugs* (поведение, связанное со слишком большим количеством секса, алкоголя или наркотиками), *immorality* (аморальность); для лексемы *corruption – bribery* (взяточничество), *contamination* (порча, отрицательное влияние), *immorality* (аморальность).

Ключевым номинантом концепта является *depravity* в силу того, что его семный состав содержит архисемы *contamination* (порча, отрицательное влияние) и *immorality* (аморальность).

В качестве следующего этапа исследования нами было расширено номинативное поле концепта «*depravity*» путем установления синонимов для лексем, выявленных ранее. На основе обобщенных дефиниций был проведен компонентный анализ полученных лексем (всего 67 единиц), который позволил выявить семные конкретизаторы исследуемого концепта и частотность репрезентации каждого из них. Под индексом частотности семного конкретизатора понимается количество номинантов концепта «*depravity*», в которых присутствует данная сема.

В качестве конкретизаторов с наивысшим индексом частотности были выявлены: *contamination* (порча, отрицательное влияние) (индекс частотности – 19), *immorality* (аморальность) (10), *illegality* (незаконность) (8), *harm* (вред) (7), *decay* (изменение к худшему, менее чистому состоянию) (7), *flaw* (бракованность) (7), *distortion* (искаженность) (7), *evil* (зло) (7), *dishonour* (бесчестие) (6), *contagiousness* (способность к заражению) (6), *deprivation of virtue* (лишение добродетели) (6). Общее количество частотных семных конкретизаторов составило 11 единиц.

В качестве менее частотных семных конкретизаторов нами были выделены семы, являющиеся отличительными характеристиками для каждой словообразовательной парадигмы. Для парадигмы с доминантой *corruption* (*corruptible, corruptly, corrupt*) – *bribery* (взяточничество); для парадигмы с доминантой *wickedness* (*wicked, wickedly*) – *atrociousness* (злодеяние); для парадигмы с доминантой *vice* (*vicious, viciously*) – *sexual promiscuity* (сексуальная распущенность), для парадигмы с доминантой *sin* (*sinner, sinful, sinfully, sinfulness*) – *violation of religious laws* (нарушение религиозных законов); для парадигмы с доминантой *immorality* (*immoral, immorally*) – *condemned act* (действие, осуждаемое общественностью); для

парадигмы с доминантой *indecent* (*indecent*) – *offensive behaviour* (оскорбительное поведение) и пр. Общее количество выявленных сем составило 70 единиц.

Таким образом, концепт «*depravity*» в англоязычной лингвокультуре второй половины XIX века связан с состоянием порочности и бесчестия, проявляющимся в отсутствии добродетелей и обладающим свойством влияния на окружающих путем заражения.

Отметим, что полученные в ходе данного этапа исследования признаки концепта «*depravity*» мы относим, согласно методологии И.А. Стернина, к ядру, околоядерной зоне и ближней периферии концепта. К ядерным нами были отнесены признаки, содержащие обе архисемы *contamination* (порча, отрицательное влияние) и *immorality* (аморальность). К околоядерной зоне – признаки, содержащие в себе только одну из архисем, а к ближней периферии – признаки, в состав семных конкретизаторов которых, входят конкретизаторы ядерных и околоядерных признаков отличные от архисем (см. **Приложение 1**).

Нами также были проанализированы антонимы номинантов [Winston's self-pronouncing, 1911]. При их анализе были выявлены номинанты, отражающие в своем значении ценности религиозного мировоззрения (см. **Приложение 2**).

Приведенная таблица иллюстрирует противопоставленность признаков концепта «*depravity*», репрезентируемых его номинантами, признакам, отражающим основы религиозного мировоззрения. Отметим, что номинант *depravity*, согласно данным словарей второй половины XIX века, не имеет прямого оппозита, в связи с чем концепт раскрывает свои антонимические потенции только через противопоставление его признаков и их антонимов. Антонимичность признаков концепта «*depravity*» признакам, отражающим религиозные ценности, может быть объяснена важной ролью церкви как регулятора норм поведения в обществе. Испорченное поведение определяется в данный период как отклонение от

религиозных норм: как от ключевых ценностей христианства, так и от формальных норм христианского поведения, которое проявляется в регулярном посещении церкви, крещении детей, венчании в церкви как способе регистрации брака.

Данные выводы также подтверждаются анализом ассоциаций, приписываемых номинантам исследуемого концепта [Mawson, 1911]. Ассоциативно-образный уровень концепта «depravity» включает в себя пять групп ассоциаций, каждая из которых связана с религиозным мировоззрением. Религиозные ассоциации основаны на трактовании канонических религиозных текстов и включают в себя как наименования собственно испорченности (например, *heresy, blasphemy*), так и интерпретацию испорченности как некоего испытания веры (например, *power of faith, prayer for salvation*). Нравственная группа содержит ассоциации-наименования добродетелей, отсутствие или недостаток которых интерпретируется как испорченность (например, *morality, innocence*). В санкционную группу входят ассоциации-наказания за несоблюдение религиозных законов как со стороны высших сил (*punishment, torment*), так и со стороны общества (*shame, dishonour*). Криминальную группу составляют ассоциации-наименования разновидностей испорченности, каждая из которых находится в оппозиции с той или иной христианской добродетелью (*cruelty, theft, lust*). Часть образных ассоциаций также связана с представлениями церкви о неподобающем (например, *sorcery*). Другая часть образных ассоциаций представляет собой попытку воплотить абстрактную сущность испорченности в зримую физическую форму (*monster, trap, snare*).

В заключение следует сказать, что содержание концепта «depravity» во второй половине XIX века определялось сильным влиянием религиозных законов, которые служили основанием нормированности, что подтверждает анализ лексикографических источников.

2.2. Объективация индивидуально-авторских признаков концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе второй половины XIX века

На смысловое содержание концепта «depravity», отраженное в англоязычной художественной литературе второй половины XIX века, значительное влияние оказал вертикальный контекст эпохи. Как в Британской империи, так и в США, социально-исторические условия в исследуемый период характеризовались быстрыми и значительными изменениями, что заставило англоязычное лингвокультурное сообщество начать пересмотр устоявшейся системы ценностей.

В начале исследуемого периода Британская империя переживала расцвет своей колониальности. Однако мировой кризис 1866 года пошатнул позиции Великобритании как ведущего мирового государства и позволил Германии и США упрочить свои позиции. Шаткое положение колониальной системы Великобритании заставило литературную общественность обратиться к критицизму колониализма как попытке переосмыслить позицию государства в мировой политике. Этот период в Великобритании зачастую называют викторианской эпохой по имени королевы Виктории. Викторианская эпоха, по мнению В.А. Андриановой, была временем роскоши и блеска и одновременно «миром бесправия, преступности, бедности, боли и скорби». Исследователь также использует термин «Плохая Англия» (*Bad England, Bad poor Britain*), который появился во времена правления королевы Виктории и использовался в английской периодической печати для называния гравюр с изображением трущоб Лондона, созданных по дагерротипным фотографиям или зарисовкам репортеров [Андрианова, 2017].

Такие социально-исторические условия породили особенно мощное чартистское движение, главным открытием которого был образ не только страдающего, но борющегося рабочего класса. Социальный роман

разоблачал жестокость и стяжательство буржуазии, осуждал современное общество за несоответствие идеалам равенства. Представителями данного направления стали Шарлота Бронте (1816-1855), Уильям Теккерей (1811- 1863), Чарльз Диккенс (1812-1870). Однако в конце XIX века в британской литературе социальный роман начинает уступать место эстетическому направлению, рассматривающему не только материальные проблемы, но и исследующему ценность красоты и удовольствия. Это новое направление отражает также меняющееся отношение к наслаждению, делая его более социально приемлемым и тем самым ограничивая группу общественно порицаемых удовольствий, входящих в концепт «depravity» [Мендельсон, 1977; Краткая литературная энциклопедия, 1978].

В США Гражданская война и ее последствия, являясь большим потрясением для молодого государства, вынужденного пересмотреть сложившийся уклад, не могли не затронуть американскую литературу, отразившую кризис ценностей. Примером может служить одно из первых произведений о Гражданской войне «Мисс Равенел уходит к северянам» Джона де Фореста или рассказ «Счастье Ревущего Стана» Фрэнсиса Брета Гарта, ярко демонстрирующий влияние невинности на испорченное общество [Краткая литературная энциклопедия, 1978; Мендельсон, 1977].

Вопросы о положении чернокожего населения в США как до Гражданской войны и после нее нашли свое отражение в аболиционистской литературе, пытающейся прояснить новую ценностную систему американского общества.

Однако сохраняющаяся сложная социально-экономическая ситуация приводит также к появлению в литературе метафоричного опасения за судьбу молодого государства. Самым ярким примером этого мотива является роман «Моби Дик» Германа Мелвилла, в котором надвигающуюся угрозу олицетворяет белый кит. Произведение представляет собой предупреждение соотечественникам, которые своими действиями могут

привести к гибели страну, и таким образом призывает к пересмотру ценностей [Maier, 1977, p. 603].

При этом в государстве сохраняется территориальное разделение на индустриальный Северо-Восток и сельскохозяйственный Юг. Платации Юга продолжают использовать рабский труд, что только усиливало разногласия между частями страны [Муравьева, 2017, с. 84].

Наиболее ярким примером, на наш взгляд, является роман Гарриет Бичер-Стоу «Хижина Дяди Тома», в котором поднимается тема рабства и отношения к чернокожему населению Америки как к людям низшего сорта. Автор исследует изменяющуюся ценностную систему, вводя в произведение персонажей-носителей старых рабовладельческих ценностей и героев-носителей новой ценностной системы. Таким образом, роман позволяет исследовать аксиологические характеристики, приписываемые обществом различному отношению к чернокожему населению, что способствует более глубокому пониманию концепта «depravity» в данный период.

Из-за истощения почв плантаторы Юга устремились на западные земли, изгоняя коренное население – индейцев. Однако и здесь происходило столкновение интересов. Западные земли представляли также интерес для фермеров северных и центральных регионов, в то же время южане стремились развивать эти земли по плантационному пути [Муравьева, 2017, с. 84].

В этот период появляется литература об индейцах («Бедная Сара, или Индеанка» Илайаса Бодио, «Жизнь и приключения Хоакина Мурьеты, знаменитого калифорнийского бандита» Джона Роллина Риджа, «Дочь Монтесумы» Генри Райдера Хаггарда, «Оцеола, вождь семинолов» Томаса Майна Рида и др.), темой которой является борьба индейцев с американцами за земли коренного населения. Данные произведения освещают разницу менталитета и культуры двух народов и тем самым более ярко запечатлевают ценностные ориентиры американцев, что позволяет лучше

проанализировать их представление о подобающем и неподобающем, испорченном [История зарубежной литературы XIX века, 1991, с. 452].

Таким образом, стремительное изменение социально-исторических условий существования англоязычной лингвокультуры заставили ее носителей пересмотреть ценностные основы. Этот период столкновения старых, отживших себя ценностей и новых, еще неустоявшихся идеалов отразился в литературе второй половины XIX века, внося неоднозначность в оценку одних и тех же явлений, что делает произведения данного периода подходящим материалом для изучения концепта «depravity».

Как мы писали ранее, общекультурное понимание концепта, преломляясь через призму жизненного опыта индивида, становится частью индивидуально-авторского понимания данного концепта и воплощается в идиостиле автора и идиолекте как материальном выражении идиостиля. Однако исследование концепта на материале художественной литературы позволяет не только описать данный концепт в рамках индивидуальной концептосферы конкретного автора, но при наличии более широкого материала, представляющего идиолекты разных авторов-современников, дает возможность описать признаки и конкретизаторы из периферийных слоев концепта на основе их повторяемости в идиолектах различных авторов. Данный подход к исследованию концепта определил структуру второй и третьей главы данной работы, описывающую наиболее частотные признаки концепта «depravity» в англоязычной литературе.

2.2.1. Показная религиозность

С древних времен религия в различных своих проявлениях существовала и также участвовала в формировании ценностной базы человеческого сообщества. Религиозное мировоззрение оказало значительное влияние на социальные тенденции и развитие литературной

мысли, что является важным фактором для анализа англоязычной художественной литературы второй половины XIX века.

В Британской империи в первый из рассматриваемых нами диахронических срезов господствовало мировоззрение, которое шотландский историк и писатель Каллум Браун характеризует как «мир невинности, скромной духовности, экономической простоты и социальной гармонии» [Brown, 2009, p. 16] (*Перевод наш. – Ю.Д.*).

В свою очередь Чарльз Тейлор, описывая роль религии, а точнее христианства в британском обществе данной эпохи, использует, по нашему мнению, очень точную и емкую метафору: «христианство есть перила, на которые опирается человек, карабкаясь вверх по ступеням или спускаясь вниз» [Taylor, 1989, p. 305] (*Перевод наш. – Ю.Д.*).

Несмотря на произошедшие в стране изменения, прежде всего в производственном секторе экономики, проложившим путь к развитию Британской империи как индустриального общества, роль религиозных мировоззрений и социального уклада, диктуемого церковью, оставалась сильна, как в доиндустриальном обществе.

В связи с этим можно заключить, что религиозная мораль имела в обществе высокую ценность, что оказывало влияние на формирование представлений об испорченности. Данные тенденции отразились в литературе в качестве осуждения поведения, отклоняющегося от религиозных норм, и поощрения следования религиозным правилам.

Если в Британской империи религия и церковь как социальный институт выступали в роли стабилизаторов общества, сглаживающих противоречия, то в США во второй половине XIX века наблюдалась иная ситуация. Несмотря на кажущийся конфликт между различными религиозными сообществами США, каждое из них выступало регулятором социальной жизни. Один из примеров такой регуляции мы можем наблюдать в романе «Scarlet Letter» Натаниэля Гортонна. Общество подвергает осуждению девушку, забеременевшую и родившую ребенка в

отсутствии мужа и обязует ее носить на одежде красную букву «А» как символ прелюбодеяния и общественного порицания подобного поступка [Hawthorne, 1999].

Таким образом, анализ вертикального контекста эпохи позволяет заключить, что во второй половине XIX века в англоязычном мире церковь сохраняет роль одного из важнейших социальных институтов, диктующих нормы одобряющего поведения, а следовательно, определяющих испорченное поведение. В связи с этим мы считаем, что для более глубокого понимания концепта «*depravity*» необходимо изучение смыслового признака «религиозность» как антонимичного признакам исследуемого концепта и объединяющему антонимичные признаки *virtue, chastity, morality, good deed*.

Синонимический ряд с доминантой *religiousness* включает в себя такие синонимы, как *spirituality, sanctity, piety, ecclesiasticism, orthodoxy, godliness, god fearing, righteousness, devoutness* [Webster, 1984; Fowler, 1919; A modern..., 1911; The Century dictionary..., 1901]. Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что наиболее частотными семными конкретизаторами данного синонимического ряда являются *conviction* (убежденность), *supernatural force* (сверхъестественная сила), *worship* (поклонение).

В ходе анализа словарных дефиниций членов синонимического ряда с доминантой *religiousness* нами были выделены такие смысловые конкретизаторы данного признака в англоязычной лингвокультуре второй половины XIX века, как *purity* (чистота), *piety* (благочестие), *mercy* (милосердие), *following religious norms* (следование религиозным нормам) и т.д.

На основе анализа семных конкретизаторов, можно заключить, что религиозность в англоязычной лингвокультуре, согласно лексикографическим источникам, обладает преимущественно положительными аксиологическими характеристиками. Религиозность

описывает характер или качество человека, а также основанное на них поведение, выражающееся в следовании религиозным законам, богопочитании, стремлении к чистоте и совершенству духа.

Особо стоит отметить такие смысловые компоненты, как *perseverance* (непоколебимость) и *fidelity* (верность), которые подразумевают под собой силу и уверенность в своих убеждениях религиозного человека. Эти компоненты в числе прочих нашли свое отражение в произведении американского эссеиста и искусствоведа Уолтера Пейтера «*Marius the Epicurean*» [Pater, 1986]. Действия романа разворачиваются в столице Римской империи во времена императора Марка Аврелия (121-180; император с 161 г. н.э.). В центре повествования оказывается молодой римлянин, Марий, проходящий путь от учения Эпикура через философию стоиков и находящий свою веру в молодом христианстве.

В данном произведении религиозность трактуется как связь души и тела, мост между миром духовного и миром материального. При этом утверждается, что путь к духовному лежит через физическое и наоборот. Так, в частности, душевное здоровье может быть достигнуто через физическое воздействие:

... all the maladies of the soul might be reached through the subtle gateways of the body [Pater, 1986, p. 69].

Примером обратной зависимости тела от духа является эпизод в начале романа. В этом фрагменте Марий отправляется в храм Эскулапа (древнеримского бога медицины) с целью излечиться от некой болезни. Главными средствами лечения в храме выступали медитации, беседы со служителями храма, участие в религиозных практиках. Таким образом, автор подчеркивает связь религиозности со здоровьем и чистотой.

В данном эпизоде автор не уточняет вид болезни и не описывает ее симптомов, что позволяет предположить, что болезнь является метафорой для некоего духовного нездоровья, излечение от которой происходит

посредством религиозных практик. Данное предположение также подтверждают экстралингвистические факты, описанные нами ранее.

Более того, по мнению Уолтера Пейтера, здоровье происходит от божественного и является божественным даром (*health as a direct gift from God*), а освобождение от боли достигается через религиозность (*religious relieving of pain*). Таким образом, испорченность представляется некой духовной болезнью, излечиться от которой возможно при помощи религии или божественного дара.

Кроме того, религия как совокупность непреложных правил является противоположностью испорченности. В отличие от собственно религиозности как противопоставления испорченности, в литературе поднимается вопрос о показной религиозности, что вызывает авторское осуждение, в силу чего показная религиозность выделяется нами как дополнительный признак испорченности. Приведем пример:

*It is not the dissenters or the papists that we should fear, but the set of canting, low-bred **hypocrites** who are **wriggling their way** in among us; men who have **no fixed principle, no standard ideas of religion or doctrine**, but who take up some popular cry, as this fellow has done about 'Sabbath travelling* [Trollope, 2005, p. 125].

В данном примере лицемерие выступает в качестве конкретизатора признака «показная религиозность», присущего концепту «depravity» и в то же время в качестве противоположности религиозности как наличию четких принципов и идей, которым необходимо следовать. Данное наблюдение позволяет нам заключить, что испорченность понимается автором как бессистемность поведения, беспринципность. Негативная оценка такого поведения передается в данном примере глаголом *to wriggle* (юлить, изворачиваться), который создает отталкивающий образ испорченного человека как некоего пресмыкающегося.

Ранее мы уже писали о том, что во второй половине XIX века идеалом общества служил религиозный идеал, а любое отступление от церковных

правил считалось неприемлемым. В связи с этим второй функцией религиозности, с точки зрения писателей-эстетов, является регулятивная функция.

Так, в романе «The Picture of Dorian Gray» Оскара Уайлда религия и общество выступают средствами управления:

The terror of society, which is the basis of morals, the terror of God, which is the secret of religion – these are the two things that govern us [Wilde, 2018, p. 104].

При этом в обоих случаях основой контроля является ужас (*terror*), что подчеркивает двойственную природу религиозности. Она подразумевает не только просветленность, но и страх перед карой за несоблюдение религиозных норм. Этот страх становится частью повседневной жизни, поэтому для несоблюдения норм необходима веская причина. Если такая причина отсутствует, то единственный способ избежать осуждения со стороны общества – выдумать причину. Именно так поступает героиня романа Генри Джеймса «The Europeans». Под предлогом головной боли она остается дома, когда вся семья идет в церковь:

“I think father expected you would come to church,” she said. “What shall I say to him?” “Say I have a bad headache.” “Would that be true?” asked the elder lady, looking straight at the pond again. “No, Charlotte,” said the younger one simply [James, 2018, p. 200].

Описание религии как чего-то ужасающего, мрачного встречается в ряде произведений таких авторов, как У. Коллинс, Ф. Бернетт, Ч. Диккенс, Дж. Элиот, Т. Пикок и др.:

*...they would have been equally **horrified** at hearing the Christian religion doubted, and at seeing it practiced* [Burnett, 2012. p. 120].

*Great need had the rigid woman of her **mystical religion, veiled in gloom and darkness**, with lightnings of cursing, vengeance, and destruction, flashing through the sable clouds* [Dickens, 2004, p. 154].

...*And whether there is any **religious dread** of a disastrous infection of good-humour which renders it indispensable to set those vessels of vinegar upon the road to Heaven* [Dickens, 2004, p. 688].

*Strict people as the phrase is, professors of **a stern religion**, their very religion was **a gloomy sacrifice** of tastes and sympathies that were never their own, offered up as a part of **a bargain for the security of their possessions*** [Dickens, 2004, p. 67].

В последнем примере автор также представляет религиозность как сделку, позволяющую в обмен на духовную жертву сохранить материальное имущество, что представляет приверженность материальным благам как конкретизатор показной религиозности. Схожую идею отражает следующий пример:

*A new sofa had been introduced, a horrid chintz affair, **most unprelatical and almost irreligious**; such a sofa as never yet stood in the study of any decent High Church clergyman of the Church of England* [Trollope, 2005, p. 54].

Высокая степень неприязнательности предмета мебели описывается автором как «почти антирелигиозная», что демонстрирует представление о носителях религиозности как о людях наименее склонных к аскетическому образу жизни, что не согласуется с религиозными предписаниями.

Подобная двойственность проявлений религиозности позволяет говорить о ней как о смысловом признаке концепта «*depravity*», что выражается в таких конкретизаторах, как неискренняя, «внешняя» набожность и пренебрежение религиозными законами и правилами. Т.е. испорченность предполагает сознательное проявление религиозности при отсутствии истинной веры, которая рассматривается как положительная черта, а также отказ от следования предписанному церковью порядку (например, посещения церкви, молитвы).

Как мы писали выше, религиозность имеет в своем составе такие смысловые компоненты, как *morality* (нравственность), *purity* (чистота), *following religious norms* (следование религиозным предписаниям),

renunciation of base beliefs (отказ от низменных убеждений), *mercy* (милосердие), *faith in God*, (вера в бога), *striving for perfection* (стремление к совершенству). Однако в случае некоторых персонажей англоязычной литературы второй половины XIX века происходит выхолащивание первоначального содержания. Религиозные предписания не выполняются или выполняются неискренне, вера в бога теряет свою силу, стремление к совершенству духа превращается в стремление создать видимость благочестивости и набожности, нравственность и чистота уступают место пороку. Эта сторона религиозности, являющаяся лишь маской для прикрытия греха и избежания наказания, входит в концепт «*depravity*», т.к. описывает социально неодобряемое поведение, которое расценивается как противоположность истинной религиозности и отражает эрозию истинных ценностей.

Таким образом, концепт «*depravity*» содержит в себе смысловой признак «показная религиозность», противоположный основным признакам, отраженным в словарном значении лексемы *religiousness*, и реализованный в англоязычной литературе второй половины XIX века. Конкретизаторами данного признака являются потакание порокам, грехопадение, отсутствие веры в бога при внешнем соблюдении норм церкви или осознанное нарушение этих норм.

2.2.2. Распущенность

В синонимический ряд с доминантой *dissoluteness* (распущенность) входит ряд следующих лексем: *degradation* (деградация), *immorality* (аморальность), *indecenty* (непристойность), *rot* (гниение). Нами был проведен анализ дефиниций данных лексем, который показал, что члены синонимического ряда обладают сходным набором семантических компонентов: *strong disapproval* (высокая степень неодобрения), *offensive behaviour* (оскорбительное поведение), *decaying*

(разложение) [Webster, 1886; Fowler, 1919; A modern..., 1911; The Century dictionary..., 1901].

Одним из авторов, отразившем данные смысловые компоненты в литературе второй половины XIX века является американский писатель Генри Джеймс. В ходе анализа таких его произведений, как «What Maisie Knew» [James, 2015], «The Turn of the Screw» [James, 1994], «The Awkward Age» [James, 1993], нами был выявлен ряд таких признаков, присущих концепту «depravity» в рамках творчества автора, как «негативное влияние», «несоответствующая возрасту осведомленность», «мнимость благородных целей», «демоническая сущность», «разврат», «вольность» и др.

Как показывает анализ, произведения демонстрируют постепенную трансформацию признаков исследуемого концепта. Так, в акциональном и вербальном поведении героев средства негативного влияния на детей видоизменяются от намеренного использования ребенка в собственных целях до ненамеренного воздействия на девушку общества «испорченных» людей, ведущих «испорченные» разговоры (в виде сплетен, интриг, клеветы).

Особое внимание следует обратить на метафору лестницы в романе «The Awkward Age». Планировка дома главной героини предполагает наличие двух этажей, на нижнем из которых располагаются комнаты для приема гостей, а на верхнем – жилые комнаты, в том числе комната девушки. В начале романа героине запрещено спускаться вниз во время приема гостей, а ее нравственное падение начинается с момента ее появления в испорченном обществе, т.е. с момента спуска по лестнице. Таким образом, физическая лестница, соединяющая этажи дома, становится также метафорическим путем от невинности к испорченности.

Кроме того, особую роль в произведении играет дихотомия «детскость – взрослость», в которой детскость ассоциируется с невинностью, неиспорченностью и располагается на нравственно более высоком уровне (согласно лестничной метафоре). В то же время взрослость

связана с испорченным, безнравственным поведением и находится на нижнем уровне.

Другой молодой герой, Марий из романа «Marius the Epicurean» Уолтера Пейтера, которого мы уже упоминали выше, также испытывает на себе влияние «испорченного» общества и ощущает, как разворачивается сам:

...to succumb to the seductions of that luxurious town, and Marius wondered sometimes, in the freer revelation of himself by conversation, at the extent of his early corruption [Pater, 1986, p. 154].

В начале произведения, однако, совсем еще юный Марий находил особенное удовольствие в наблюдении свысока за проявлениями испорченности:

...the materialities of our mouldering flesh, that luxury of disgust in gazing on corruption [Pater, 1986, p. 139].

Тема влияния испорченности также звучит в романе Оскара Уайлда «The Picture of Dorian Gray». Однако, по замечанию одного из героев, лорда Генри, любое влияние считается губительным, аморальным:

There is no such thing as a good influence, Mr. Gray. All influence is immoral – immoral from the scientific point of view [Wilde, 2018, p. 26].

Более того, автор раскрывает идею губительности влияния следующим образом: любое влияние является навязыванием человеку того, что ему не присуще:

Because to influence a person is to give him one's own soul. He does not think his natural thoughts, or burn with his natural passions. His virtues are not real to him. His sins, if there are such things as sins, are borrowed. He becomes an echo of someone else's music, an actor of a part that has not been written for him [Wilde, 2018, p. 27].

Противопоставление влияния самости, аутентичности личности, считающееся преступным, развращающим, также присутствует в ряде произведений таких авторов, как С. Батлер, Р. Стивенсон, Т. Гарди и др.

Испорченность как распущенность, в том числе сексуальная, является одним из ведущих мотивов в другой работе Генри Джеймса – повести «The Turn of the Screw». Главной героиней произведения, от лица которой ведется повествование, является гувернантка, нанятая для воспитания двух детей, Майлса и Флоры, находящихся на попечении дяди и проживающих в поместье Блай. Одним из условий работы девушки в поместье становится ее обещание ни при каких обстоятельствах не беспокоить опекуна детей, таким образом оказывается, что все проблемы, связанные с подопечными, гувернантка обязана решать самостоятельно с небольшой лишь помощью одной из служанок поместья. Вскоре после своего приезда главная героиня сталкивается с появлением в поместье двух призраков: слуги хозяина и бывшей гувернантки детей. По мнению девушки, главной целью привидений является завершить то, что было начато ими при жизни – разращение детей. Гувернантка решает: во что бы то ни стало она должна защитить своих подопечных от пагубного влияния привидений, но результатом ее действий становится смерть мальчика.

Объективация концепта «*depravity*» в анализируемом произведении строится на приеме противопоставления, который автор использует на различных уровнях текста. На синтаксическом уровне прием антитезы используется для обозначения оппозиции двух главных пар героев: детей, с одной стороны, и призраков, с другой. Дети сравниваются с эльфами в волшебном замке; для их описания используются исключительно положительные характеристики, такие как *innocent* (невинный), *sweetness* (доброта, мягкость), *goodness* (добродетель, праведность), *divine* (святой), *angel* (ангел), *beatific* (блаженный), *charming* (очаровательный), *candid* (искренний) *angelic* (ангельский). С другой стороны, при описании призраков автор использует ряд отрицательных характеристик: *infamous* (печально известный), *ugliness* (уродство), *spoil* (испортить), *demon* (демон), *damnation* (проклятье), *evil* (зло), *vulgar* (вульгарный, пошлый), *uncanny* (жуткий); сама героиня сравнивает одного из призраков с дозорным перед

тюрьмой (*a sentinel before a prison*) [Зверев, 1999, с. 254], а встречу с ним – со встречей с преступником в пустом доме темной ночью.

Более того, в повести «*The Turn of the Screw*» контрастирование этих аксиологических характеристик выводится автором на более высокий уровень. По мнению исследователя Роберта Хэйлмана [Heilman, 1947, p. 440], в повести представлено метафорическое изображение борьбы добра и зла, в которой дети являются ангелами, а призраки – олицетворением демонической силы. Однако автор добивается максимизации драматического эффекта путем сочетания трех приемов: метафоры, гиперболы и антитезы [Демкина, Кислякова, 2021, с. 198].

Особое внимание стоит обратить на репрезентацию испорченности через метафору призраков. С одной стороны, эти призраки представляют собой некий след реальных людей, которые имели влияние на детей. С другой стороны, они видны исключительно самим детям, в то время как посторонним людям кажется, что дети общаются сами с собой. С помощью данной метафоры автор демонстрирует заразность испорченности, т.е. ее способность проникать в человека, оставлять в нем след и прогрессировать даже без контакта с изначальным источником. Именно так происходит процесс заражения испорченностью маленьких героев повести.

Кроме того, сам жанр произведения используется автором в качестве средства выражения идеи произведения. Повести несмотря на то, что она является образцом готической литературы, свойственно полное отсутствие соответствующих ужасающих характеристик: готических развалин, зловещих предзнаменований, ночного времени действия [Ильина, 2012, с. 87]. Но самая нетипичная черта произведения заключается в том, что главные герои произведения – дети. Это кажущееся несоответствие законам жанра привлекает внимание к совершенно новым средствам достижения ужасающего эффекта, используемого автором: нечеткость сознания, неясность восприятия, размытость границ между реальностью и вымыслом между добром и злом.

Размытость понятий в повести тесно связана с ещё одним важным конкретизатором признака «распущенность», характерного для концепта «*depravity*» – «неприемлемость». При этом неприемлемым является не только сам акт «испорченного» поведения, но и любое открытое упоминание о нем. В письме из школы, из которой был исключен Майлз, нет четкого объяснения причины исключения мальчика, лишь полупрозрачные намеки на его неподобающее поведение, которое делает невозможным обучение Майлза с другими детьми:

They go into no particulars. They simply express their regret that it should be impossible to keep him. That he's an injury to the others [James, 1994. p. 68].

В данном фрагменте по отношению к Майлзу автор использует слово *injury*, которое можно перевести и как «вред», и как «оскорбление», что явно указывает на негативное влияние поведения мальчика на других детей.

Однако поступки как Майлза в школе, так и пары отрицательных героев в поместье никогда не описываются прямо, само упоминание о них делает разговор неприятным для собеседников (гувернантки и миссис Гроуз), поэтому обе женщины пользуются словами, лишь косвенно обозначающими предмет беседы: *to spoil* (испортить), *intercourse* (сношение, связь), *to corrupt* (развращать).

Стоит также отметить, что в контексте повести такая антонимическая пара, как «молодость» – «старость», приобретает определенные аксиологические характеристики: феномен «молодость» носит положительный оттенок и соотносится с характеристиками чистоты и непорочности; феномен старости имеет отрицательную коннотацию и является конкретизатором признака «распущенность», присущего концепту «*depravity*».

Уолтер Пейтер, как и Генри Джеймс, противопоставляет испорченность чистоте. Однако автор делает особый акцент на религиозной чистоте и стремлении к умеренности во всем, а также чистоте физической, чистоте тела, чистоте жилья:

...be temperate in thy religious notions, in love, in wine, in all things, and of a peaceful heart with thy fellows...

...to keep the eye clear by a sort of exquisite personal alacrity and cleanliness, extending even to his dwelling-place [Pater, 1986, p. 69].

Развращенность, понимаемая как неумеренность, также находит отражение в произведениях других авторов (Р. Стивенсон, М. Баддон, Дж. Элиот, Г. Хаггард, Г. Уэллс и др.) в качестве не только разврата, но и пьянства. Приведем несколько примеров:

I was hail-fellow-well-met with bad men; I was in the center of riot, drunkenness, and debauchery; but the purifying influence of my love kept me safe from all [Braddon, 1999, p. 25].

But he has sunk into a drunken debauched creature [Eliot, 1998, p. 527].

В последнем примере стоит также отметить, что распущенность представляется как падение человека. Глагол *to sink* (тонуть) передает представление об испорченном человеке как о погибающем, но погибающем не физически, а морально, потому как из человека он превращается в существо, животное, что передается существительным *creature*.

Таким образом, концепт «depravity» приобретает признак «распущенность», непредставленный в лексикографических источниках. Данный признак объективируется рядом следующих конкретизаторов: «неумеренность», «развращенность», «преступление против личности», а авторы анализируемых произведений также подчеркивают исключительно отрицательные аксиологические характеристики соответствующего поведения.

2.2.3. Лицемерие

Одними из лексем, антонимичных номинантам концепта «depravity», являются лексемы *purity* и *virtue*, однако они же являются антонимами

лексемы *hypocrisy*. Это позволяет утверждать, что лицемерие может рассматриваться как адгерентный смысловой признак концепта «depravity», что подтверждается анализом художественной литературы второй половины XIX века.

В синонимический ряд с доминантой *hypocrisy* (лицемерие) входит ряд следующих лексем: *deceit* (хитрость), *dishonesty* (лживость), *fraud* (подделка), *mockery* (глумление), *double-dealing* (двуличие), *sanctimony* (ханжество), *imposture* (обман). Нами был проведен анализ дефиниций данных лексем, который показал, что члены синонимического ряда обладают сходным набором семантических признаков: *duplicity* (двуличие), *lack of sincerity* (отсутствие искренности), *deviation from moral or ethical norms* (отклонение от моральных и этических норм), *mercantile behavior* (меркантильное поведение), *pretense* (притворство), *distrust* (недоверие) [Webster, 1886; Fowler, 1919; A modern..., 1911; The Century dictionary..., 1901].

Таким образом, можно заключить, что лицемерие, с точки зрения носителей англоязычной лингвокультуры, – это «двуличие или притворство, имеющее своей целью финансовую или другую выгоду». Однако в англоязычной литературе лицемерие обладает неоднозначной коннотацией: чаще всего оно оценивается негативно, но также встречается и частичное совпадение или пересечение с рядом таких понятий, как «вежливость», «такт», «правила хорошего тона», которые в своей основе являются положительно окрашенными.

Кейт Фокс, автор книги «Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour», считает лицемерие следствием плюрализма, исторически сложившегося в Англии. По мнению автора, англоговорящее сообщество не смогло бы мирно сосуществовать без определенной доли лицемерия, выражающегося в сдержанности речевого и акционального поведения [Fox, 2014, p. 254].

Двойственную природу лицемерия отчетливо демонстрирует в своих произведениях Генри Джеймс. Во-первых, лицемерие, по мнению автора, может являться разновидностью вежливости и обеспечивать исполнение социального договора. Например, в романе «The Europeans» две героини говорят о третьей исключительно в третьем лице и называют «она», однако в ее присутствии обращаются к ней по имени, соблюдая принятые в обществе нормы:

Charlotte and Gertrude acquired considerable facility in addressing her, directly, as “Eugenia” but in speaking of her to each other they rarely called her anything but “she” [James, 2018. p. 139].

Кроме того, очевидно неискренние слова баронессы Евгении воспринимаются остальными героями как вежливость и, таким образом, одобряются:

“She certainly expressed a willingness to come,” said Mr. Wentworth. – “That was only politeness,” Gertrude rejoined. – “Yes, she is very polite – very polite,” said Mr. Wentworth [James, 2018, p. 205].

По причине того, что лицемерие является частью социального договора определенная доля его считается благопристойной и может быть необходимым требованием общества, что представлено в произведениях таких авторов, как Б. Стокер, Дж. Ле Фаню, Дж. Мередит, Дж. Конрад и др. Приведем несколько примеров:

*So, stammering a little and pale, I performed **the required hypocrisy**, after which my uncle read aloud for my benefit the line or two in which were recorded the event, and the latitude and longitude of the vessel at the time, of which Madame made a note in her memory, for the purpose of making her usual tracing in poor Milly's Atlas* [Le Fanu, 2001, p. 377]

*Mrs. Mountstuart admired herself as each one trotted forth in turn characteristically, with one exception unaware of the aid which was being rendered to a distressed damsel wretchedly incapable of **decent hypocrisy**. Her*

intrepid lead had shown her hand to the colonel and drawn the enemy at a blow
[Meredith, 1979, p. 417]

Другим примером социально поощряемого лицемерия может служить сказка Оскара Уайлда «The Young King». Главный герой, молодой король, любящий изысканные и дорогие вещи, ночью перед коронацией видит сны, которые помогают ему осознать настоящую цену его церемониального одеяния. В одном из снов он разговаривает с ткачом, который на вопрос о хозяине отвечает, что тот ничем не отличается от него самого, только сытно ест и носит красивые ткани:

'Our master!' cried the weaver, bitterly. 'He is a man like myself. Indeed, 'there is but this difference between us that he wears fine clothes while I go in rags, and that while I am weak from hunger. He suffers not a little from overfeeding' [Wilde, 1979, p. 203].

Однако, когда молодой король решает короноваться в одеждах простолюдина, его советник старается убедить, что люди не признают в молодом человеке короля, если он не будет одет по-королевски:

'My lord, I pray thee set aside these black thoughts of thine, and put on this fair robe, and set this crown upon thy head. For how shall the people know that thou art a king, if thou hast not a king's raiment?' And the young King looked at him. 'Is it so, indeed?' he questioned. 'Will they not know me for a king if I have not a king's raiment? "They will not know thee, my lord,' cried the Chamberlain [Wilde, 1979, p. 204].

Таким образом, Оскар Уайлд демонстрирует, что лицемерие является настолько неотъемлемой частью общества, что отступление от него воспринимается как нарушение норм.

Так, когда молодой король из проанализированной выше сказки рассказал придворным о своих видениях, те решили, что он обезумел:

And when the courtiers heard them, they looked at each other and whispered, saying: "Surely he is mad; for what is a dream but a dream, and a vision but a vision? They are not real things that one should heed them. And what

have we to do with the lives of those who toil for us? Shall a man not eat bread till he has seen the sower, nor drink wine till he has talked with the vinedresser?" [Wilde, 1979, p. 206].

Придворным было проще объявить короля безумцем, чем изменить или хотя бы раскаяться в меркантильном поведении, несмотря на очевидный вред, наносимый этим поведением.

Мотив вреда как следствия лицемерия можно наблюдать в другом произведении Оскара Уайлда – «The Picture of Dorian Gray». Жертвой лицемерия главного героя становится девушка Сибила Вейн, без памяти влюбленная в Грея. Как только девушка открывает на сцене свои истинные чувства к молодому человеку, тот отворачивается от нее, а публика освистывает. Истина и лицемерие меняются местами. Игра на сцене, которая вдруг перестала быть игрой, кажется менее реальной, более искусственной, чем тот образ, который был создан ранее. Лицемерие торжествует, истинное лицо, искренние чувства оказываются не нужны, девушка совершает самоубийство:

The voice was exquisite, but from the point of view of tone it was absolutely false. It was wrong in colour. It took away all the life from the verse. It made the passion unreal [Wilde, 2018, p. 206].

Не только любовь, но и искусство превращаются в романе в лицемерие. Раздосадованный неудачным выступлением Сибилы Дориан Грей жестко отзывается о ней, и на мягкий упрек художника Базила Лорд Генри отвечает, что любовь, как и искусство, являются формами притворства:

I wish she were ill," he rejoined. "But she seems to me to be simply callous and cold. She has entirely altered. Last night she was a great artist. This evening she is merely a commonplace mediocre actress." "Don't talk like that about any one you love, Dorian. Love is a more wonderful thing than art." "They are both simply forms of imitation," remarked Lord Henry [Wilde, 2018, p. 208].

Более того, единственной причиной, почему Дориана беспокоила игра девушки, был стыд перед друзьями за свою избранницу, поэтому он успокаивается после очередного замечания Лорда Генри о том, что Дориан все равно не разрешил бы своей жене играть. Таким образом, автор подчеркивает, что лицемерие Дориана Грея и Лорда Генри произрастает из исключительно внимания к себе, эгоизма:

Besides, I don't suppose you will want your wife to act, so what does it matter if she plays Juliet like a wooden doll? [Wilde, 2018, p. 208].

Эгоизм как конкретизатор смыслового признака *hypocrisy* присущ также произведениям Генри Джеймса. Однако автор расширяет его общее словарное значение. Если в национально-культурном концепте «depravity» признак *egoism* представлен конкретизатором *mercantile behavior* (меркантильное поведение), то автор добавляет также значение показного пренебрежения вниманием к себе, показного внимания к окружающим для извлечения выгоды, тем самым показывая, что лицемерие может иметь своей целью не только финансовую выгоду.

Стоит также обратить внимание, что Генри Джеймс расширяет спектр акциональных проявлений смыслового компонента *hypocrisy*. Кроме проявлений, зафиксированных в словарных дефинициях (ложь, измена, мелкий обман), автор говорит о клевете, предательстве, убийстве и самоубийстве как проявлениях лицемерия, что является отражением идиостиля автора. В произведении «A Tragedy of Error», например, лицемерие является средством спасения, которое используют герои, чтобы уберечь себя от последствий собственной неверности, которая представляется им как кораблекрушение. При этом автором подчеркивается, что тонущим не свойственно обращать внимание на тех, кто также идет ко дну:

When a ship goes to pieces on those rocks out at sea, the poor devils who are pushing their way to land on a floating spar, don't bestow many glances on those who are battling with the waves beside them [James, 2006, p. 304 - 309].

Более того, понимая, что идут ко дну, они хотят затянуть на дно и других:

When we've lost hope ourselves, we want to make others sink [Там же].

В данном произведении отчетливо видно, что лицемерие героев порождается эгоизмом, как нежеланием нести ответственность за измену, и завистью, как неспособностью пережить превосходство другого.

Таким образом, движущей силой лицемерия, по мнению Генри Джеймса (а также Э Гаскелл, Э. Троллопа, Т. Пикока и других авторов), могут становиться зависть и ревность. В таком случае проявлением смыслового признака *hypocrisy* становятся попытки самоутвердиться за счет унижения другого или пренебрежения им. Отсутствие открытого проявления эмоций, в свою очередь, расширяется в произведениях авторов до подмены истинных эмоций показными эмоциями. Еще одной причиной лицемерия является страх перед разоблачением. Он заставляет героев ощущать на себе несуществующие взгляды тех, кто жаждет их разоблачения:

...is there any lack of kind friends to give him the good news of his wife's death? [James, 2006, p. 304 - 309].

Напряжение ожидания накапливается и находит выход в готовности главной героини совершить самоубийство или убить мужа:

I have half a mind to drown myself literally [Там же].

Таким образом, лицемерие является источником вреда не только по отношению к окружающим, но и по отношению к самому носителю лицемерия, что подтверждается также следующим примером:

"I must be myself or I shall be playing hypocrite to dig my own pitfall," she said to herself, while taking counsel with Laetitia as to the route for their walk, and admiring a becoming curve in her companion's hat [Meredith, 1979, p. 471].

Однако самым ярким проявлением лицемерия является не готовность пренебречь чей-то жизнью (в том числе и своей), а готовность жить чужой

жизнью, создать себе другое «лицо». Например, в романе «The American» Генри Джеймса путешествующий по Европе главный герой создает себе образ ценителя высокого искусства. Однако он прилагает усилия исключительно ради внешнего соответствия, не пытаясь узнать истинную цену и ценность произведения искусства, которое он покупает. За это свойство герой именуется автором недоразвитым ценителем (*undeveloped connoisseur*) [James, 2005, p. 353].

В одном из эпизодов герой романа «The American», учитывая необходимость знания французского языка для высокообразованного человека, обращается к продавцу исключительно на французском, хотя почти не говорит на нем:

Then, addressing her with the single word which constituted the strength of his French vocabulary, and holding up one finger in a manner which appeared to him to illuminate his meaning, “Combien?” he abruptly demanded; “Very pretty, splendide. Combien?” repeated the American [James, 2005, p. 46].

Таким образом, в англоязычной литературе второй половины XIX века лицемерие является одним из признаков концепта «depravity», что обусловлено рядом факторов. Во-первых, лицемерие в большинстве случаев оценивается как негативное поведение, тем самым конкретизируется в концепте «depravity» как «притворство», «недосказанность», «показное поведение», «двуличие», «отклонение от установленных социальных норм», «маскировка истинных целей». Кроме того, авторами данного периода, в частности писателями-эстетамы, добавляются компоненты «эгоизм», «зависть», «ревность» как причины подобного поведения.

Акциональными признаками лицемерия являются ложь, измена, мелкий обман, клевета, предательство, убийство и самоубийство как социально неодобряемое поведение. При этом попытка создать себе другое, отличное от истинного «лицо», расценивается как испорченность только в том случае, если не является частью этикета, социального договора.

Hypocrisy как смысловой признак концепта «depravity» имеет ряд следующих конкретизаторов: *deviation from moral norms* (отклонение от моральных норм), *unacceptable behavior* (неприемлемое поведение), *immorality* (аморальность), *malice* (злоба), *evil* (зло), а также характеризуется рядом акциональных проявлений, таких, как сплетни, интриги, ложь, мелкий обман.

Акциональные проявления, свойственные смысловому признаку *hypocrisy*, подразумевают преступления против закона (клевета, убийство), а также самоубийство, в то время как концепт «depravity» в понимании, зафиксированном в лексикографических источниках, характеризуется действиями против моральных и религиозных законов: развратом, совращением, насилием, грубостью.

То есть мотив вреда, присутствующий в концепте «depravity» является разнонаправленным. Вред может быть направлен на физическое тело объекта непосредственно (как насилие или принуждение). Но в случае с лицемерным поведением вред направлен на физическое тело опосредованно, через других людей (посредством сплетен, интриг).

Следующими характеристиками концепта «depravity», которые необходимо рассмотреть, являются активность воздействия и его аксиологическая оценка. Так, особенностью концепта «depravity» в понимании писателей-эстетов является активная позиция субъекта, т.е. «человек испорченный» осуществляет активную деятельность по влиянию на другого: он развращает, совращает, убивает напрямую, непосредственно. Иными словами, испорченное поведение представляет собой «проактивное зло», причиняемое по личному желанию актора. Последствием этого зла может являться ущерб психологическому здоровью, физическому телу, смерть. Именно поэтому признак *hypocrisy* исследуемого концепта имеет в своем составе элемент «непоправимость», а также в идиостиле Генри Джеймса описывает «высшую степень ужаса».

2.2.4. Негативный опыт

В ходе исследования содержания концепта «depravity» на основе лексикографических источников мы не выделяли *experience* (опыт) ни как признак, ни как конкретизатор. Однако анализ художественной литературы позволяет выделить *experience* (опыт), а точнее *negative experience* (негативный опыт) в качестве одного из признаков исследуемого концепта. В связи с этим мы считаем необходимым рассматривать его в данной работе.

В результате анализа лексикографических источников [Webster, 1886; Fowler, 1919; A modern..., 1911; The Century dictionary..., 1901] были выявлены следующие семантические признаки синонимического ряда с доминантой *experience* (*familiarity, knowledge, practice, understanding, maturity, sense, sophistication, wisdom*): *knowledge* (знание), *skill acquired over time* (навык, полученный с течением времени), *ability to reflect* (умение размышлять), *common sense* (здравый смысл), *decision-making* (принятие решений). Из этого можно сделать вывод, что в англоязычной лингвокультуре опыт определяется как «знание или навыки, полученные в течение жизни и позволяющие принимать решения, сообразуясь со здравым смыслом».

Также была выявлена тенденция к негативной оценке признака *experience* (опыт) носителями англоязычной лингвокультуры. Лексема *experience* наиболее часто образует словосочетания с такими прилагательными, как *painful* (болезненный), *unpleasant* (неприятный), *traumatic* (травмирующий), *frightening* (пугающий), а также имеет ассоциативные связи с лексемами *pain* (боль), *sadness* (грусть) и *boredom* (скука) [Webster, 1886; Fowler, 1919; A modern..., 1911; The Century dictionary..., 1901; Mawson, 1911].

Особо стоит обратить внимание на свойственную опыту интроспекцию. Это обуславливается тем, что абсолютное большинство его

перцептивно-образных компонентов являются отражением эмоционального состояния субъекта, обладающего опытом или получающего его.

Согласно нашему исследованию, *experience* (опыт) является ключевым признаком концепта «depravity» в ряде произведений американского автора Генри Джеймса: «The Portrait of a Lady» [James, 2003], «The Golden Bowl» [James, 2011] и «The Princess Casamassima» [James, 2009]. Анализ показал, что в произведениях Генри Джеймса опыт не статичен, а проходит определенную трансформацию. Если в ранних произведениях, например, в романе «The Portrait of a Lady», опыт выражается в самопожертвовании, то в более поздних акциональным его проявлением становится неготовность к активному действию. При подробном рассмотрении мы можем видеть, что главная героиня романа «The Portrait of a Lady» со временем начинает проявлять такие признаки опыта, как самопожертвование, готовность прийти на помощь, готовность смириться со своей горькой судьбой.

Созерцательность как атрибут опыта также проявляется в романе «Marius the Epicurean» Уолтера Пейтера. Набираясь опыта, главный герой Марий всё чаще обнаруживает себя в позиции зрителя:

...how completely the difference of his previous training had made him, even in his most enthusiastic participation in the ways of that little world, still essentially but a spectator [Pater, 1986, p. 38].

Таким образом, в англоязычной лингвокультуре накопление опыта ассоциируется с потерей активной жизненной позиции, интереса к происходящему вокруг, что оценивается в негативном ключе, что отразилось также в произведениях таких авторов, как Т. Пикок, М. Брэддон, Дж. Эллиот и др. Молодые, неопытные, неиспорченные жизнью герои произведений предпринимают активные попытки изменить мир к лучшему, в то время как умудренные опытом персонажи склонны к бездействию. Данное бездействие может являться следствием беспокойства и тревоги как результата наличия опыта:

*In a true view, perhaps, there was more to be gathered and told of **each anxious and experienced** one, to whom the years were drawing nigh when she should say, “I have no pleasure in them,” than of her juvenile comrades. But let the elder be passed over here for those under whose bodices the life throbbed quick and warm [Hardy, 2008, p. 18].*

В связи с этим мы можем утверждать, что опыт как склонность к смирению и потеря надежды что-то изменить является также признаком концепта «depravity».

Особенный интерес вызывает широкий спектр аксиологических характеристик, присущих опыту в романе «The Portrait of a Lady». Здесь присутствует положительная оценка опыта как составляющей мудрости или как основы уверенности:

*Experience, however, might supply us with very **creditable** imitations of it, and **the part of wisdom** was to make the best of these [James, 2003, p. 208].*

*...Her manner expressed **the repose and confidence** which come from a large experience [James, 2003, p. 187].*

Но опыт также может оцениваться негативно и рассматриваться как причина человеческого горя:

*I mean full of experience – of people’s **feelings and sorrows**. And not of their sorrows only, for I’ve been very happy here as a child [James, 2003, p. 219].*

Схожий мотив связи между опытом и горем прослеживается в сказке Оскара Уайлда «The Young King». Однако в данном произведении автор играет с парой «молодость (наивность) – опыт». С одной стороны, молодой неопытный и наивный юноша-король предстает перед нами как персонаж, причиняющий вред по незнанию, т.к. узнав настоящую цену своего одеяния для коронации, он ужасается:

And a great terror seized upon him, and he said to the weaver, “What robe is this that thou art weaving?” “It is the robe for the coronation of the young King,” he answered; “what is that to thee?” And the young King gave a loud cry and woke [Wilde, 1979, p. 207].

С другой стороны, придворные молодого короля – люди, умудренные опытом, сознательно пользуются плодами тяжкого труда, который приводит, в том числе, к смерти работников:

We must work to live, and they give us such mean wages that we die. We toil for them all day long, and they heap up gold in their coffers, and our children fade away before their time, and the faces of those we love become hard and evil. We tread out the grapes, and another drinks the wine. We sow the corn, and our own board is empty. We have chains, though no eye beholds them; and are slaves, though men call us free [Wilde, 1979, p. 207].

Таким образом, автором подчеркивается ответственность, которая, по его мнению, лежит на носителе опыта. Он должен принимать решение, более взвешенное и мудрое, так как обладает опытом. В то же время писатель не попустительствует наивности и не защищает её. Наоборот, мораль сказки подсказывает основную идею автора: не зная – узнай, а узнав, сумей принять ответственность. Именно это и делает главный герой: узнав о последствиях своей наивности, он принимает решение короноваться в одеждах простолюдина, таким образом, высказывая свой протест против устоев.

Однако носитель опыта в англоязычной литературе также может быть оценен как человек достойный высшей степени доверия:

And the coxswain, Israel Hands, was a careful, wily, old, experienced seaman who could be trusted at a pinch with almost anything [Stevenson, 2014, p. 45].

В связи с этим следует отметить, что опыт лишь тогда расценивается как испорченность, когда опытный человек не готов взять на себя ответственность за последствия своих решений и поступков. Таким образом, фактором, позволяющим рассматривать опыт как признак концепта «depravity», является неготовность или неспособность отвечать за свои поступки при наличии опыта в данной сфере.

В романе «The Princess Casamassima» опыт носит значительно более негативный оттенок. Наиболее ярко данная тенденция выражается в отрицательно окрашенных ассоциациях: «страх», «горе», «отсутствие уверенности». Однако в данном произведении ещё присутствуют редкие положительные компоненты, такие, как «превосходство рассудка над чувством» и «спокойствие» [James, 2009]. Одним из наиболее интересных элементов опыта в романе является элемент «высокие амбиции».

Несмотря на то, что автор не дает эксплицитной оценки данному компоненту, ироничность его описания предполагает скорее негативное, чем позитивное отношение:

If the first impression it had given Hyacinth was to make him feel strangely transported, he need not have been too much agitated, for this was the effect the Princess Casamassima produced upon persons of a wider experience and greater pretensions [James, 2009, p. 134].

Следовательно, такие негативно оцениваемые компоненты опыта, как «отсутствие уверенности», «сомнение», «высокие амбиции», позволяют ему выступать признаком концепта «depravity» в связи с тем, что демонстрируют развращающую силу опыта. С одной стороны, опыт дает мудрость, позволяет трезво оценивать действительность; с другой стороны, может вести к излишней нерешительности или, напротив, излишней самоуверенности.

В англоязычной литературе второй половины XIX века опыт является источником отрицательного влияния не только на окружающих, но и на самого носителя опыта в связи с тем, что способствует усвоению норм испорченного общества, например, меркантильности:

His experience had taught him that when money was exhausted women went away, and that when a man was knocked out of the race the others trampled on him [Kipling, 2020, p. 115]

Подводя итог, следует сказать, что опыт может выступать в качестве признака концепта «depravity» в тех случаях, когда реализует следующие

компоненты значения: «амбиции», «пассивность», «нерешительность», «смирение». Неготовность нести ответственность и потеря надежды на возможность изменения при наличии опыта также являются характеристиками испорченности.

Кроме того, опыт как средство влияния на другого и излишняя амбициозность расценивается как испорченность. Исследуя направленность влияния, характерную для признака *experience* (опыт), стоит отметить, что воздействие на физическую оболочку как актора, так и объекта происходит посредством психической составляющей человеческой деятельности. Носитель опыта не применяет насилие или хитрость с целью воздействия, он обращается к сознанию объекта влияния и через него к физическому телу. Более того, сам актер-носитель опыта также подвергается воздействию своего опыта, что означает испорченность как объекта влияния, так и самого актора.

С одной стороны, носитель опыта, по определению англоязычных писателей, имеет развитые навыки и умения, т.е. должен быть активным деятелем. Однако главным его умением является умение размышлять, т.е. проявлять активность не в физическом, но в ментальном мире. Как мы писали выше, опыт связан с пассивной жизненной позицией. Таким образом, можно сказать, что носитель опыта не принимает прямого участия в ситуациях, возникающих в физическом мире, а только созерцает их. Все более существенным становятся не события как таковые, а мысли о них, их отражение в сознании, что, однако, не делает опыт абсолютно положительным, так как отказ от действий, по мнению англоязычных авторов, сам по себе также является преступлением, «созерцательным злом» или «соучаствующим злом», т.е. таким, которое не причиняет вреда самостоятельно, но и не предпринимает попытки вред предотвратить.

2.2.5. Лживость

При анализе лексикографических источников *deceitfulness* (лживость) не выделялась нами как признак концепта «*depravity*», однако она выступает таковым в ряде художественных произведений исследуемого диахронического среза. В связи с этим мы считаем необходимым рассмотреть *deceitfulness* (лживость) в качестве авторского смыслового приращения.

В результате анализа лексикографических источников [Webster, 1886; Fowler, 1919; A modern..., 1911; The Century dictionary..., 1901] были выявлены следующие семантические признаки синонимического ряда с доминантой *deceitfulness* (*fraud, deception, lying, cheating*): *crime* (преступление), *gaining money or goods* (получение денег или благ), *making someone believe something that is not true* (заставлять кого-то поверить во что-то, что не является правдой), *speak falsely* (говорить неправду), *behave in a dishonest manner* (вести себя нечестно). Из этого можно сделать вывод, что в англоязычной лингвокультуре лживость определяется как «преступление или нечестное поведение, в ходе которого человек говорит неправду и заставляя другого в нее поверить, а также мотивом которого является получение денег или благ».

Моральные нормы поведения усваиваются индивидом в процессе взросления и социализации, поэтому анализ лживости как смыслового признака концепта «*depravity*» в англоязычной литературе следует, в первую очередь, проводить на материале произведений, демонстрирующих становление героев, т.е. «романов воспитания».

«Роман воспитания» или «воспитательный роман» – разновидность романа, получившая распространение в немецкой литературе эпохи Просвещения. Отличительной чертой данного романа является попытка показать читателю путь становления личности в процессе взросления главного героя через его столкновение со сложными социальными и

нравственными вопросами. Наиболее известными романами воспитания считаются «Вильгельм Мейстер» В. Гёте, «Воспитание чувств» Г. Флобера, «Обыкновенная история» И.А. Гончарова, «Неточка Незванова» Ф.М. Достоевского, «Остров сокровищ» Р.Л. Стивенсона, «Отважные капитаны» Р. Киплинга, «Приключения Гекльберри Финна» М. Твена, «Большие надежды» Ч. Диккенса [Британника, www].

Последнее произведение, по мнению В.С. Никулина, может считаться «энциклопедией викторианской эпохи», т.к. отражает образ жизни представителей различных сословий и очерчивает «джентльменство» как национальную английскую идею [Никулин, 2022, с. 9-12]. Следовательно, являясь максимально детальным письменным источником, данный роман может быть использован в качестве материала для наиболее полного и точного анализа англоязычной концептосферы XIX века в целом и лживости как признака концепта «depravity», в частности.

Роман «Great Expectations» повествует о судьбе рано осиротевшего Пипа, который неожиданно получает от тайного благодетеля деньги, достаточные для того, чтобы отправиться в Лондон и стать джентльменом. В ходе повествования читатель может наблюдать, как невинный маленький мальчик, которым был главный герой в начале произведения, все больше и больше впитывает испорченность светского лондонского общества и начинает играть по его правилам.

В романе «Great Expectations» основными разновидностями испорченности являются лживость и лицемерие, поэтому мы считаем возможным включить их в ряд признаков концепта «depravity». Однако автор разграничивает данные понятия по ряду критериев: причинам возникновения, внешним проявлениям и группам лиц-носителей.

В начале романа Пип представляется читателю как невинный, но несчастный маленький ребенок, единственным другом которого становится муж его сестры, Джо. Именно с взаимодействия с этими двумя значимыми взрослыми и начинается процесс становления испорченности в главном

герое. Когда Пип под угрозами бежавшего заключенного помогает ему и ворует у сестры еду и деньги, главным его опасением является не столько реакция самой сестры, сколько реакция Джо:

I do not recall that I felt any tenderness of conscience in reference to Mrs. Joe, when the fear of being found out was lifted off me [Dickens, 2020, p. 45].

Анализ художественной литературы исследуемого диахронического среза позволяет увидеть мотивы и последствия лживости как разновидности испорченности, а также путь заражения ею.

В отношении сестры совесть мальчика оказалась слабее страха быть пойманным, т.к. в общении с молодой женщиной он видел исключительно упреки и наказания. Пип не видит ценности сохранения этих отношений, и физическая угроза (порка или иной вид телесного наказания) представляется ему более реальной, чем угроза эмоциональной отстраненности, которая имела место в отношениях с сестрой. При этом разница в отношении Пипа к Джо и к сестре подчеркивается противопоставлением. С одной стороны, совесть, связанная с чувствами главного героя к Джо, находит свое проявление в нежности (*tenderness*), с другой стороны, страх перед сестрой и её наказанием представляется благодаря глаголу *to lift off* (поднимать) как нечто тяжелое, довлеющее.

В то же время в отношении Джо Пип испытывает муки совести по причине хорошего отношения к нему со стороны Джо:

But I loved Joe – perhaps for no better reason in those early days than because the dear fellow let me love him - and, as to him, my inner self was not so easily composed. It was much upon mind (particularly when I first saw him looking about for his file) that I ought to tell Joe the whole truth [Dickens, 2020, p. 45].

Любовь простого Джо имеет для главного героя ценность, достаточную для того, чтобы предпринять попытки сохранить ее, даже понеся физическое наказание.

Однако страх оказывается сильнее совести и мальчик решает сохранить свою тайну. Автор подчеркивает вынужденность этой лжи, говоря устами одного из героев романа:

... I have often thought that few people know what secrecy there is in the young, under terror» [Dickens, 2020, p. 67].

Страх выступает в качестве движущей силы лживости также в других произведениях:

*Since she chose to regard him as a hopeless liar, **when dread of pain drove him to his first untruth, he naturally developed into a liar**, but an economical and self-contained one, never throwing away the least unnecessary fib, and never hesitating at the blackest, were it only plausible, that might make his life a little easier [Kipling, 2020, p. 152].*

Однако Чарльз Диккенс также демонстрирует, что ребенок, уже освоивший ложь, еще не может в полной мере лицемерить, т.к. лицемерие подразумевает скрытие истины не только вербально, но и посредством мимики, жестов, положения тела в пространстве, а ложь отражается во внешних признаках:

He's a liar born, and he'll die a liar. Look at his face; ain't it written there [Dickens, 2020, p. 40].

Внешние проявления, такие как изменения цвета лица (покраснение или бледность), изменение голоса, часто выступают сопутствующими признаками лжи в произведениях таких авторов, как Л. Кэрролл, С. Батлер, Г. Хаггард, Э. Войнич, У. Моррис и других. Приведем несколько примеров:

The Lady's face changed as he spoke, and she turned red and then pale, and set her teeth; but she refrained her, and said: "Squire, I see of thee that thou art no liar, nor light of wit, therefore I suppose that thou hast verily seen some appearance of me; but never have I been in Langton, nor thought thereof, nor known that such a stead there was until thou namedst it e'en now. Wherefore, I deem that an enemy hath cast the shadow of me on the air of that land" [Morris, 2017, p. 249].

“It's a lie!” he cried out. “It's a forgery! I can see it in your face, you cowardly – You've got some prisoner there you want to compromise, or a trap you want to drag me into. You are a forger, and a liar, and a scoundrel” [Voynich, 2014, p. 154].

Однако в англоязычной литературе второй половины XIX века также встречается упоминание лжи, которая не может быть выявлена по внешним признакам. Так, например, в пьесе Бернарда Шоу «Caesar and Cleopatra» одному из персонажей приписывается способность выдавать ложь за искренность:

He therefore will not, in the ordinary Treasury bench fashion, tell a lie which everybody knows to be a lie (and consequently expects him as a matter of good taste to tell). His lies are not found out: they pass for candors [Show, 2011, p. 73].

Оскар Уайльд в своем романе «The Picture of Dorian Gray» утверждает, что ложь не является врожденным умением человека, а представляет собой искусство, которому следует учиться:

People have a careless way of talking about a “born liar”, just as they talk about a “born poet”. But in both cases they are wrong. Lying and poetry are arts – arts, as Plato saw, not unconnected with each other – and they require the most careful study, the most disinterested devotion [Wilde, 2017, p. 38].

В данном примере автор сравнивает лживость с поэзией, что предполагает ее положительную оценку как социального явления. Таким образом, можно предположить, что лживость, как и описанное нами ранее лицемерие, имеет социально одобряемую вариацию, не пересекающуюся с концептом «depravity» в силу отрицательных аксиологических характеристик последнего.

Кроме того, Оскар Уайльд приводит примеры ситуаций, в которых ложь является частью искусства и играет важную роль в воспитании и социализации индивида:

Lying for the sake of the improvement of the young, which is the basis of home education, still lingers amongst us, and its advantages are so admirably set forth in the early books of Plato's Republic that it is unnecessary to dwell upon them here. It is a mode of Lying for which all good mothers have peculiar capabilities, but it is capable of still further development, and has been sadly overlooked by the School Board [Wilde, 2017, p. 24].

В данном отрывке описание лжи сопровождается лексемами с положительной коннотацией (*improvement, advantages, admirably, good mothers, development*), отражающими авторское видение подобной лжи во имя воспитания как своеобразной добродетели воспитателей. Лжи приписывается способность стимулировать детское развитие.

Кроме того, автор рассматривает такую функцию лжи, как источник социального удовольствия на светских мероприятиях. В этом качестве лживость обладает легкостью и элегантностью, что роднит ее с искусством:

But this is merely the light and graceful side of lying, such as was probably heard at Cretan dinner parties [Wilde, 2017, p. 104].

Однако на страницах романа «Great Expectations» читатель может также наблюдать и другие причины лживости. Так, Пип, вернувшийся после первого посещения мисс Хэвишем, подвергается допросу со стороны его сестры и мистера Памблчука, желающих знать все детали его визита. Под давлением взрослых, неудовлетворенных обстоятельностью ответов, Пип начинает сочинять детали, совершенно не соответствующие действительности. В этой сцене автор озвучивает чувства главного героя и демонстрирует его готовность сказать все, что угодно:

I was frantic – a reckless witness under the torture – and would have told them anything [Dickens, 2020, p. 73].

Употребление слова *witness* (свидетель) как сравнения в сочетании с эпитетом *reckless* (опрометчивый) при описании чувств мальчика позволяет автору лучше передать вынужденность лжи Пипа. Мальчик – легкомысленный, почти случайный свидетель, оказавшийся не в

том месте и не в то время. Более того, допрос Пипа гиперболизировано сравнивается с пыткой, что еще больше усиливает впечатление вынужденности лжи и невинности в ней Пипа.

Другой причиной лживости, по мнению автора, является стыд. Например, когда Пипу, уже привыкшему к жизни лондонского джентльмена, приходится возвращаться в родной город, он, испытывая стыд за условия жизни своей сестры и старого друга Джо, прибегает к лжи. Он лжет самому себе, ищет оправдания и причины, которые позволили бы ему не остановиться в доме сестры:

But, when I secured my box-place { ... } I was not by any means convinced on the last point, and began to invent reasons and make excuses for putting up at the Blue Boar [Dickens, 2020, p. 240].

Автор транслирует идею самообмана в данном эпизоде через нестандартную сочетаемость во фразе *to invent reasons* (изобретать причины). Герой не находит причины, потому что употребление данного глагола предполагает реальное существование этих причин. Он изобретает причины, что подразумевает их создание. Таким образом, становится очевидно, что герой готов прибегнуть к любым средствам самообмана, чтобы спасти себя от стыда и гордыни. Более того, он сам осознает свой поступок, ловит себя на лжи, но, несмотря на всю горечь этого осознания, продолжает лгать:

... but what is his sleight of hand to mine, when I fold up my own nutshells and pass them on myself as notes! [Dickens, 2020, p. 240].

Самообман как конкретизатор признака *deceitfulness* (лживость), присущего концепту «depravity», в данной сцене воплощается в сложной трехчастной метафоре. Во-первых, само действие героя описывается как мошенничество, «ловкость рук»: сам Пип предстает мошенником, при чем мошенником мелким, уличным, т.к. ловкость рук является отличительной особенностью мелких воришек, балаганных шутов, ярмарочных мошенников.

Данный образ подкрепляется через расширение метафоры. *Notes* – «деньги» в данной метафоре олицетворяют правду, при этом употребление множественного числа указывает на множественность истинно существующих фактов, которые мошенник (Пип, как мы понимаем из повествования) скрывает. *Nutshells* – «ореховые скорлупки», являясь третьей частью метафоры, делают ее целостной и законченной. С одной стороны, образ скорлупы предполагает отсутствие полезного содержания, т.е. в контексте повествования отсутствие истинности. С другой стороны, будучи противопоставленными банкнотам, скорлупки олицетворяют несбывшуюся надежду, обман ожиданий. И в очередной раз множественное число употребления намекает на многочисленность эти мелких обманов. Целостность образа мелкого мошенника, ловко и неоднократно разменивающего истину на обман, позволяет читателю увидеть постепенно усиливающуюся степень испорченности Пипа. Он уже выглядит не невинным ребенком, но матерым обманщиком, хотя и действующим под давлением обстоятельств.

Мотив лжи как средства достижения собственных целей также может быть обнаружен в других произведениях эпохи:

“Hear him! hear him!” piped Gagool; “hear the liar who says that he will put out the moon like a lamp. Let him do it, and the girl shall be spared. Yes, let him do it, or die by the girl, he and those with him” [Haggard, 2008, p. 143].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в англоязычной литературе второй половины XIX века *deceitfulness* (лживость) может являться признаком концепта «*depravity*» в тех случаях, когда она выступает как средство избегания негативных последствий. В то же время ложь взрослых может рассматриваться как положительное социальное явление, если она несет воспитательный характер или является составляющей искусства светского общения.

2.2.6. Высокомерие

Как мы писали в первой главе исследования, вертикальный контекст эпохи накладывает отпечаток на восприятие и оценку человеком тех или иных явлений, что отражается в литературном творчестве соответствующего периода. В идиолекте ряда авторов второй половины XIX века данное отражение воплотилось в появлении такого признака концепта «depravity», как *arrogance* (высокомерие), незафиксированного в лексикографических источниках. В связи с этим мы считаем необходимым рассмотреть социально-исторические условия, повлиявшие на выделение превосходства в качестве признака изучаемого концепта.

В США во второй половине XIX века сохраняется территориальное разделение на индустриальный Северо-Восток и сельскохозяйственный Юг. Плантации Юга продолжают использовать рабский труд, что только усиливало разногласия между частями страны [Муравьева, 2013, с. 76-78]. Подобные разногласия обостряли отношения между различными социальными группами, что приводило к возрастанию уровня недоверия менее социально защищенных слоев населения по отношению к более защищенным [Мухтаев, 2017].

В то же время Британская империя смогла полноценно воспользоваться своим территориальным преимуществом для развития собственной экономики. Однако такой экономический скачок способствовал увеличению разрыва в финансовом благосостоянии между более обеспеченными и менее обеспеченными слоями населения. В то время как первые становились богаче, вторые были вынуждены тяжело трудиться, чтобы выдерживать конкуренцию в ситуации промышленного переворота [Глеб, 2003; Никонов, 2017].

Разрыв между мировосприятием различных слоев населения становится предметом размышлений англоязычной литературы исследуемого периода и отражается в проблематике произведений,

связанной с темами рабовладельчества, финансового благополучия и социальной защищенности населения [История зарубежной литературы, 1991; Maier, 1977].

Анализ художественных произведений, отразивших тему классового неравенства, позволил выявить такой признак концепта «*depravity*», как *arrogance* (высокомерие), связанный с превосходством одного класса людей над другими в силу принадлежности к белой расе или более высоким финансовым и социальным положением в обществе. В силу этого мы считаем необходимым рассмотреть в данном параграфе объективацию исследуемого концепта посредством данного признака.

С целью анализа общекультурного понимания лексемы *arrogance* нами было построено его номинативное поле, включающее такие лексемы, как *superiority* (господство), *vanity* (тщеславие), *pride* (гордость) *advantage* (преимущество), *preeminence* (превосходство), *supremacy* (верховенство), *dominance* (преобладание), *excellence* (безупречность), *precedence* (приоритетность) [A dictionary of synonyms..., 1872].

В качестве следующего этапа исследования мы проанализировали лексикографические источники второй половины XIX века и определили семный состав лексем, обозначенных выше [Webster, 1886; Fowler, 1919; A modern..., 1911; The Century dictionary..., 1901]. Нами были выделены следующие семы *having more power* (наличие большей силы и власти), *quality excellence* (качественное превосходство), *high importance* (высокая важность), *high priority* (необходимость считаться с кем-либо или чем-либо в первую очередь), *high standard* (высокий стандарт), *high chances of success* (высокие шансы на успех), *prominence* (выделение из общей массы), *the state of being too interested in oneself* (состояние чрезмерного интереса к себе), *satisfaction from being better than others* (удовлетворение от собственного превосходства над другими).

Таким образом, можно сказать, что в англоязычной лингвокультуре второй половины XIX века *arrogance* (высокомерие) определяется как

выделение группы людей из общей массы в силу обладания большими ресурсами и властью, дающими их обладателям приоритетное право на что-либо, гарантирующими высокую позицию и шансы на успех, но предъявляющими к их обладателям более высокие стандарты, а также чувство удовлетворения от принадлежности такой группе.

Выше мы отмечали, что наиболее привилегированными, а, следовательно, обладающими превосходством и приоритетностью группами являлись состоятельные представители белой расы т.е. феодалы-рабовладельцы и крупные промышленники. Однако в силу происходящих социальных изменений, в частности появления течения за защиту прав представителей всех рас, данные приоритетные группы рассматривались в качестве коллективного врага, а их поведение оценивалось резко негативно и считалось высокомерным.

Одним из самых известных произведений XIX века, связанных с темой рабовладельчества и отношений между рабами и их владельцами, является роман 1852 года «Uncle Tom's Cabin», написанный Гарриет Бичер - Стоу. Основной сюжет романа повествует о судьбе уже немолодого раба Тома, которого прежний добрый и заботливый хозяин вынужден продать из-за долгов. Практически каждая сцена в произведении демонстрирует меркантильность, жестокость, высокомерие и невежество класса рабовладельцев.

Так, например, в дискуссии между двумя рабовладельцами можно увидеть, как убежденность, что «воспитание раба в строгости» пойдет ему на пользу, в то время как более мягкое отношение портит его:

“S’pose not; you Kentucky folks spile your niggers. You mean well by ’em, but ’tan’t no real kindness, arter all. Now, a nigger, you see, what’s got to be hacked and tumbled round the world, and sold to Tom, and Dick, and the Lord knows who, ’tan’t no kindness to be givin’ on him notions and expectations, and bringin’ on him up too well, for the rough and tumble comes all the harder on him arter. Now, I venture to say, your niggers would be quite chop-fallen in a place

where some of your plantation niggers would be singing and whooping like all possessed. Every man, you know, Mr. Shelby, naturally thinks well of his own ways; and I think I treat niggers just about as well as it's ever worthwhile to treat 'em" [Stowe, 2008, p. 34].

Однако рабы в произведении стоят ниже рабовладельцев только формально. Зачастую в романе именно рабы являются носителями истинного духовного превосходства, в то время как рабовладельцы представляются высокомерными. Например, один из рабов, придумавший как облегчить себе и товарищам работу, требует его освободить, что вдвойне задевает его хозяина, т.к. последний не может стерпеть превосходство первого. Хозяина одолевают тщеславие и гордыня:

*He was waited upon over the factory, shown the machinery by George, who, in high spirits, talked so fluently, held himself so erect, looked so handsome and manly, that his master began to feel an uneasy consciousness of inferiority. What business had his slave to be marching round the country, inventing machines, and holding up his head among gentlemen? **He'd soon put a stop to it. He'd take him back, and put him to hoeing and digging, and "see if he'd step about so smart*** [Stowe, 2008, p. 65].

Подобные ситуации вызывают раздражение и негодование со стороны класса рабовладельцев в связи с тем, что в сознании данного класса превосходство является привилегией белого человека. В их понимании раб не может быть честным, набожным, щедрым или обладать какими-либо другими добродетелями, что является проявлением высокомерия со стороны рабовладельцев:

Tom is a noble-hearted, faithful fellow, if he is black. I do believe, Mr. Shelby, that if he were put to it, he would lay down his life for you [Stowe, 2008, p. 89].

Кроме того, добродетели в рабах считаются чем-то почти невероятным и, даже когда присутствуют, считаются не более, чем дополнительной ценностью капитала (т.е. раба) при продаже:

Some folks don't believe there is pious niggers Shelby," said Haley, with a candid flourish of his hand, "but I do. I had a fellow, now, in this yer last lot I took to Orleans – 't was as good as a meetin, now, really, to hear that critter pray; and he was quite gentle and quiet like. He fetched me a good sum, too, for I bought him cheap of a man that was 'bliged to sell out; so I realized six hundred on him. Yes, I consider religion a valeyable thing in a nigger, when it's the genuine article, and no mistake [Stowe, 2008, p. 184].

Но в данном случае слова человека о ком-то характеризуют не того, о ком говорят, а того, кто говорит. Так, приведенный выше пример скорее демонстрирует не низкую культуру рабского населения, а отчаянную меркантильность, жажду наживы, испорченность властью, деньгами и другими видами капитала.

Степень этой испорченности такова, что даже гуманность расценивается исключительно как возможность дополнительно поднять стоимость товара:

Now," says I, "why can't you kinder coax 'em up, and speak 'em fair? Depend on it, Tom, a little humanity, thrown in along, goes a heap further than all your jawin' and crackin'; and it pays better," says I, "depend on 't.' But Tom couldn't get the hang on 't; and he spiled so many for me, that I had to break off with him, though he was a good-hearted fellow, and as fair a business hand as is goin' " [Stowe, 2008, p. 15].

При этом рабовладелец считает себя передовым гуманистом. В данном примере герой приравнивает себя к Уильяму Уилберфорсу, который являлся активным борцом за отмену рабства и работорговли, что также указывает на высокомерие рабовладельца [Британника, www]:

And the trader leaned back in his chair, and folded his arm, with an air of virtuous decision, apparently considering himself a second Wilberforce [Stowe, 2008, p. 16].

Кроме того, жестокое отношение к рабам считается добродетелью и оценивается как правильная, полезная для рабов практика:

“S’pose not; you Kentucky folks spile your niggers. You mean well by ’em, but ’tan’t no real kindness, arter all. Now, a nigger, you see, what’s got to be hacked and tumbled round the world, and sold to Tom, and Dick, and the Lord knows who, ’tan’t no kindness to be givin’ on him notions and expectations, and bringin’ on him up too well, for the rough and tumble comes all the harder on him arter. Now, I venture to say, your niggers would be quite chop-fallen in a place where some of your plantation niggers would be singing and whooping like all possessed. Every man, you know, Mr. Shelby, naturally thinks well of his own ways; and I think I treat niggers just about as well as it’s ever worthwhile to treat ’em” [Stowe, 2008, p. 43].

А попытка самих рабов не быть жестокими вопреки приказу хозяина карается ещё большей жестокостью как к самому рабу, так и к объекту его милосердия:

Do it? not I! – but he did. Mas’r and Tom pelted the poor drowning creature with stones. Poor thing! he looked at me so mournful, as if he wondered why I didn’t save him. I had to take a flogging because I wouldn’t do it myself. I don’t care. Mas’r will find out that I’m one that whipping won’t tame. My day will come yet, if he don’t look out [Stowe, 2008, p. 34].

Особый интерес представляет то, какую внешне противоречивую оценку дает автор поведению одного из героев-рабовладельцев:

“Is he so hard, then?”

“Why, not a cruel man, exactly, but a man of leather, – a man alive to nothing but trade and profit, – cool, and unhesitating, and unrelenting, as death and the grave. He’d sell his own mother at a good percentage – not wishing the old woman any harm, either” [Stowe, 2008, p. 87].

Возникает ощущение, что сама Г. Бичер-Стоу боится называть вещи своими именами, опасаясь мести за свои слова, но при этом не может не выдать намеренной оговоркой свое истинное отношение к герою. Дополнительный эффект имеет неожиданное сравнение живого человека со смертью:

Perhaps the mildest form of the system of slavery is to be seen in the State of Kentucky. The general prevalence of agricultural pursuits of a quiet and gradual nature, not requiring those periodic seasons of hurry and pressure that are called for in the business of more southern districts, makes the task of the negro a more healthful and reasonable one; while the master, content with a more gradual style of acquisition, has not those temptations to hardheartedness which always overcome frail human nature when the prospect of sudden and rapid gain is weighed in the balance, with no heavier counterpoise than the interests of the helpless and unprotected [Stowe, 2008, p. 214].

Одним из способов демонстрации высокомерия рабовладельческого класса в романе является принижение рабов, сравнение их с животными. Они не могут иметь привязанностей к семье, детям и легко утешатся, если потеряют их:

*Why, yes, sir, I may say so. You see, when I any ways can, I takes a leetle care about the onpleasant parts, like selling young uns and that, – get the gals out of the way—out of sight, out of mind, you know, – and when it’s clean done, and can’t be helped, they naturally gets used to it. **’Tan’t, you know, as if it was white folks, that’s brought up in the way of ’spectin’ to keep their children and wives, and all that. Niggers, you know, that’s fetched up properly, ha’n’t no kind of ’spectations of no kind; so all these things comes easier.**” <...> **Your wife might get her some ear-rings, or a new gown, or some such truck, to make up with her** [Stowe, 2008, p. 46].*

В данном примере пренебрежение чувствами служанки выражается в первую очередь через литоту (*onpleasant parts*). Переживания по поводу разлуки с ребенком, которые для белой матери могли бы считаться серьезными, в случае с темнокожей служанкой описываются как «неприятные». Кроме того, лексемы *naturally* и *brought up* отражают отношение к представителям негроидной расы как к неспособным к чувству привязанности по природе и по воспитанию. Однако подобное высокомерное отношение косвенно характеризует говорящего.

Высокомерие реализуется через непризнание человеческих чувств и привязанностей в представителе более низкого класса, через расчеловечивание и приравнивание к животному.

Другим произведением, демонстрирующим признак *arrogance* (высокомерие) концепта «*depravity*», служит роман Элизабет Гаскелл «*North and South*», повествующий о впечатлениях девушки-южанки, переехавшей в северный промышленный район. Одним из конфликтов произведения являются взаимоотношения владельца фабрики Торнтон и его рабочих.

Фабрикант подменяет морально-нравственное превосходство понятиями финансового превосходства и превосходства власти, определяя бедных людей как порочных, слабых характером и достойных презрения лишь по причине того, что они не могли добиться того же состояния финансового благополучия, как сам Торнтон:

“How tainted?” asked her father.

“And the poor men around him – they were poor because they were vicious – out of the pale of his sympathies because they had not his iron nature, and the capabilities that it gives him for being rich.”

“Not vicious; he never said that. Improvident and self-indulgent were his words” [Gaskell, 2017, p. 213].

В то же время главная героиня произведения Маргарет считает испорченной именно натуру Торнтон, а бедным людям сопереживает:

Oh, papa, by that testing everything by the standard of wealth. When he spoke of the mechanical powers, he evidently looked upon them only as new ways of extending trade and making money [Gaskell, 2017, p. 213].

По мнению Маргарет, сильная натура Торнтон была подвержена пагубному влиянию финансового благополучия и власти, в следствие чего стала испорченной, высокомерной, меркантильной, эгоистичной. Последний компонент можно вычленить, проанализировав реплику девушки о ценности промышленных достижений. С точки зрения самой

Маргарет, успехи в промышленности должны служить на пользу людям, давать им возможность жить лучше, облегчать положение угнетенных слоев населения, в частности, рабочих фабрик. Но для Торнтон достижений промышленности представляют собой только новый способ заработать больше, потратив меньше, он не намерен использовать прогрессивные методы, чтобы облегчить жизнь рабочим, он не думает о них, только о своей выгоде.

На самом деле, с точки зрения самого Торнтон подобное эгоистичное и высокомерное поведение имеет внутреннюю стройную логику. По мнению фабриканта, бедные люди сами виноваты в своей бедности и своими жизненными выборами заслужили такую участь:

I believe that this suffering, which Miss Hale says is impressed on the countenances of the people of Milton, is but the natural punishment of dishonestly-enjoyed pleasure, at some former period of their lives. I do not look on self-indulgent, sensual people as worthy of my hatred; I simply look upon them with contempt for their poorness of character [Gaskell, 2017, p. 205].

Торнтон презирает бедных, считая их слабохарактерными, но при этом утверждает, что не ненавидит их, т.к. ненависть слишком сильное чувство, чтобы испытывать его в отношении кого-то, стоящего настолько ниже его самого. Ненависть может существовать только среди равных. Торнтон же считает себя человеком, намного превосходящим достоинствами своих рабочих, именно в этом выражается его высокомерие.

Особо стоит обратить внимание на то, что, как и в романе «Uncle Tom's Cabin», превосходство материальное, по мнению владеющих этим превосходством, автоматически предполагает и превосходство морально-нравственное. Так, например, Торнтон, осознавая уровень жестокости и деспотизма своей политики в отношении рабочих его фабрики, оправдывает своё поведение вынужденностью, необходимостью опускаться до «примитивного» уровня рабочих, которые, по его мнению, не понимают другого отношения:

I maintain that despotism is the best kind of government for them; so that in the hours in which I come in contact with them I must necessarily be an autocrat [Gaskell, 2017, p. 312].

И хотя он признает, что работает в первую очередь в своих интересах, он продолжает оправдывать свое поведение «мудростью», тем самым давая понять, что каким бы плохим не был он сам, он всё же стоит выше рабочих, а значит, по его логике, является более нравственным человеком:

I will use my best discretion—from no humbug or philanthropic feeling, of which we have had rather too much in the North—to make wise laws and come to just decisions in the conduct of my business – laws and decisions which work for my own good in the first instance – for theirs in the second [Gaskell, 2017, p. 244].

Кроме того, он считает, что его покупательская способность автоматически ставит его выше других и может купить ему любые права.

Примеры объективации признака *arrogance* (высокомерие) концепта «depravity» можно найти в произведениях таких авторов, как Р. Стивенсон, У. Коллинс, Л. Кэрролла, А. Дойл и др. В качестве примера приведем сцену суда в произведении «Alice's Adventures in Wonderland»:

At this moment the King, who had been for some time busily writing in his note-book, cackled out “Silence!” and read out from his book, “Rule Forty-two. All persons more than a mile high to leave the court.”

Everybody looked at Alice.

“I’m not a mile high,” said Alice.

“You are,” said the King.

“Nearly two miles high,” added the Queen.

“Well, I shan’t go, at any rate,” said Alice: “besides, that’s not a regular rule: you invented it just now.”

“It’s the oldest rule in the book,” said the King.

“Then it ought to be Number One,” said Alice [Carroll, 2020, p. 64].

Данный отрывок демонстрирует как король, осознавая своё превосходство как верховного правителя и главного судьи, пользуется им для того, чтобы повернуть ход судебного заседания в свою пользу и удалить Алису из зала суда. Кроме того, во время переписывания правил он не скрывает своих действий по причине своей уверенности в том, что никто ему противоречить не сможет и не захочет, в чем проявляется его высокомерие. Когда же Алиса оспаривает новое правило, король прибегает к лжи с целью сохранить свою превосходящую позицию и добиться своей цели.

В следующей сцене к подобному использованию превосходства в своих целях прибегает королева:

“No, no!” said the Queen. “Sentence first—verdict afterwards.”

“Stuff and nonsense!” said Alice loudly. “The idea of having the sentence first!”

“Hold your tongue!” said the Queen, turning purple.

“I won’t!” said Alice.

“Off with her head!” the Queen shouted at the top of her voice. Nobody moved [Carroll, 2020, p. 65].

Кроме попытки переписать правила суда по своему усмотрению королева также пытается установить превосходство повышая голос, что демонстрирует ее злость и стремление запугать Алису и заставить ее отступить. Когда данная тактика не срабатывает, королева прибегает к последнему средству – приказывает отрубить Алисе голову. Данное действие, с одной стороны, должно избавить королеву от угрозы ее превосходству со стороны Алисы, с другой стороны, казнь призвана запугать остальных присутствующих и обезопасить королеву и ее статус в будущем.

Таким образом, можно сказать, что *arrogance* (высокомерие) как признак концепта «depravity» включает в себя тщеславие и гордыню, основанные на превосходстве в финансовом или социальном статусе. Кроме

того, в данном случае акциональными проявлениями концепта «depravity» становятся попытки самоутвердиться за счет другого и устранить любые проявления непокорности.

Выводы по второй главе

Изучив лексикографические источники и художественные произведения англоязычных авторов второй половины XIX века, мы можем сделать ряд выводов о месте концепта «depravity» в англоязычной концептосфере данного периода.

Согласно лексикографическим источникам, исследуемый концепт представляет собой совокупную противоположность религиозным ценностям и проявляется в отсутствии добродетелей, обладает способностью к заражению, а также связан с причинением вреда или порчей.

В англоязычной литературе второй половины XIX века концепт «depravity» связан с выхолащиванием истинного содержания христианских добродетелей, с их заменой на внешнюю благопристойность поведения, неискренность. В качестве акциональных проявлений испорченности выступают как преступления против религиозных заповедей (например, кража, клевета, прелюбодеяние), так и преступления против человеколюбия в целом (например, грубость, принуждение). Кроме того, к проявлениям испорченности причисляются действия, способные негативно влиять на окружающих, в первую очередь, на детей как воплощения невинности (например, сплетни, интриги).

Анализ англоязычной литературы второй половины XIX века позволил нам также выявить конкретизаторы концепта «depravity», относящиеся к периферии и не отраженные в лексикографических источниках: *false religiousness* (показная религиозность), *dissoluteness*

(распушенность), *hypocrisy* (лицемерие), *negative experience* (негативный опыт), *deceitfulness* (лживость), *arrogance* (высокомерие).

Религиозность в словарном значении антонимична концепту «*depravity*», представляя собой воплощение ценностных основ общества исследуемого периода, однако, в случае притворной религиозности и пренебрежения религиозными законами является признаком анализируемого концепта.

Распушенность, согласно лексикографическим источникам, противопоставляется чистоте, что позволяет включать ее в состав признаков концепта «*depravity*». При этом распушенность в англоязычной литературе ассоциируется с взрослостью и старостью, которая оказывает негативное влияние на людей, а также связана с сексуальной распушенностью.

Лицемерие в свою очередь также выступает в англоязычной литературе признаком концепта «*depravity*», однако имеет область, находящуюся за пределами концепта «*depravity*». Данная часть включает в себя социально одобряемую разновидность лицемерия как часть социального договора или этикета.

Опыт в художественных произведениях исследуемого периода связан с переходом от детскости к взрослости и может также выступать признаком концепта «*depravity*», когда речь идет о негативном опыте. Данная возможность обусловлена ассоциацией неопытности с чистотой, невинностью и непорочностью, которые являются частными примерами лексем, антонимичных номинантам концепта «*depravity*».

Лживость, выступая в роли признака исследуемого концепта, связана с осуждаемыми разновидностями лжи. Однако англоязычная литература данного периода содержит также примеры социально одобряемой лжи как части социального договора или искусства светского общения, что позволяет утверждать, что данные виды лжи не рассматриваются носителями британской и американской лингвокультур как испорченность.

Появление во второй половине XIX века такого признака концепта «depravity», как высокомерие, обусловлено конфликтом между низшими и высшими слоями населения и восприятием последних как коллективного врага и носителя аксиологически отрицательных качеств. Такими качествами являются тщеславие и гордыня, базирующиеся на превосходстве в социальном статусе или финансовом положении.

Важную роль в понимании концепта «depravity» играет противопоставление «взрослый – ребенок». Взрослому приписывается опыт и необходимость брать на себя ответственность за собственные поступки, что выражается в более категоричной негативной оценке испорченного поведения взрослых. Испорченность детей, в свою очередь, рассматривается как следствие влияния испорченных взрослых и неизбежный результат взросления.

Неизбежность испорченности отражается в метафоре лестницы как пути сверху вниз, где наверху располагаются дети, ещё нетронутые испорченностью взрослого мира, а внизу – испорченные взрослые. При этом, спустившись по этой «лестнице», человек не имеет возможности вернуться назад, как не имеет возможности снова стать ребенком.

Другими метафорическими воплощениями испорченности в литературе выступают метафора скорлупы, метафора призрака, метафора кораблекрушения. Метафора пустой скорлупы воплощает идею выхолащивания ценностного содержания и подменой его внешними атрибутами добродетели. Метафора призрака передает восприятие испорченности как незримой, но ощущаемой сущности, имеющей способность влиять на объективную реальность. Метафора кораблекрушения призвана продемонстрировать конечность пути от неиспорченности к испорченности как к разрушению нравственных основ.

Концепт «depravity» во второй половине XIX века фиксирует в своем смысловом содержании значительное влияние религиозного мировоззрения

и отражает ценностные основы общества данного периода, базирующиеся на христианском учении.

ГЛАВА 3. КОНЦЕПТ «DEPRAVITY / ИСПОРЧЕННОСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАРТИНЕ МИРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

3.1. Содержание концепта «depravity / испорченность» по лексикографическим данным второй половины XX века

Для анализа концепта «depravity» во второй половине XX века мы руководствовались методикой семантико-когнитивного исследования концептов.

Для построения номинативного поля концепта «depravity» во второй половине XX века на основе синонимического ряда с доминантой *depravity* нами были проанализированы данные синонимических словарей соответствующего периода [Webster's new world dictionary of synonyms..., 1984; The Penguin dictionary of English synonyms and antonyms, 1992]. В построенное номинативное поле вошли лексические единицы, также составляющие номинативное поле концепта в XIX веке: *corruption, vice, immorality, wickedness, sin, indecency, debauchery*. Кроме того, в номинативное поле вошли такие лексемы, как: *evil, criminality, degradation, contamination, debasement, degeneracy, deprivation, iniquity, lewdness, licentiousness, perversion* и др. Общее количество номинантов составило 127 единиц. Почти двухкратное различие в количественном составе номинативного поля концепта в исследуемых диахронических срезах демонстрирует диверсификацию признаков, объективирующих концепт, по сравнению с XIX веком. По нашему мнению, данный факт может быть объяснен потерей религией её регулятивной функции, а также повышением уровня толерантности общества, что привело к необходимости более дробного обозначения проявлений испорченности.

На втором этапе анализа нами были собраны дефиниции выявленных ранее номинантов и их дериватов, зафиксированных в словарях соответствующего диахронического среза [Webster's new world dictionary of

synonyms..., 1984; The Penguin dictionary of English synonyms and antonyms, 1992]. Данные дефиниции были подвергнуты процедурам обобщения и компонентного анализа, что позволило выявить семные конкретизаторы признаков исследуемого концепта.

В результате проведенного компонентного анализа для лексемы *evil* были выявлены семы *harm* (вред), *immorality* (аморальность), *cruelty* (жестокость); для лексемы *criminality – illegality* (незаконность), *bribery* (взяточничество), *power* (власть); для лексемы *debasement – deprivation of virtue or respect* (лишение добродетели или уважения); для лексемы *degeneracy – immorality* (аморальность), *unacceptability* (неприемлемость); для лексемы *iniquity – immorality* (аморальность), *unfairness* (несправедливость), *wrongness* (неправильность); для лексемы *licentiousness – immorality of sexual behaviour* (аморальность сексуального поведения); для лексемы *perversion – immorality of sexual behaviour* (аморальность сексуального поведения), *unacceptability* (неприемлемость), *strangeness* (странность) и т.д. Среди представленных единиц ключевым номинантом концепта «depravity» является *depravity* в силу того, что семный состав данной лексемы содержит архисему *immorality* (аморальность).

Далее был выявлен индекс частотности семных конкретизаторов, репрезентирующих исследуемый концепт. Под индексом частотности семного конкретизатора понимается количество номинантов концепта «depravity», в которых присутствует соответствующая сема. В качестве частотных семных конкретизаторов были выявлены: *immorality* (аморальность) (индекс частотности – 24), *illegality* (незаконность) (13), *harm* (вред) (12). Общее количество частотных семных конкретизаторов составило 3 единицы. Стоит отметить, что их количество сократилось по сравнению со второй половиной XIX века в почти 4 раза (соотношение 11 к 3). Данное изменение может быть объяснено большей номинативной плотностью концепта в XX веке, т.е. наличием большего количества семных конкретизаторов в целом.

Также нами были отмечены семные конкретизаторы, являющиеся отличительными характеристиками для каждой словообразовательной парадигмы. Для парадигмы с доминантой *wickedness* (*wicked, wickedly*) выделены семные конкретизаторы *atrocious* (злодеяние), *stain* (запятнанность), *slightly bad, but attractive* (привлекательность при некоторой неправильности); для парадигмы с доминантой *sin* (*sinner, sinful, sinfully, sinfulness*) – *violation of religious laws* (нарушение религиозных законов), *non-compliance* (несоответствие); для парадигмы с доминантой *indecent* (*indecent*) – *offensive behaviour* (оскорбительное поведение), *excessive consumption of alcohol and drugs* (безмерное потребление алкоголя или наркотиков) и т.д. Общее количество семных конкретизаторов составило 153 единицы, что почти в 2 раза больше количества семных конкретизаторов, выявленных при аналогичном анализе номинативного поля концепта «depravity» во второй половине XIX века (70 единиц).

На основе компонентного анализа полученных лексем нами была построена модель концепта во второй половине XX века. Отметим, что к ядерным признакам концепта «depravity» мы, вслед за И.А. Стерниным и М.С. Саломатиной [Стернин, Саломатина, 2011. с. 78], относим признаки, которые выполняют функцию поля наиболее однозначно, т.е. в состав семных конкретизаторов которых входит архисема *immorality* (аморальность). К периферийным относятся такие признаки исследуемого концепта, в содержании которых обнаруживаются другие семные конкретизаторы (например, *inappropriate sexual behaviour* (неподобающее сексуальное поведение), *illegality* (нелегальность), дополняющие архисему *immorality* во всех выявленных ядерных признаках (см. **Приложение 3**).

В отличие от второй половины XIX века концепт «depravity» во второй половине XX века имеет большое количество признаков, объективированных следующими лексемами и их синонимами: *depravity, immorality, wickedness, vice, sin, indecency, debauchery, corruption, evil, criminality, degradation, contamination, debasement, degeneracy, deprivation, iniquity, lewdness,*

licentiousness, perversion и др. (127 лексем). Данное явление отражает усиление диффузности концепта «*depravity*», что, по нашему мнению, связано с изменением аксиологических основ общества и повышением уровня толерантности общества и связанной с этим необходимостью более дробного обозначения неприемлемого поведения.

При сопоставлении семного состава лексем, входящих в номинативное поле исследуемого концепта, были также обнаружены некоторые различия. Так, смысловой признак *vice* приобрел дополнительный семантический конкретизатор *crime* (преступление) в дополнение к конкретизатору *inappropriate sexual behaviour* (неподобающее сексуальное поведение), выявленному нами для данного признака во второй половине XIX века. Объяснением для подобной динамики может служить постепенно повышающийся уровень секуляризации общества, потеря религией главенствующей роли в определении границ нормативного поведения, усиление тенденции к активной жизненной позиции. Стоит отметить, что церкви, на протяжении долгого периода определявшей норму поведения и его идеал, а также очерчивавшей границы морали, потребовался «преемник», призванный выполнять данные функции. Одним из таких «преемников» стало светское законодательство, что видно также на примере смыслового признака *corruption*. Если в XIX веке отрицательная оценка коррумпированного поведения была связана с общественным порицанием, то в XX веке появился семный конкретизатор *illegality* (нелегальность). Кроме того, возник также компонент *power* (власть) или *position* (должность), т.е. значение слова трансформировалось из злоупотребления финансовым состоянием в злоупотребление должностными полномочиями или подкуп с целью такого злоупотребления. Другим регулятором общественной нормы выступает само общество, что видно на примере приобретения смысловым признаком *sin* семного конкретизатора *non-compliance* (несоответствие) в дополнение к *violation of religious rules* (нарушению религиозных законов).

Также по причине авторитарности церковных практик переход к светскости задал некоторую большую свободу выбора и, как следствие, градацию испорченного поведения. Примером таких изменений может послужить приобретение смысловым признаком *wickedness* дополнительного семантического конкретизатора *slightly bad, but attractive* (привлекательность при некоторой неправильности), а признаком *vice* – конкретизатора *bad habit* (плохая привычка), т.е. не всякое проявление испорченности равно другому ее проявлению. Какое-то испорченное поведение в некоторой степени допускается обществом на правах привычки, хотя и не поощряется, а какое-то – может быть притягательным именно по причине своей запретности.

В качестве следующего этапа нами были проанализированы антонимы номинантов концепта «depravity» [Oxford advanced learner's dictionary...1975; The Penguin dictionary of English synonyms and antonyms. 1992]. Во второй половине XX века наблюдается диверсификация проявлений испорченности, что отражается в асимметрии некоторых пар «признак – антонимичный признак» (см. **Приложение 4**). Так, например, признак *goodness* может служить антонимом для ряда таких признаков исследуемого концепта, как *corruption, immorality, evil*.

Приведенная схема иллюстрирует асимметрию пар «признак – антонимичный признак», а именно наличие антонимических отношений между рядом признаков концепта «depravity» (например, *immorality, iniquity*) и одним противопоставленным признаком (*morality*). Кроме того, ряд антонимичных признаков расширяется по сравнению со второй половиной XIX века за счет появления антонимичных признаков, не связанных с религиозным мировоззрением (например, *advantage*). Отметим, что во второй половине XX века, так же как и во второй половине XIX века, номинант концепта «depravity» не имеет прямого антонима, зафиксированного в лексикографических источниках исследуемого периода, в связи с этим

антонимический потенциал концепта «depravity» реализуется через совокупность признаков, антонимичных признакам самого концепта.

При анализе ассоциаций номинантов концепта «depravity», представленных в ассоциативном словаре [Roget's Pocket Thesaurus, 1976], нами были выделены шесть основных групп: религиозные, нравственные, санкционные, криминальные, образные и ассоциации, связанные с отношениями между мужчиной и женщиной (*lust, adultery, eros*). Последняя группа не была выявлена для ассоциаций второй половины XIX века. Данное явление, по нашему мнению, объясняется необходимостью социальной регуляции этого вида отношений, которая ранее осуществлялась религиозными предписаниями. Кроме того, религиозный вид ассоциаций составляет одну десятую часть всех ассоциаций, связанных с концептом «depravity» в исследуемый период (соотношение 3 к 30). В остальных группах отсутствуют ассоциации, отражающие религиозное мировоззрение, что связано с повышением уровня секуляризации общества и усиливающейся ролью светского законодательства и общественного мнения как регуляторов нормированного поведения.

Таким образом, можно сказать, что признаки концепта «depravity» во второй половине XX века становятся более разнообразными с точки зрения градации оценки поведения личности. Если в XIX веке главным основанием нормированности служил религиозный закон, разделяющий лишь «подобающее» и «неподобающее» поведение, то в XX веке поведение может быть оценено с точки зрения светского закона, общих норм морали, общественного мнения и иметь некоторые оттенки допустимости.

3.2. Объективация индивидуально-авторских признаков концепта «depravity / испорченность» в британской и американской художественной литературе второй половины XX века

С целью исследования динамических изменений компонентного состава и структуры концепта «depravity» в англоязычной лингвокультуре нами была выбрана эпоха, охватывающая вторую половину XX века, т.к. за столетний период, разделяющий рассматриваемые нами диахронические срезы, произошли крупные геополитические, экономические и социальные изменения, которые не могли не повлиять на систему ценностей общества, а следовательно, и на концепт «depravity».

После двух мировых войн в 1940-1950-е годы Великобритания все еще стояла на позиции империи и считала себя однородным государством. В 1960-е Великобритания признает возможность укрепления национального самосознания в своих колониях и выводит свои вооруженные силы из бассейна Индийского океана, что постепенно приводит к утрате страной статуса мировой державы и обостряет вопрос самоидентификации британской нации в новых исторических условиях [Громыко, 2011, с. 330; Booth, 2001, p. 212].

В связи с этим в британской литературе появилось течение антиколониалистской литературы как попытка переопределения самосознания нации и ее роли на мировой арене. Появляются трилогия «Смена ролей» (1966-1968), романы Дэсмонта Стюарта «Леопард в траве» (1953), «Неподходящий англичанин» (1955), Нормана Льюиса «Вулканы над нами» (1957), Бэзила Дэвидсона «Речные пороги» (1955), Джеймса Олдриджа «Герои пустынных горизонтов» (1954). Общественные изменения нашли отражение в литературном течении «Сердитых Молодых Людей» (Джон Осборн, Кингсли Эмис, Джон Брэйи, Джон Уэйн и другие): герои произведений пытаются найти свое место в сложной для рабочего класса

экономической ситуации. При этом персонажи критикуют общественные устои, ставящие их в тяжелые условия, и пытаются выработать новую систему ценностей, позволяющую выживать в изменившемся мире, что оказывает влияние на состав и композицию концепта «*depravity*» и приводит к появлению в литературе таких признаков исследуемого концепта, как *ramparedness* (избалованность), *excessive consumption* (чрезмерное потребление), *egoism* (эгоизм). Проблемы, связанные с технологическим прогрессом, находят свое отражение в новом направлении британской литературы – «рабочем романе» (Алан Силлитоу, Стэн Барстоу, Сид Чаплин, Дэвид Стори, Рэймонд Уильямс), которое воплощает попытки ценностной ориентации в изменившемся мире. Главным героем произведений становится молодой человек из рабочей среды, недовольный своим социальным положением и ищущий способы его исправить [Аникин, 1975; Кубарева, 2002].

Уэллс Герберт Джордж в своих романах, написанных с 1901 («Первые люди на Луне») по 1937 («Рожденные звездой») годы поднимает вопрос эмансипации женщин, военного и мирного использования атомной энергии, прогнозирует гибель человечества как результат развития буржуазного строя [Мендельсон, 1977; Краткая литературная энциклопедия, 1978].

США во второй половине XX века также обрастает новыми геополитическими связями, добровольно отходя от политики изоляционизма и, в частности, вступая в ООН. Литература США данного периода представляет собой попытку осмыслить место человека в мире и последствия технологического прогресса, который привел к отчуждению человека от природы. Подобные размышления отражают изменения в ценностной системе общества. Размышления над состоянием мира после войны приводят к появлению темы ответственности человека за прошлое и будущее и за выбор поведения как отдельными личностями, так и целыми нациями. Попытки определить ориентиры и критерии, на основе которых следует выстраивать жизнь, позволяют проводить глубокий анализ аксиологической составляющей

англоязычной картины мира в целом и концепта «depravity» в частности [Maier, 1977, p. 622].

Изменение роли религии в Великобритании, и в США в рассматриваемый период находит свое отражение в концептосфере англоязычного лингвокультурного сообщества. Повышение уровня толерантности и снижение жесткости религиозных норм приводит к изменению состава концепта «depravity», т.к. некоторые поведенческие практики (например, отношения вне брака), осуждаемые церковью, перестают оцениваться как категорически неприемлемые. В то же время секуляризация заставляет общество искать иные, отличные от религиозных, ориентиры для ценностной системы, что приводит к появлению в составе концепта «depravity» новых признаков, например, таких, как объективация женщины, т.е. лишение ее субъектности в отношениях [Fredrickson, 1997].

Как мы писали выше, данные изменения в социально-исторических условиях привели к переоценке ценностных ориентиров общества, что отразилось в актуализации концепта «depravity» в англоязычной литературе второй половины XX века. Совокупность идиолектов авторов данного периода позволяет выявить признаки исследуемого концепта, которые не нашли отражения в лексикографических источниках и которые мы рассматриваем в данной главе.

3.2.1. Избалованность

В синонимический ряд с доминантой *pamperedness* (избалованность) входит ряд следующих лексем: *spoiledness* (капризность), *coddledness* (изнеженность) [Webster's new world dictionary of synonyms..., 1973; The Penguin dictionary of English synonyms..., 1992]. Нами был проведен анализ дефиниций данных лексем, который показал, что члены синонимического ряда обладают следующим набором семантических признаков: *excessive care or attention* (чрезмерная забота и внимание), *impairment of character by*

overindulgence (ухудшение характера из-за чрезмерного потакания) [Webster's encyclopedic unabridged dictionary..., 1989; Roget's Pocket Thesaurus, 1976; Oxford advanced learner's dictionary..., 1975]. Таким образом, избалованность понимается как чрезмерная забота, внимание и потакание, которые приводят к ухудшению характера.

Детская литература в целом и сказки в частности являются учебником морали. Современный американский философ Аласдер Макинтайр в своей книге «*After Virtue: A Study in Moral Theory*» [MacIntyre, 1984, p. 251] так пишет о сказках (*перевод наш. – Ю.Д.*):

«Благодаря рассказам о злых мачехах, потерянных детях, добрых, но заблудших королях, волках, которые выкармливают мальчиков-близнецов, младших сыновьях, которые не получают наследства, но должны сами прокладывать свой путь в этом мире, и старших сыновьях, которые тратят свое наследство на разгульную жизнь и отправляются в изгнание, чтобы жить со свиньями, дети узнают, что такое ребенок и что такое родитель, каков может быть состав персонажей в драме, в которой они родились, и каковы пути развития мира».

По этой причине мы считаем, что концепт «*depravity*», тесно связанный с понятиями морали, добра и зла, подобающего и неподобающего поведения, ярко выражен в детской литературе, в частности, в работах британского писателя Роальда Даля, например, в сказочной повести «*Charlie and the Chocolate Factory*».

По сюжету повести знаменитый шоколатье Вилли Вонка приглашает пятерых детей и их родителей посетить шоколадную фабрику, известную своими уникальными изделиями. В ходе экскурсии четверо из пяти детей попадают в неприятности из-за собственной избалованности. Пятый же, главный герой повести по имени Чарли, представляется как образцовый, неиспорченный ребенок и в качестве награды становится преемником Вилли Вонки.

Концепт «depravity» в данном произведении отражается как в речи самих детей и их родителей, так и в характеристиках, которые им дают окружающие, но первый намек на характер этих героев читатель получает, как только знакомится с героями. Имена детей представляют собой окказиональные антропонимы, т.е. имена, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные имена.

Первый обладатель золотого билета Вонки носит фамилию Глуп (*Gloop*), которая буквально переводится как «недалекий, глупый, дурачок» и носит явную негативную окраску. Герой демонстрирует соответствие своей фамилии характеру, пытаясь напиться из шоколадной реки, в результате чего падает в нее.

Следующий персонаж носит имя Верука Солт (*Veruca Salt*). Имя девочки Верука переводится как «бородавка», а фамилия Солт – «соль», что создает образ неприятной, надоедливой особы, что героиня доказывает своим поведением, постоянно требуя моментально получить все, что ей хочется.

Третьим обладателем золотого билета Вонки становится мальчик по имени Майк ТииВии (*Mike Teavee*), чье имя созвучно английскому названию телевизора. Данный персонаж не смог устоять перед изобретенным Вонкой телевизором, который может передавать настоящий шоколад на расстоянии. При попытке перенести самого себя тем же способом увлеченный телевидением мальчик уменьшается до крошечного размера.

Четвертым персонажем ребенком-посетителем фабрики становится Виолет Борегард (*Violet Beauregarde*), чье имя не является говорящим, однако намекает на ее дальнейшую судьбу. По ходу экскурсии девочка съедает экспериментальную жвачку, в результате чего становится похожей на чернику по форме и цвету. На этот последний факт читатель получает намек, т.к. имя Виолет переводится как «фиолетовый», т.е. цвет черники.

Единственным ребенком с неговорящим именем является главный герой повести Чарли Бакет, который представляет собой пример обычного, неиспорченного, «нормального» ребенка и потому носит обычное имя.

Как мы уже упоминали ранее, испорченность детей отражается в их речи. Так, например, Верука Солт, девочка требующая исполнять любой ее каприз моментально, постоянно прибегает к повторению:

Where's my Golden Ticket! I want my Golden Ticket! [Dahl, 2017 p. 12].

I want an Oompa-Loompa! I want you to get me an Oompa-Loompa! I want an Oompa-Loompa right away! I want to take it home with me! Go on, Daddy! Get me an Oompa-Loompa! [Dahl, 2017 p. 48].

Кроме того, для усиления эффекта своих требований она манипулирует родителями через истерики, крик, лежание на полу:

And she would lie for hours on the floor, kicking and yelling in the most disturbing way [Dahl, 2017 p. 52].

И лишь когда ее требование удовлетворяется, она снова становится «хорошей девочкой», улыбается и дает своим родителям ощущение счастливой семьи:

...and now she's all smiles, and we have a happy home once again [Dahl, 2017 p. 52].

Подобные проявления детской испорченности мы можем также наблюдать в произведениях других авторов данного временного периода (Э. Хогарт, Д. Биссет и др.). Например, в романе «A Woman of Style» Колина МакДауэлла, испорченному ребенку приписываются такие черты, как эгоизм, бездумное потакание своим желаниям и требование такой же услужливости от окружающих:

That dignified woman would never have acted as she had: so selfishly and unthinkingly. I have behaved like a spoilt child wanting its own way, she said to herself [McDowel, 1992, p. 341].

Описывая характер Веруки, Роальд Даль использует повторение слов «Я хочу» и прием незаконченного предложения, чтобы дать оценку ее поведения со стороны взрослого, которую вкладывает в реплику дедушки Чарли Бакета. В очередной раз услышав повторяющуюся фразу «Я хочу», мужчина говорит, что она хочет хорошей порки, т.е. наказания. Таким

образом, автор демонстрирует, что испорченность детей является следствием безнаказанности:

“I want a boat like this! I want you to buy me a big pink boiled-sweet boat exactly like Mr. Wonka's! And I want lots of Oompa-Loompas to row me about, and I want a chocolate river and I want . . . I want . . .” She wants a good kick in the pants,” whispered Grandpa Joe to Charlie [Dahl, 2017 p. 52].

Идея наказания как средства исправления испорченного поведения детей появляется в повести неоднократно. Так, когда Агустус Глуп падает в шоколадную реку вследствие своей беспечности, Умпа-Лумпы, подручные Вилли Вонки, исполняют песню, в которой описывают превращение мальчика после наказания из алчного животного, презираемого людьми, в человека, любимого всеми:

This boy, who only just before was loathed by men from shore to shore, this greedy brute, this louse's ear, is loved by people everywhere! [Dahl, 2017 p. 23].

Однако часто можно встретить примеры, утверждающие, что таким испорченным детям прощается все. Так, в романе «The Distance Enchanted» любой намек на избалованность героини побеждается ее очарованием, что приводит к полному отсутствию наказания:

Despite her eighteen years, there was something about the petulant drop of her mouth that reminded one of a spoilt child; but even so she was strikingly lovely, with her big dark eyes and mass of golden hair, which she wore in a coil at the nape of her neck [Gervaise, 1983, p. 105].

Похожий пример, основанный на противопоставлении эпитетов, читатель может найти в романе «The Green Behind the Glass»:

No wonder he is the spoilt child sometimes terrible, but always forgiven [Geras, 1989, p. 93].

Однако отрицательная оценка подобного поведения отнюдь не всегда дается настолько прямо. Особенно часто косвенно выраженное отношение автора к испорченным детям можно найти в детской литературе. Данный факт, по нашему мнению, может быть объяснен тем, что излишне открытая критика

может восприниматься детской аудиторией как нравоучение и вследствие этого отвергаться.

Обратимся к примерам подобной характеристики в повести «Charlie and the Chocolate Factory». Герой Агустус Глуп неоднократно прямо и косвенно сравнивается с животным. Вместо «человек», «мальчик» или «ребенок» к нему применяются слова *beast* (тварь), *pig* (свинья), *brute* (животное), *brat* (отродье). Кроме того, его действия описываются словами, обычно применимыми к животным: *gorge* (жрать), *guzzle* (трескать), *feed* (пасться). Отрицательная оценка подобного поведения усиливается через эпитеты *greedy* (жадный), *revolting* (отталкивающий), *foul* (омерзительный), *unutterably vile* (несказанно мерзкий), *infantile* (инфантильный), *disgusting* (отвратительный), *nasty* (противный), *repulsive* (гадкий). Данное нетипичное сравнение ребенка с животным отражает идиостиль Роальда Даля.

Через отрицательно окрашенные эпитеты авторы часто дают характеристику поведению других испорченных детей. Так, в романе «The Green Behind the Glass», в котором испорченный ребенок открыто именуется «глупым»:

“You didn't have to get my pudding,” she said, hearing how silly she sounded, like a spoilt child [Geras, 1989, p. 43].

Роальд Даль в своей повести через речь бабушек главного героя награждает Вайолет Борегард эпитетами *beastly* (отвратительная), *despicable* (гадкая), *dreadful* (ужасная), *shocking* (шокирующая). Кроме того, в этом эпизоде Роальд Даль снова намекает на будущую судьбу героини, используя игру слов:

She'll come to a sticky end one day, chewing all that gum, you see if she doesn't [Dahl, 2017 p. 5].

Автор обыгрывает слово *sticky* (липкий), которое, с одной стороны, в словосочетании *to come to a sticky end* означает «плохо кончить», а с другой стороны, описывает консистенцию жевательной резинки, которую постоянно жует девочка.

Другим примером игры слов, служащей для объективации концепта «depravity», является комментарий самого Вилли Вонки, произнесенный в адрес одной из девочек:

“My goodness, she is a bad nut after all,” said Mr. Wonka. “Her head must have sounded quite hollow” [Dahl, 2017 с. 67].

В первом предложении шоколатье использует фразу *a bad nut* (плохой орех), что в контексте истории имеет прямое значение, т.к. Верука Солт попадает в неприятности, вбежав в комнату с белками, которые отделяли хорошие орехи от плохих и отправляли последние в мусоропровод. Именно так поступили зверьки и с самой девочкой, очевидно, приняв ее за гнилой орех. Однако это словосочетание может быть интерпретировано иначе. Фраза *a bad nut* представляет собой искаженную идиому *a bad apple*, означающую «плохой, испорченный человек среди хороших». Таким образом, через замену одного элемента идиомы автор дает характеристику девочке, одновременно ссылаясь на универсальное представление об испорченности (идиому) и на контекст конкретной ситуации.

Во втором предложении (*Her head must have sounded quite hollow*) Роальд Даль снова использует сочетания прямого и переносного значения для объективации концепта «depravity». Прямое значение лексемы *hollow* (пустой) относится к способу проверки белками орехов: они постукивали по ореху и по звуку определяли его годность. Очевидно, что если животные посчитали девочку «плохим орехом», ее голова при постукивании издавала звук именно такого ореха, т.е. пустого. В переносном же значении слово *hollow* (пустой), применяемое к описанию головы, обозначает глупого «пустоголового человека».

В данном фрагменте стоит отметить также трансформации метафоры пустой скорлупы, уже описанной нами во второй главе. Если в романе «Great Expectations» данная метафора применяется для репрезентации самообмана, как наличие оболочки при отсутствии содержания, то в повести

«Charlie and the Chocolate Factory» предполагаемое содержание уточняется, т.е. имеется в виду отсутствие ума.

Кроме уже описанных нами выше средств выразительности концепт «depravity» в повести также отражается в сравнении. Примером может служить фраза из песни Умпа-Лумпов:

Chewing and chewing all the while like some great clockwork crocodile
[Dahl, 2017, p. 33].

В данном предложении испорченный ребенок снова сравнивается с животным (на этот раз с огромным заводным крокодилом), т.к. механическими движениями челюсти во время жевания напоминает именно эту игрушку. Приведем еще один пример сравнения из романа «Forgotten fire»:

And you hounded him at work, wanting his attention all the time like a spoilt child [Mansell, 1992, p. 29].

В данном случае поведение испорченного ребенка, который постоянно требует внимания к себе, представляется благодаря глаголу *to hound* (преследовать, загонять, травить) как нечто удушающее, не дающее спокойно жить.

В качестве примера метафоры можно привести следующее предложение:

The nine-year-old boy was seated before an enormous television set, with his eyes glued to the screen [Dahl, 2017 p. 10].

Глагол *to glue* (приклеивать) в контексте просмотра телевизора образно представляет то, как неотрывно Майк смотрит в экран и насколько сложно мальчику отвести от него взгляд.

В следующем примере автор романа «The Magician's Nephew» использует прием параллелизма, каждый раз начиная предложение с временного указателя, таким образом рисуя несколько «сцен», которые ведьма транслирует мальчику, пытаясь склонить его к обману и предательству.

A minute later you can be at your Mother's bedside, giving her the fruit. Five minutes later you will see the colour coming back to her face. She will tell you the

pain is gone. Soon she will tell you she feels stronger. Then she will fall asleep - think of that; <...> Next day everyone will be saying how wonderfully she has recovered. Soon she will be quite well again [Lewis, 2002, p. 565].

Данный пример создает эффект некоего гипноза, которым ведьма пытается подействовать на мальчика. Схожий эффект создает не только использование анафоры, но и использование повтора, как в следующем примере:

“But she need never know,” said the Witch, speaking more sweetly than you would have thought anyone with so fierce a face could speak. “You wouldn’t tell her how you’d got the apple. Your Father need never know. No one in your world need know anything about this whole story” [Lewis, 2002, p. 565].

Таким образом, можно предположить, что настойчивое повторяющееся воздействие испорченных взрослых как бы «гипнотизирует» ребенка, заставляет подчиняться воле взрослого, в то время как ребенок еще не совсем понимает, какую выгоду он сам может получить.

Однако несмотря на широкий спектр инструментов испорченного воздействия, дети сопротивляются ему, т.к. они способны распознать попытку пагубного влияния, как мы видим в примере ниже:

And the meanness of the suggestion that he should leave Polly behind suddenly made all the other things the Witch had been saying to him sound false and hollow [Lewis, 2002, p. 566].

Подтверждением данного тезиса может служить метафора шоколадной фабрики как мира, полного искушений, и экскурсии по фабрике как жизненного пути человека. Однако, если в XIX веке испорченность представлялась концом пути, конечным состоянием, которого неизбежно достигал человек в процессе взросления, то в XX веке испорченность не является побочным эффектом взросления, т.к. один из персонажей завершает путешествие по шоколадной фабрике, не поддавшись искушениям. Кроме того, именно этот герой в конце повести получает в дар саму фабрику, символизирующую мир.

Таким образом, можно сказать, что испорченность как избалованность в литературе второй половины XX века часто присуща детям, хотя в лексикографических источниках подобного ограничения не наблюдается. Кроме того, избалованность в данном случае связана с рядом других отрицательных черт характера: глупостью, назойливостью, капризностью, праздностью, тщеславием, гордыней, эгоизмом, склонностью к истерикам и манипуляциям.

При этом источником испорченности детей являются взрослые. С одной стороны, пассивное влияние взрослых заключается в отсутствии наказания, потакании капризам детей. С другой стороны, взрослые рассматриваются как носители испорченности, которые могут сознательно склонять детей к испорченному поведению (лжи, лицемерию и т.д.).

Сами же дети предстают перед читателем также двойко. Испорченные дети, несмотря на всю их невыносимость, вызывают желание их простить. По нашему мнению, объяснение такому противоречию кроется в течении гуманизма в целом, а также гуманной педагогики как его частного проявления. В данном противоречии выражается любовь к ребенку, вера в него и в то, что любой ребенок может вырасти достойным человеком.

Этот же тезис подтверждается образом неиспорченных детей в литературе. Чистые и невинные, они обладают неким особым знанием, позволяющим им отличить хорошее от плохого, чистое от испорченного и не поддаваться пагубному влиянию взрослых и искушениям внешнего мира.

3.2.2. Чрезмерное потребление

Еще одним конкретизатором концепта «*depravity*» является чревоугодие как противоположность умеренного потребления, необходимого для выживания человека.

В общекультурном понимании концепта «*depravity*» присутствуют такие элементы, как *alcohol and drug abuse* (злоупотребление алкоголем и

наркотиками), *excessive indulgence in body desires* (чрезмерное потакание желаниям тела). Данные элементы также представлены в художественной литературе эпохи, однако имеют свои особенности.

Обратимся к примерам. В сказке Роальда Даля «Fantastic Mr. Fox» один из главных антагонистов мистер Банс страдает ожорством, т.е. неумеренным потреблением пищи.

Bunce was a duck-and-geese farmer. ... He was a kind of pot-bellied dwarf. He was so short his chin would have been under water in the shallow end of any swimming pool...This diet gave him a tummy-ache and a beastly temper [Dahl, 2007, p. 5].

В данном примере автор одновременно демонстрирует не только характер персонажа через его внешность (*pot-bellied dwarf*), но и показывает свое отношение к герою. Юмор слов, присущий идиостилю автора, позволяет прочувствовать отрицательное отношение автора к герою в мягкой форме подшучивания. Герой, живущий, чтобы есть, производит исключительно отталкивающее впечатление. Данный эффект достигается через использование слова *dwarf* (гном) как потенциатива, т.к. эта лексема используется не прямо для обозначения представителя мифического народа, а в качестве метонимии по сходству внешнего признака, в данном случае – роста. Более того, сказочный жанр произведения и детская целевая аудитория текста позволяет говорить об использовании данного слова как негативно заряженного потенциатива, смысл которого заключается в подражании детской речи, а именно речевому жанру дразнилка. Таким образом, порок персонажа высмеивается автором в мягкой, подходящей для сказочного жанра и максимально понятной детской аудитории, форме.

Эффект усиливается посредством представления воображаемой ситуации, позволяющей маленькому читателю осознать смехотворность внешности героя, отражающей его порок. Здесь автор повторно использует особенности целевой аудитории – ее склонность детей к игровому построению воображаемых ситуаций.

Третьим компонентом объективации концепта «depravity» в данном примере является сочетаемость элементов, в очередной раз используется детская лексика, а также негативная коннотация, объединяющая оба элемента. Имплицитно представляется, что герой является рабом своих привычек, т.к. не может остановиться, несмотря на негативные последствия для себя.

В данном произведении автор демонстрирует другой тип чрезмерного потребления – употребление алкоголя. Второй из антагонистов, мистер Бин, противопоставляется мистеру Бансу в следующем примере:

Bean... He never ate any food at all. Instead, he drank gallons of strong cider which he made from the apples in his orchard [Dahl, 2007, p. 5].

В отличие от предыдущего героя, мистер Бин ничего не ест, но пьет сидр. Роальд Даль использует гиперболу (*gallons of strong cider*) для демонстрации высокой степени пристрастия героя к алкоголю.

Как антагонисты сказочной повести данные герои представляют собой тот самый отрицательный пример, используемый в детских произведениях в назидательных целях, поэтому можно сделать вывод о том, что мистеры Банс и Бинс, а также третий антагонист мистер Боггис являются воплощением зла и испорченности. Данный тезис подтверждается как эпитетами, употребляемыми к персонажам (например, *mean*), так и прямыми характеристиками персонажей, такими, как *crooks* (мошенники), *goons* (головорезы).

Приписываемые героям характеристики имеют в своих значениях следующие семантические компоненты: *evil* (зло), *harm* (вред), *crime* (преступление), которые соотносятся с теми же элементами, входящими в общенациональное понимание концепта «depravity» по данным лексикографического анализа, представленным выше. Это позволяет утверждать, что «Fantastic Mr. Fox» может служить примером объективации концепта «depravity» в англоязычной литературе.

Кроме того, по мнению писателя, поведение антагонистов является низким: это можно проследить в эпизоде, в котором протагонист заявляет, что не намерен опускаться до их уровня:

But we're not going to stoop to their level [Dahl, 2007, p. 5].

Стоит отметить, что многозначный глагол *to stoop* имеет значение «унижаться». Данный пример демонстрирует представление автора о том, что существует некоторая вертикальная шкала, на которой чрезмерное потребление продуктов питания и алкоголя как признак концепта «depravity» стоит ниже, чем неиспорченное, добродетельное поведение. Подобное представление коррелирует с данными лексикографического анализа. В них также представлены элементы *defectiveness* (бракованность), т.е. недостаточно высокое качество и *worsening* (ухудшение характеристик, переход к худшему состоянию).

Метафора пути, конечной, низшей точкой которого является испорченность, уже описывалась нами ранее во второй главе. Однако, если в XIX веке прохождение данного пути являлось обязательной частью взросления, то рассматриваемый пример демонстрирует произвольность трансформации от неиспорченности к испорченности.

«Чрезмерное потребление» как признак концепта «depravity» в англоязычной литературе второй половины XX века представлено не только через злоупотребление алкоголем и переедание, но и включает в себя любой тип потребления, уровень которого превосходит необходимый или является не соответствующим ситуации.

Так, в романе Грэма Грина «A Burnt-Out Case» один из героев с горечью замечает, что только средний класс требует для молитвы подходящей обстановки:

It's only middle-classes who demand to pray in suitable surroundings [Greene, 1992, p. 51].

Инверсионный порядок слов в примере призван подчеркнуть, что данная характеристика присуща именно среднему классу, т.е. прослойке населения,

имеющей высокий достаток и привыкшей к определенному уровню комфорта. Однако молитва как религиозный акт дает возможность молящемуся отдалиться от мирского, вещного мира и посвятить время духовному. В таких условиях требования подходящей обстановки представляются чрезмерными и достойными осуждения.

В повести «The Magician's Nephew» одному из злодеев, дядюшке Эндрю, который является носителем испорченности в произведении, приписывается трата огромного количества денег своей жены на бренди и сигареты, которые тот употреблял в большом количестве:

*All you need to know about it is that Uncle Andrew, what with "managing dear Letty's business matters for her", and never doing any work, and **running up large bills for brandy and cigars** (which Aunt Letty had paid again and again) had made her a good deal poorer than she had been thirty years ago [Lewis, 2002, p. 527].*

В данном примере напрямую не осуждается чрезмерное употребление табака и алкоголя, однако, являясь атрибутом исключительно испорченного героя, данные факты могут считаться конкретизатором признака «чрезмерное потребление», присущего концепту «depravity».

Ранее мы уже приводили примеры с героями другой повести Роальда Даля «Charlie and the Chocolate Factory», Аугустом Глупом и Майком ТииВии, для каждого из которых свойствен порок чрезмерного потребления: Глупу – обжорство, а ТииВии – потребление видеоконтента. Так как данные случаи лишь дополнительно иллюстрируют представленные выше выводы, но не добавляют им детальности, мы считаем возможным воздержаться от повторного приведения данных примеров.

Таким образом, чрезмерное потребление, являясь признаком концепта «depravity», имеет несколько своих воплощений в литературе второй половины XX века: обжорство, алкоголизм, курение, зависимость от видеоконтента. Заметим также, что все четыре воплощения связаны с зависимостями, основанными на химических процессах человеческого тела.

3.2.3. Безразличие

Синонимический ряд с доминантой *indifference* (безразличие) включает в себя такие синонимы, как *apathy* (апатия), *incuriosity* (отсутствие любопытства) [Webster's new world dictionary of synonyms..., 1973; The Penguin dictionary of English synonyms..., 1992]. Проведенный нами анализ позволяет утверждать, что семными конкретизаторами данного синонимического ряда являются *absence of compulsion* (отсутствие желания), *lack of interest, feeling or emotions* (отсутствие интереса, чувств или эмоций) [Webster's encyclopedic unabridged dictionary..., 1989; Roget's Pocket Thesaurus, 1976; Oxford advanced learner's dictionary..., 1975]. На основе анализа семных конкретизаторов можно заключить, что безразличие в англоязычной лингвокультуре, согласно лексикографическим источникам, описывает состояние отсутствия желания, интереса, чувств, эмоций или интереса.

В художественной литературе второй половины XX века безразличие как признак концепта «depravity» рассматривается как некое подобие смерти, т.е. превращения в ничто. Человек не может жить в таком состоянии, но и умереть не может.

В примере ниже, кроме эксплицитного выражения невозможности, присутствует и имплицитное, выражающееся в выборе автором грамматической формы в условном предложении: *If he had enough interest*. Форма глагола, передающая нереальное, т.е. невыполнимое условие, позволяет автору передать бедственность положения безразличного человека, у которого недостаточно интереса даже для того, чтобы расстаться с жизнью:

“A man can't live with nothing but himself”. “Oh yes, he can.” “Sooner or later he would kill himself”. “If he had enough interest” [Greene, 1992, p. 60].

Кроме собственно одиночества безразличный человек испытывает ощущение, схожее с травлей, воспринимает окружающий мир как нечто враждебное. Самые невинные контакты окружающих людей между собой воспринимаются как колкости и насмешки. Например:

... and again he felt taunted by the innocence of their laughter
[Greene, 1992, p.11].

They were not laughing at him, they were laughing with each other, and he was abandoned [Greene, 1992, p. 11].

В представленных фрагментах ощущения героя описываются через эмоционально заряженные слова *taunted*, *abandoned* с негативной валентностью.

Безразличие противопоставляется в первую очередь смеху:

... when it was that he began to detest laughter like a bad smell
[Greene, 1992, p.10].

В данном примере противопоставление реализуется через использование эмоционально заряженного глагола *to detest* (питать отвращение), а также через сравнения смеха с плохим запахом (*like a bad smell*). В этом случае безразличие служит некой призмой или измененным состоянием сознания, которое способно менять валентность, аксиологическую оценку явлений объективной реальности. Ранее приятное становится отвратительным, и даже само удовольствие вызывает раздражение:

He vexed by the pleasure they took in small things [Greene, 1992, p. 9].

Проявление интереса, в свою очередь, ощущается как боль:

Interest began to move painfully in him like a nerve that has been frozen
[Greene, 1992, p. 65].

Сравнение с замороженным нервом создает образ пустоты, пространства отсутствия чего-то важного, что соотносится с описанной нами ранее метафорой скорлупы. Данный образ прослеживается во многих других контекстах, например, пустота также находит свое выражение в нереальном условном предложении, которое мы рассмотрели в начале параграфа.

Кроме того, объективация безразличия как элемента концепта «depravity» зачастую производится через отрицание. Например:

“Nothing. I want nothing.” He nearly added, “That is my trouble”
[Greene, 1992, p. 20].

Повтор местоимения *nothing* призван обратить на него внимание читателя, обозначить пустоту, которая стоит за безразличием.

Отрицание может иметь более конкретизирующий характер, давая понять, что отсутствие чувства, грусти, гнева и проч. в человеке может характеризоваться как безразличие в ряде произведений таких авторов, как Н. Гейман, Дж. Роулинг, Т. Фишер, Г. Грин, Т. Моррисон, Т. Пинчон и других, например:

I haven't enough feeling left for human beings to do anything for them out of pity [Greene, 1992, p. 57].

...but indifference lodged where sadness should have been [Morrison, 2004, p. 184].

...her appeals to a day not of wrath but of final indifference... [Pynchon, 2006, p. 161].

Безразличие характеризуется также как «проклятое» или что-то невыносимое для окружающих, но при этом вялое или грубое по своей сути:

*I can't bear that **damned indifference** of yours* [Greene, 1992, p. 256].

*Nately was unnerved by her **torpid indifference** to him, by the same sleepy and inert poise that he remembered so vividly...* [Heller, 2011, p. 132].

*Her lax mouth hung open in a perfect O, and God alone knew at what her glazed and smoky eyes were staring in such **brute apathy*** [Heller, 2011, p. 132].

*...how fanatically his mother the War must disapprove of her beauty, her **cheeky indifference** to death-institutions...* [Heller, 2011, p. 138].

Однако и для самого человека безразличие и сопутствующая ему скука могут быть невыносимы. Более того, испорченный безразличием человек готов даже приветствовать болезненный опыт как более предпочтительный по сравнению со скукой:

*The only trouble was that **he became bored, more and more bored**...Sometimes just for a change he would have welcomed feeling the pain of the punishment...* [Greene, 1992, p. 198].

Роль скуки особенно подчеркивается использованием сразу двух средств выразительности. Во-первых, инверсия в первом предложении позволяет сделать акцент на слове *bored*. Во-вторых, лексический повтор прилагательного *bored* и служебного слова *more* подчеркивает высокую степень скуки, выходящую за любые рамки. В-третьих, невыносимость этой скуки для человека выражается во втором предложении предположением, что даже боль, полученная в результате наказания, была бы приятным элементом разнообразия.

Похожим отвлечением от скуки также может являться страх:

If you are so bored, why not be bored in comfort? – Boredom is worst in comfort. I thought perhaps out here there would be enough pain and enough fear to distract... [Greene, 1992, p. 143].

Безразличие и сопутствующая ему скука являются человеческими пороками, так как, во-первых, предусматривают наличие наказания, о чем мы писали выше, а во-вторых, часто соотносятся с лексемой *trouble*, что находит свое отражение во многих произведениях. Приведем наиболее яркий пример:

The only trouble was that he became bored, more and more bored... Sometimes just for a change he would have welcomed feeling the pain of the punishment [Greene, 1992, p. 198].

Согласно толковому словарю Вебстера [Webster, 1973], одно из значений данной лексемы *trouble* подразумевает ситуацию, в которой человек сталкивается с проблемами в результате собственных неверных действий. Таким образом, можно считать безразличие неким результатом действий индивида, вследствие которых он страдает от скуки, и вынужден сталкиваться с некоторым болезненным наказанием.

Подводя итог, следует сказать, что *indifference* (безразличие) как признак концепта «depravity» связан с образами пустоты или «душевной анестезии», т.е. отсутствия других чувств, кроме скуки. Безразличие также противопоставляется интересу и смеху, при том и то, и другое сопряжено с болезненными ощущениями. Кроме того, безразличие характеризуется

невыносимостью, порочностью, проклятостью и требует наказания как некоего способа излечиться от отсутствия интереса.

3.2.4. Эгоистичность

В предыдущем параграфе нами было рассмотрено безразличие, проявляющееся в отсутствии интереса, однако данный признак концепта «*depravity*» не является единственным, который связан с фокусом интереса. Другим схожим признаком является *egoism* (эгоизм).

В синонимический ряд с доминантой *egoism* (эгоизм) входит ряд следующих лексем: *self-absorption* (эгоцентризм), *narcissism* (нарциссизм), *self-interest* (своекорыстие) [Webster's new world dictionary of synonyms...1984; The Penguin dictionary of English synonyms...1992]. Нами был проведен анализ дефиниций данных лексем, который показал, что члены синонимического ряда обладают следующим набором семантических признаков: *excessive concern of oneself* (чрезмерная забота о себе), *exclusive interest in one's interests, thoughts, achievements* (исключительный интерес к своим интересам, мыслям, достижениям), *concern of one's own interest or advantage* (забота о собственных интересах или выгоде) [Webster's encyclopedic unabridged dictionary...1989; Roget's Pocket Thesaurus, 1976; Oxford advanced learner's dictionary...1975]. Таким образом, эгоизм понимается как чрезмерная забота о себе, внимание и интерес к собственным проявлениям и собственной выгоде.

Стоит отметить, что в англоязычной литературе второй половины XX века встречаются три разновидности эгоизма: *egoism* (собственно эгоизм), *selfishness* (эгоистичность), *self-expression* (самовыражение).

Собственно эгоизм (*egoism*) характеризуется чаще положительно, т.к. воспринимается как стимул для общественного развития и обязательно связан с личной выгодой в виде, в первую очередь, общественного признания заслуг или достижений:

What I have built, I have built for myself, not for the glory of God or the pleasure of the purchaser [Greene, 1992, p. 58].

Подобная положительная оценка эгоизма может быть объяснена с учетом социально-исторического контекста эпохи. Во-первых, растущий уровень секуляризации общества снижает уровень одобрения религиозно мотивированных действий. На данном этапе развития общества свершения во имя Бога, религии или церкви поощряются социумом значительно меньше, чем во второй половине XIX века. Во-вторых, на территории США, бывших британских колоний и самой метрополии в данный период набирает популярность индивидуалистическое мировоззрение, согласно которому определенный уровень эгоизма считается не только положительным, но необходимым.

Второй разновидностью эгоизма является самовыражение (*self-expression*). Оно представляется крайней формой эгоизма, которая связана с личным удовольствием. Самовыражение имеет более негативные аксиологические характеристики из-за разрушающей способности. С одной стороны, самовыражение не имеет целью общественное признание и поэтому может привести к исключению личности из социального круга, к непризнанию человека обществом. С другой стороны, самовыражение видится социумом как некоторое подобие зверя или болезни, способное «пожирать» другие части личности и разрушать жизнь человека. Эта разновидность эгоизма сопряжена для носителей с собственным удовольствием:

Self-expression is a hard and selfish thing. It eats everything, even the self. At the end you find you haven't even got a self to express [Greene, 1992, p. 58].

We haven't kept in touch. Self-expression eats the father in you too [Greene, 1992, p. 59].

When I made something, I made it for my own pleasure [Greene, 1992, p. 50].

Эгоистическое удовольствие может обозначаться как «жестокое», т.к. связано с неудобством или недовольством окружающих людей.

His face was dark with the violent pleasure of making this stupendous noise, and his heart was making the stretched shirt shake [Greene, 1992, p. 20].

С точки зрения социума, наиболее опасной и поэтому наиболее порицаемой разновидностью эгоизма является эгоистичность (*selfishness*).

Ее особенность состоит в стремлении добиваться желаемого без оглядки на общественные нормы. Опасность эгоистичности состоит в ее способности разрушать социальное взаимодействие, которое может привести не только к исключению из социума одного индивида, но к сбоям всей общественной системы. Именно эта разновидность эгоизма является признаком концепта «*depravity*».

Эгоистичность мотивов в сознании носителей английского языка имеет образ опасности извне, от которой необходимо защититься, и о постоянном наличии которой стоит тревожиться.

Yossarian worried frequently about Orr. Who would shield him against <...> against people with ambition ... [Heller, 2011, p. 171].

Наиболее частым объектом, за счет которого реализуется эгоистичность, является женщина. Так, в романе «*The Collector*» Джона Фаулза главный герой хочет подружиться с понравившейся ему девушкой и лучше узнать ее, однако, вместо знакомства по социально одобряемым правилам он решает похитить ее и держать в подвале.

It was like not having a net and catching a specimen you wanted in your first and second fingers (I was always very clever at that), coming up slowly behind and you had it, but you had to nip the thorax, and it would be quivering there. It wasn't easy like it was with a killing-bottle. And it was twice as difficult with her, because I didn't want to kill her, that was the last thing I wanted [Fowles, 2004, p. 30].

Даже в том случае, когда эгоистичность не имеет целью навредить другим, она слепа к их мукам. При этом жертва расчеловечивается, объективируется, превращаясь лишь в «образец» или «объект».

Появление подобных мотивов в литературе можно связать с набирающим силу движением феминизма, призывающим рассматривать

женщин как равноправных членов общества, а не как объектов, подконтрольных мужчинам.

Объективация или инструментализация как проявление эгоистичности порицается не только по отношению к представителям женского пола, но и к детям и животным. Так, в сказочной повести Клайва Льюиса «The Magician's Nephew» герой дядюшка Эндрю изобретает способ попасть в другие миры и осознает всю опасность такого путешествия, поэтому решает опробовать свой метод сначала на морских свинках, а потом на племяннике и его подруге, что встречает осуждение со стороны мальчика:

“Well why didn't you go yourself then?” Digory had hardly ever seen anyone so surprised and offended as his Uncle did at this simple question. “Me? Me?” he exclaimed. “The boy must be mad! A man at my time of life, and in my state of health, to risk the shock and the dangers of being flung suddenly into a different universe? I never heard anything so preposterous in my life! Do you realize what you're saying? Think what Another World means - you might meet anything anything.” “And I suppose you've sent Polly into it then,” said Digory. His cheeks were flaming with anger now. “And all I can say,” he added, “even if you are my Uncle - is that you've behaved like a coward, sending a girl to a place you're afraid to go to yourself” [Lewis, 2002, p. 502].

Эгоистичность в сочетании с трусостью заставляют дядюшку Эндрю искать другие способы удовлетворения своих потребностей за счет других, людей или животных. В своем стремлении он не считается с общественными нормами, которые предполагают, что при необходимости опасного путешествия отправлять в него детей без сопровождения знающего взрослого безответственно:

“I knew,” he went on, “that if only you could get it into the right form, that dust would draw you back to the place it had come from. But the difficulty was to get it into the right form. My earlier experiments were all failures. I tried them on guinea-pigs. Some of them only died. Some exploded like little bombs” “It was a jolly cruel thing to do,” said Digory who had once had a guinea-pig of his own.

“How you do keep getting off the point!” said Uncle Andrew. “That’s what the creatures were for. I’d bought them myself. Let me see - where was I? Ah yes” [Lewis, 2002, p. 501].

В случае с морскими свинками, с точки зрения дядюшки Эндрю, тот факт, что он сам купил животных, дает ему возможность подвергать их любым экспериментам, в том числе тем, которые могут стать причиной гибели подопытных.

В случае же с племянником дядюшка пользуется манипуляцией, чтобы заставить мальчика отправиться в другой мир. Герой оправдывает потакание своей эгоистичности тем, что имеет превосходство над мальчиком. Он достаточно умен, чтобы заставить ребенка поступать, как хочется самому дядюшке и, таким образом, имеет право этим пользоваться в собственных целях:

“Oh very well then. Just as you please. Go down and have your dinner. Leave the little girl to be eaten by wild animals or drowned or starved in Otherworld or lost there for good, if that’s what you prefer. It’s all one to me. Perhaps before tea time you’d better drop in on Mrs Plummer and explain that she’ll never see her daughter again; because you were afraid to put on a ring” [Lewis, 2002, p. 506].

В ходе разговора с племянником дядюшка Эндрю пользуется сразу несколькими приемами манипуляции. Во-первых, он обманом отправляет подругу племянника в другой мир, рассчитывая, что дружба между детьми заставит мальчика отправиться на спасение девочки. Во-вторых, он играет на чувстве стыда мальчика, предоставляя тому возможность самому сообщить матери подруги, что случилось с ее дочерью и, соответственно, признаться в собственном малодушии. В-третьих, он пытается задеть гордость племянника, говоря, что никто в его семье не смог бы оставить даму в беде, а если он, мальчик, это сделает, то опозорит честь семьи:

“I hope,” said Uncle Andrew presently in a very high and mighty voice, just as if he were a perfect Uncle who had given one a handsome tip and some good advice, “I hope, Digory, you are not given to showing the white feather. I should be

very sorry to think that anyone of our family had not enough honour and chivalry to go to the aid of - er - a lady in distress.” “*Oh shut up!*” said Digory. “*If you had any honour and all that, you'd be going yourself. But I know you won't. Alright. I see I've got to go. But you are a beast. I suppose you planned the whole thing, so that she'd go without knowing it and then I'd have to go after her.*” “*Of course,*” said Uncle Andrew with his hateful smile [Lewis, 2002, p. 504].

Как видно из представленных выше примеров, англоязычная литература второй половины XX века начинает поднимать вопросы защиты прав детей и гуманного отношения к животным, что, по нашему мнению, также связано с пересмотром обществом собственной системы ценностей и поворотом в сторону гуманизма и проявляется также в произведениях Д. Лессинг, У. Голдинг, Дж. Роулинг и др.

Подтверждением данных выводов может также служить тот факт, что эгоистичности приписывается бесконтрольность, отсутствие понимания границ дозволенного и своих возможностей. Осознание же ограничений, в свою очередь, расценивается как единственный путь к порядочности, т.е. неиспорченности:

We all want things we can't have. Being a decent human being is accepting that [Lewis, 2002 p. 502].

Таким образом в литературе проявляется мотив прав и свобод человека, единственным ограничением которых являются права и свободы другого человека. При этом нарушение границ дозволенного влечет за собой наказание, что особенно ярко проявляется в произведениях, рассчитанных на детскую аудиторию в силу того, что подобные произведения носят обучающий характер.

Так, в упомянутой выше повести «The Magician's Nephew» главный герой предрекает наказание для дядюшки Эндрю, которое тот и получает в конце произведения.

“Very well. I'll go. But there's one thing I jolly well mean to say first. I didn't believe in Magic till today. I see now it's real. Well if it is, I suppose all the old fairy

tales are more or less true. And you're simply a wicked, cruel magician like the ones in the stories. Well, I've never read a story in which people of that sort weren't paid out in the end, and I bet you will be. And serve you right" [Lewis, 2002, p. 504].

На реальность данного наказания также указывает реакция самого дядюшки. Впервые столкнувшись с такой перспективой, он испытывает настоящий ужас, настолько сильный, что почти вызывает сочувствие главного героя.

Of all the things Digory had said this was the first that really went home. Uncle Andrew started and there came over his face a look of such horror that, beast though he was, you could almost feel sorry for him [Lewis, 2002, p. 505].

Таким образом, в литературе второй половины XX века концепт «depravity» находит свою объективизацию в эгоизме, однако, только в той его части, которая грозит разрушением целостности общества. Образная составляющая эгоистичности достаточно размытая и обозначается как некая опасность, не имеющая четкого образа, но связанная с нарушением прав и свобод, в первую очередь, человека, и вселяющая чувство тревоги и необходимости защищаться и защищать. Объектами, через которые реализуется эгоистичность, обычно являются женщины, дети и животные как живые существа с исторически меньшим набором прав и ограниченным набором средств защиты. Эгоистичность, в отличие от собственно эгоизма и самовыражения, оценивается обществом исключительно негативно и подлежит наказанию.

3.2.5. Гордыня

В синонимический ряд с доминантой *pride* (гордость) входит ряд следующих лексем: *ego* (эго), *self-esteem* (самоуважение) [Webster's new world dictionary of synonyms..., 1972; The Penguin dictionary of English synonyms..., 1992]. Нами был проведен анализ дефиниций данных лексем, который показал, что члены синонимического ряда обладают следующим

набором семантических признаков: *interest in oneself* (интерес к себе), *confidence and satisfaction in oneself* (уверенность и удовлетворенность собой) [Webster's encyclopedic unabridged dictionary..., 1989; Roget's Pocket Thesaurus, 1976; Oxford advanced learner's dictionary..., 1975]. Таким образом, гордость понимается как интерес к себе, уверенность и удовлетворенность собой. Отметим, что, согласно лексикографическим источникам, лексемы данного синонимического ряда носят положительную коннотацию.

В литературе второй половины XX века гордость порой имеет также положительную оценку, когда она является стимулом для свершений:

Pride which builds churches and hospitals is not so bad a pride [Greene, 1992, p. 115].

Однако в большинстве случаев гордость имеет отрицательные аксиологические характеристики и зачастую связана с осознанием своего более высокого финансового или социального положения. В связи с тем, что английская лексема *pride* имеет два эквивалента: гордость (с положительной или нейтральной коннотацией) и гордыня (с отрицательной коннотацией), мы считаем необходимым в данном параграфе говорить именно о гордыне.

В романе «The Collector» Джона Фаулза чуждость героя обстановке модного ресторана выражается в переносе отношения других посетителей на обстановку собственно ресторана. Именно обстановка смотрит свысока на героя, не воспитанного по стандартам высокого общества, однако читатель понимает, что высокомерие обстановки является лишь отражением гордыни высокого общества.

...How everything (in a restaurant) seemed to look down at us because we weren't brought up their way [Fowles, 2004, p. 6].

Гордыня, основанная на превосходстве происхождения и воспитания, воспринимается как что-то почти наследственное или впитанное с ранних лет, а потому неотторжимое и порой незаметное для самого владельца:

She often went on about how she hated class distinction, but she never took me in. It's the way people speak that gives them away, not what they say. You only

had to see her dainty ways to see how she was brought up. She wasn't la-di-da, like many, but it was there all the same. You could see it when she got sarcastic and impatient with me because I couldn't explain myself or I did things wrong. Stop thinking about class, she'd say. Like a rich man telling a poor man to stop thinking about money [Fowles, 2004, p. 30].

Гордыня, базирующаяся на других преимуществах, таких как финансовое положение, превосходство в физической силе или умственных способностях, является приобретенной и более осознаваемой для носителя, который открыто гордится и хвалится этими приобретенными превосходствами:

“Silence, sir!” said Uncle Andrew, bringing his hand down on the table. “I will not be talked to like that by a little, dirty, schoolboy. You don't understand. I am the great scholar, the magician, the adept, who is doing the experiment. Of course, I need subjects to do it on. Bless my soul, you'll be telling me next that I ought to have asked the guineapigs' permission before I used them! No great wisdom can be reached without sacrifice. But the idea of my going myself is ridiculous. It's like asking a general to fight as a common soldier. Supposing I got killed, what would become of my life's work?” [Lewis, 2002, p. 503].

В самом начале данного примера дядюшка Эндрю использует пассивный залог (*I will not be talked to...*) и тем самым подчеркивает свое главенствующее положение. Тот же эффект имеет и противопоставление себя (*I am the great scholar, the magician, the adept*) и мальчишки-школьника (*a little, dirty, schoolboy*), по мнению самого дядюшки, неравных величин и людей, не имеющих одинаковую ценность. Заканчивает свою речь дядюшка сравнением (*It's like asking a general to fight as a common soldier*), в котором соотносит себя с генералом, а племянники – с простым солдатом.

Гордыня в литературе второй половины XX века (например, в произведениях Ч. Сноу, А. Кларка, Г. Грина Дж. Толкиена и других) представляется чем-то чрезмерным, выведенным из пропорции, порой необъятным. Приведем пример:

"If you knew the extent of my pride ..." [Greene, 1992, p. 115].

Незаконченность данного предложения предполагает, что сам говорящий не знает, как его закончить в силу того, что не может оценить размеры и последствия своей гордыни.

В следующем примере можно видеть, что гордыня также обладает характеристикой частотности, т.к. ее следствием является некоторая «омозолелость сердца»:

... (his heart) was calloused with pride and success, and learnt to beat only with pride... [Greene, 1992, p. 203].

Эта «омозолелость сердца» является, по сути, метафорой для выражения черствости и бессердечия, причиной которых является гордыня. Ставя себя выше других, горделивый человек становится жестоким, теряет возможность сопереживать другим и чувствовать их боль:

I felt like a cruel king, her appealing like she did [Fowles, 2004, p. 29].

Сравнение от первого лица дает возможность увидеть гордыню как признак испорченности изнутри. Главный герой не способен внять ужасу происходящего, а те муки жертвы, которые он может воспринимать, лишь усиливают его удовольствие.

Кроме того, чем сильнее разрушения, которые может причинить гордец, тем более доволен он собой. В примере ниже королева Джадис описывает город Чарн как чудо из чудес и великий город короля королей только для того, чтобы больше гордиться его разрушением.

"Look well on that which no eyes will ever see again," said the Queen. "Such was Charn, that great city, the city of the King of Kings, the wonder of the world, perhaps of all worlds. <...>"All in one moment one woman blotted it out for ever."
"Who?" said Digory in a faint voice; but he had already guessed the answer. "I," said the Queen. "I, Jadis the last Queen, but the Queen of the World" [Lewis, 2002, p. 518].

В связи с проявлением гордыни в литературе второй половины XX века также возникает мотив прав человека, о котором мы уже упоминали в

предыдущем параграфе. Однако здесь стоит отметить некоторые различия. В случае с эгоистичностью человек пренебрегает правами другого в силу того, что просто не способен за своими желаниями увидеть другого. В случае с гордыней другие люди попадают в поле зрения гордеца, но представляются такими маленькими и незначительными, что единственной целью их существования может быть только удовлетворение потребностей последнего.

“But the people?” gasped Digory. “What people, boy?” asked the Queen. “All the ordinary people,” said Polly, “who'd never done you any harm. And the women, and the children, and the animals.” “Don't you understand?” said the Queen (still speaking to Digory). “I was the Queen. They were all my people. What else were they there for but to do my will?” “It was rather hard luck on them, all the same,” said he. “I had forgotten that you are only a common boy. How should you understand reasons of State? You must learn, child, that what would be wrong for you or for any of the common people is not wrong in a great Queen such as I. The weight of the world is on our shoulders. We must be freed from all rules. Ours is a high and lonely destiny.” Digory suddenly remembered that Uncle Andrew had used exactly the same words. But they sounded much grander when Queen Jadis said them; perhaps because Uncle Andrew was not seven feet tall and dazzlingly beautiful [Lewis, 2002, p. 520].

Королева Джадис ставит себя выше не только людей, но и правил, утверждая, что для таких, как она, не должно существовать правил. Однако в этом эпизоде читатель «слышит» осуждающий голос социума, воплощенный в детях. Автор использует повтор слова *people* для акцентирования внимания читателя, а также многосоюзие, которое призвано имитировать детскую речь в высшей точке возмущения.

Для гордыни в англоязычной литературе второй половины XX века характерны чрезмерность и частотность без видимых пределов. Гордыня увеличивает размеры и значимость своего носителя, принижая при этом окружающих, которые воспринимаются как объекты, созданные исключительно для удовлетворения потребностей гордеца. Основания для

гордыни можно условно разделить на две группы: наследственные (социальное положение, воспитание и т.д.), которые скорее являются показателями принадлежности к определенной семье, и личностные (силу, ум, размер и т.д.), которые касаются исключительно одного индивида. Первая группа оснований становится причиной неосознанной гордыни, носитель которой воспринимает такой порядок вещей как должное; вторая – причиной гордыни, сознающей своё превосходство и потому более опасной.

3.2.6. Греховность

Во второй половине XX века после двух мировых войн, принесших с собой огромные человеческие потери, начала слабеть вера в то, что определенная ритуальность (например, крещение или походы в церковь) может уберечь от страшных событий. По мнению Грейс Дэйви, одной из ведущих религиозных социологов Великобритании, попытки найти покой и удовлетворение в вере не исчезли, но переместились из церквей и соборов в обычную жизнь, а люди не перестали верить, но стали «верить без принадлежности» к церкви как социальному институту [Davie, 2015, p. 205].

Следствием этого, по нашему мнению, является изменение представлений о грехе и греховности. Отметим также, что в данном параграфе по описанным выше причинам под грехом будет пониматься не религиозный грех как нарушение церковных заповедей и правил, а любое осуждаемое обществом поведение, связанное с отношениями между мужчиной и женщиной.

В синонимический ряд с доминантой *sinfulness* (греховность) входит ряд лексем: *rotteness* (эго), *viciousness* (порочность) [Webster's new world dictionary of synonyms..., 1973; The Penguin dictionary of English synonyms..., 1992]. Нами был проведен анализ дефиниций данных лексем, который показал, что члены синонимического ряда обладают следующим набором семантических признаков: *character marked by sin* (характер,

отмеченный грехом), *moral corruptness* (моральная испорченность), *moral depravity* (нравственная порочность) [Webster's encyclopedic unabridged dictionary..., 1989; Roget's Pocket Thesaurus, 1976; Oxford advanced learner's dictionary..., 1975]. Таким образом, греховность понимается как характер, отмеченный грехом, нравственной порочностью, моральной испорченностью.

Во второй половине XX века некоторые элементы религиозных правил, например, целомудрие и верность, сохраняют свою роль в качестве ценностных ориентиров общества, однако уже в качестве не религиозных, а моральных норм. Таким образом, представление о человеческом идеале смещается от «праведного человека» к «хорошему человеку». Параллельно сама норма смягчается: даже то, что расценивается как грех для «хорошего человека» встречает в качестве реакции лишь озадаченность. Рассмотрим пример:

Sometimes people were a little perplexed that such a good man should have enjoyed quite so many women [Greene, 1992, p. 198].

По нашему мнению, в данном отрывке следует обратить особое внимание на грамматические обороты *a little* и *quite so many*, т.к. именно они передают соотношение между действиями индивида и их оценкой обществом. Во-первых, артикль перед словом *little* указывает на высокую степень озадаченности греховным поведением. Во-вторых, усилитель *quite so* перед словом *many* не только указывает на повышенное количество женщин, но и подчеркивает некое удивление этим количеством.

Стоит также отметить, что в данном примере отсутствует негативная оценка множественных романтических отношений. Прилагательное *perplexed* (озадачены) указывает лишь на некоторое смущение или удивление в связи с невозможностью объяснения подобного поведения. Кроме того, глагол *enjoy* (наслаждаться) также не имеет негативной коннотации, подразумевая либо получение удовольствия, либо обладание каким-то преимуществом или благом.

Следовательно, можно заключить, что греховное с точки зрения религии наличие у человека множественных романтических отношений во второй половине XX века не вызывает такой степени осуждения как сто лет до этого – только удивление или озадаченность, хотя и в высокой степени.

Сам же грех рассматривается не сам по себе, а как отсутствие добродетели, в то время как добродетель представляется живым существом или, по крайней мере, частью человека, что находит отражение, например, в следующем отрывке:

There is a strong allurement in corruption and there was no doubt of Parkinson's; he carried it on the surface of his skin like phosphorus, impossible to mistake. Virtue had died long ago within that mountain of flesh for lack of air... Nothing would ever hurt Parkinson save failure or disappoint him but the size of a cheque [Greene, 1992, p. 138].

Использование глагола «умирать» по отношению к абстрактному понятию является примером олицетворения, что позволяет сделать вывод об одушевленности добродетели в понимании носителей английского языка. Кроме того, в качестве причины смерти добродетели называется «недостаток воздуха», что также роднит добродетель с живым существом. Испорченность же представляется ничем иным, как смертью живого в человеке.

Помимо этого, испорченность в данном примере сравнивается с фосфором, светящимся в темноте веществом, которое невозможно спутать ни с чем иным. Данное сравнение, а также тот факт, что герой произведения «носит на коже» испорченность, позволяет говорить о ее вещественности и неодушевленности.

Как мы уже писали ранее, в связи с растущей популярностью течения феминизма в литературе второй половины XX века затрагивается тема объективации женщины. Наиболее часто это происходит при описании отношений между мужчиной и женщиной, поэтому мы считаем уместным рассмотреть объективацию женщины подробнее именно в данном параграфе.

Данный мотив присутствует в произведениях таких авторов, как Н. Гейман, Я. Флеминг, Дж. Олдридж и др. В романе «The Collector» Джона Фаулза тема объективации раскрывается особенно ярко. Главный герой, коллекционер насекомых, похищает понравившуюся ему девушку, чтобы любоваться ею и иметь возможность познакомиться с ней поближе:

To sum up, that night was the best thing I ever did in my life (bar winning the pools in the first place). It was like catching the Mazarine Blue again or a Queen of Spain Fritil-lary. I mean it was like something you only do once in a lifetime and even then often not; something you dream about more than you ever expect to see come true, in fact [Fowles, 2004, p. 16].

В данном примере герой сравнивает девушку с редкими видами бабочек, которые он как коллекционер мечтал получить в свою коллекцию, таким образом расчеловечивая свою жертву. Девушка представляется ни чем иным как интересным экземпляром, практически вещью, не имеющей субъектности или каких-либо прав: ее чувства не берутся в расчет, они никак не влияют на оценку ситуации коллекционером. Для него это одно из лучших событий жизни, несбыточная мечта, ставшая реальностью, удача, которая может выпасть только единожды в жизни. Все мысли героя полны восторгом от этой неожиданной удачи, в них нет места сочувствию, потому что сочувствовать можно только живому человеку, но не экспонату коллекции.

Данное сравнение с коллекционным экземпляром встречается также в разговоре похищенной девушки и коллекционера:

I'm an entomologist. I collect butterflies. "Of course," she said. "I remember they said so in the paper. Now you've collected me." She seemed to think it was funny, so I said, in a manner of speaking. "No, not in a manner of speaking. Literally. You've pinned me in this little room and you can come and gloat over me" [Fowles, 2004, p. 31].

Нестандартное сочетание глагола *to collect* (коллекционировать), как правило, имеющего в качестве объекта неодушевленное существительное, и местоимения *me* (меня), которое обычно обозначает одушевленное существо,

также является примером объективации девушки, приравнивания её к неодушевленному объекту.

Усиливает сравнение употребление глагола *to pin* (приколоть) по отношению к девушке. Если учесть тот факт, что главный герой, коллекционер бабочек, использует именно этот способ для фиксирования экспонатов своей коллекции, то становится понятно, что именно таким экспонатом и ощущает себя девушка.

Стоит отметить, что в ее описании ситуации отсутствует восхищенное описание данного события, напротив, она использует глагол *to gloat* (злорадствовать), который, имеет значение «испытывать большое удовольствие и удовлетворение из-за собственной удачи и несчастья другого».

Подводя итог, следует сказать, что во второй половине XX века греховность связана скорее с нормой отношений между мужчиной и женщиной, чем с религиозными канонами. При этом возрастает уровень толерантности к различным отношениям между мужчиной и женщиной, что проявляется в отсутствии осуждения ранее неприемлемых ситуаций. Также в исследуемый период можно наблюдать усиление негативной оценки поведения, объективирующего женщину.

Выводы по третьей главе

Изучив лексикографические источники и художественные произведения англоязычных авторов второй половины XX века, мы можем сделать ряд выводов о содержании концепта «*depravity*» в англоязычной концептосфере данного периода.

Согласно лексикографическим источникам, концепт «*depravity*» во второй половине XX века репрезентирован более номинативно плотно по сравнению со второй половиной XIX века, что является следствием перехода регулятивной функции от церкви к светскому законодательству и общественной морали. Кроме того, увеличившееся количество номинантов

этого концепта отражает более дробную градацию проявлений испорченности, так же, как и наличие антонимической асимметрии рассматриваемого концепта.

Избалованность является признаком концепта «depravity», но обособляется от остального его содержания сопряженностью с детьми как специфической группы носителей данной разновидности испорченности. Данная разновидность испорченности поддается корректировке посредством наказания со стороны взрослых, но также является продуктом чрезмерного потакания детским прихотям.

Чрезмерное потребление может выступать в качестве признака исследуемого концепта в части, включающей чрезмерное потребление пищи, алкоголя, табака и видеоконтента. Однако в исследуемой литературе отсутствуют упоминания наркотической зависимости как разновидности чрезмерного потребления, что может быть связано с табуированностью данной темы в обществе.

Безразличие как признак концепта «depravity» имеет собственную особенность, заключающуюся в отсутствии чувств и эмоций как следствия получения чрезмерного удовольствия. Безразличие противопоставляется интересу и смеху, а также связано с болезненными ощущениями и чувством невыносимости подобного состояния.

Эгоистичность выступает в роли признака концепта «depravity» в тех случаях, когда подразумевает самовыражение, способное иметь разрушающую силу, и эгоистичность, представляющую опасность для окружающих. Наиболее частным объектом, за счет которого реализуется эгоистичность в литературе второй половины XX века, является женщина, что отражает актуализацию течения феминизма в обществе данного периода.

Гордость как признак анализируемого концепта касается чрезмерной актуализации собственного превосходства над другими и желания самоутвердиться за их счет. Для гордости характерны чрезмерность и частотность без видимых даже для ее носителя пределов.

Греховность, в свою очередь, в отличие от второй половины XIX века включает в себя исключительно пороки, связанные с отношениями между мужчиной и женщиной. При этом наблюдается повышение толерантности к некоторым аспектам таких отношений (например, частой смене партнеров) и ее снижение по отношению к объективизации женщины.

Ассоциативно-образный уровень концепта «depravity» включает в себя шесть основных групп ассоциаций: религиозные, нравственные, санкционные, криминальные, образные и ассоциации, связанные с отношениями между мужчиной и женщиной. Стоит отметить, что несмотря на наличие религиозной группы, данный вид ассоциаций составляет одну десятую часть всех ассоциаций, связанных с концептом «depravity». Кроме того, в остальных группах отсутствуют ассоциации, отражающие религиозное мировоззрение, что связано с повышением уровня секуляризации общества и усиливающейся ролью светского законодательства и общественного мнения как регуляторов нормированного поведения.

Акциональная составляющая концепта «depravity» во второй половине XX века включает в себя три группы проявлений испорченности: преступления, аморальные поступки и капризы. К преступлениям относятся действия, связанные с нарушением законодательства, такие как кража, убийство, взяточничество и т.д. Группу аморальных поступков составляют действия, осуждаемые общественностью, но не наказуемые на законодательном уровне, например, ложь, лицемерие, измена. Группа капризов отличается, в первую очередь, типом акторов. Если первые две группы составляют поступки, как правило, взрослых людей, то группа действий-капризов реализуется исключительно актерами-детьми (например, посредством манипуляций, истерик).

В англоязычной литературе второй половины XIX века концепт «depravity» объективируется через ряд таких метафор, как метафора пути, метафора скорлупы, метафора смерти, метафора «омозолелость сердца».

Метафора пути во второй половине XX века трансформируется, превращаясь в путь, конечной точкой которого не является испорченность. Испорченность представляют отклонения от заданной траектории вследствие того, что индивид поддается соблазнам окружающего мира. Особенно стоит отметить, что данная метафора не представляет испорченность как конечное и неизбежное состояние человека, но дает возможность искупления и возвращения на изначальный путь.

Метафора скорлупы во второй половине XX века в отличие от XIX века отражает не абсолютную пустоту, а отсутствие некоего значимого содержания, например, ума, сострадания, способности испытывать радость. Тесно связанной с метафорой скорлупы является метафора смерти как уничтожение живой сущности, которую представляют нравственные ценности. Метафора «омозолелость сердца», в свою очередь, как и метафора пути, воплощает возможность возрождения чувствительности, а следовательно, и нравственной основы человека. Кроме того, в данной метафоре реализуется причинно-следственная связь испорченности с чрезмерностью. Как мозоль появляется от излишнего количества соприкосновений, трения, так испорченность является результатом чрезмерного соприкосновения с удовольствиями жизни, потакания требованиям физического тела и эгоистичным устремлениям.

Концепт «depravity» во второй половине XX века также связан с инструментализацией и объективацией живых существ, зависимых от индивида по причине его превосходства в силе, физических размерах, финансовом или социальном положении. Объектами данной разновидности испорченности чаще всего становятся женщины, дети и животные в силу описанных выше причин. Таким образом, концепт «depravity» отражает изменение ценностных основ общества, связанное с течениями гуманизма и феминизма.

Подводя итог, следует сказать, что концепт «depravity» во второй половине XX века отражает ценностную составляющую британского и

американского лингвокультурных сообществ, выражающуюся в высоком уровне толерантности к несовершенной человеческой природе и борьбе за права как различных социальных групп, так и живых существ в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование было направлено на определение смысловой деривации концепта «depravity» в британской и американской лингвокультуре в период со второй половины XIX века по вторую половину XX века.

В целях формирования теоретической базы исследования были проанализированы подходы к определению концепта, а также установлены социально-исторические условия существования концепта в исследуемые периоды.

При построении номинативного поля концепта «depravity» было выявлено его расширение во второй половине XX века по сравнению с набором языковых единиц, объективирующих данный концепт во второй половине XIX века (68 лексем, например, *depravity, immorality, wickedness, vice, sin, indecency, debauchery, corruption* и др. vs. 127 лексем, среди которых можно выделить такие лексемы, как: *evil, criminality, degradation, contamination, debasement, degeneracy, deprivation, iniquity, lewdness, licentiousness, perversion* и др.), что демонстрирует почти двухкратное увеличение количества признаков исследуемого концепта. Подобная диверсификация, по нашему мнению, является следствием потери религией ее регулятивной функции, что привело к необходимости более дробного обозначения проявлений испорченности.

Кроме того, количество частотных семных конкретизаторов сократилось с 11 сем в XIX веке до 3 сем в XX веке, т.е. в 4 раза. При этом общее количество семных конкретизаторов увеличилось в более чем 2 раза (с 70 до 153). Данные изменения отразились на структуре концепта «depravity». Если во второй половине XIX века наличие большого количества частотных сем позволило выделить четко выраженное ядро и околядерную зону концепта, то во второй половине XX века из-за большого количества сем

с низкой воспроизводимостью выделить околядерные признаки становится невозможным, что приводит к большей диффузности концепта в целом.

При сопоставлении семного состава лексем, входящих в номинативное поле концепта «*depravity*», выявлены смысловые изменения таких признаков, как: *sin, vice, corruption, wickedness*, что связано с повышением уровня секуляризации общества и потерей религией регулятивной функции в пользу светского законодательства и общественного мнения, что также проявляется в асимметрии пар «признак – антонимичный признак». Так, например, признак *virtue* может служить антонимом ряду таких признаков исследуемого концепта, как *wickedness, sin, iniquity*. Данный факт отражает разграничение типов испорченного поведения не по добродетели, отсутствие или недостаток которой они демонстрируют, а по особенностям самих этих отклонений.

На ассоциативно-образном уровне концепта «*depravity*» было выявлено включение группы ассоциаций, связанных с отношениями между мужчиной и женщиной (*lust, adultery, eros*), что объясняется необходимостью общественного регулирования данного вида отношений во второй половине XX века в отличие от религиозного регулирования, существовавшего во второй половине XIX века. Стоит отметить, что несмотря на наличие религиозной группы, данный вид ассоциаций во второй половине XX века составляет одну десятую часть всех ассоциаций, связанных с концептом «*depravity*» (соотношение 3 к 30). Кроме того, в остальных группах отсутствуют ассоциации, отражающие религиозное мировоззрение, что связано с повышением уровня секуляризации общества и усиливающейся ролью светского законодательства и общественного мнения как регуляторов нормированного поведения.

На следующем этапе исследования нами были выявлены смысловые признаки и конкретизаторы концепта «*depravity*» в англоязычной художественной литературе исследуемых исторических периодов.

В англоязычной литературе второй половины XIX века концепт «*depravity*» связан с выхолащиванием истинного содержания христианских

добродетелей, с их заменой на внешнюю благопристойность поведения, неискренностью. В качестве акциональных проявлений испорченности выступают как преступления против религиозных заповедей (например, кража, клевета, прелюбодеяние), так и преступления против человеколюбия в целом (например, грубость, принуждение). Кроме того, к проявлениям испорченности причисляются действия, способные негативно влиять на окружающих, в первую очередь, детей как воплощения невинности (например, сплетни, интриги). Во второй половине XX века спектр акциональных проявлений концепта «depravity» расширяется, что обусловлено распределением регулятивной функции между светским законодательством и общественным мнением (появление таких акциональных проявлений, как чрезмерное потребление, безразличие), а также связанное с выделением детей как отдельной группы акторов (истерика, манипуляция, крик и т.д.).

В англоязычной литературе исследуемых периодов концепт «depravity» реализуется через ряд метафор, изменение которых отражает изменение отношения к испорченности в британской и американской лингвокультуре. Метафора пути за вековой период трансформируется из пути неизбежного, конечного и отождествляемого с взрослением в путь, предполагающий возможность искупления совершенных проступков и возвращения на первоначальный этап.

Метафора скорлупы как воплощение отсутствия полезного содержания уточняется во второй половине XX века путем более конкретного обозначения отсутствующего содержания. Данный факт отражает актуализацию таких ценностей, как ум, сострадание, умение испытывать положительные эмоции.

Другими метафорическими воплощениями испорченности в литературе второй половины XIX века выступают метафора призрака, метафора кораблекрушения, а во второй половине XX века – метафора смерти, метафора «омозолелость сердца». Метафора призрака передает восприятие носителем лингвокультуры испорченности как незримой, но ощущаемой сущности,

имеющей способность влиять на объективную реальность. Метафора кораблекрушения призвана демонстрировать конечность пути от неиспорченности к испорченности как к разрушению нравственных основ.

Метафора смерти тесно связана с метафорой скорлупы по причине того, что обозначает уничтожение живой сущности, которую представляют нравственные ценности. Метафора «омозолелость сердца», в свою очередь, как и метафора пути, воплощает возможность возрождения чувствительности, и, следовательно, нравственной основы человека. Кроме того, в данной метафоре реализуется причинно-следственная связь испорченности с чрезмерностью. Как мозоль появляется от излишнего количества соприкосновений, трения, так испорченность является результатом чрезмерного соприкосновения с удовольствиями жизни, потакания требованиям физического тела и эгоистичным устремлениям.

Концепт «depravity» во второй половине XX века также связан с инструментализацией и объективизацией живых существ, зависимых от индивида по причине его превосходства в силе, физических размерах, финансовом или социальном положении. Объектами данной разновидности испорченности чаще всего становятся женщины, дети и животные в силу описанных выше причин. Таким образом, концепт «depravity» отражает изменение ценностных основ общества, связанных с течениями гуманизма и феминизма.

Концепт «depravity» во второй половине XX века в отличие от второй половины XIX века реализует представление о нравственном идеале не как о «праведном человеке», а как о «порядочном человеке», что отражает удаление ценностных оснований общества от религиозного мировоззрения в пользу идей гуманизма и равноправия.

Перспективы исследования заключаются в возможности использования его результатов в анализе трансформации ценностных основ британской и американской лингвокультур, а также в исследовании других периодов социально-исторического развития данных лингвокультур и

сопоставительном анализе нравственных ориентиров носителей английского языка с представителями других лингвокультур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианова В.А., Рокина Г.В. «Плохая Англия» - обратная сторона викторианского общества второй половины XIX века // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017. №3 (11). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/plohaya-angliya-obratnaya-storona-viktorianskogo-obschestva-vtoroy-poloviny-xix-veka> (дата обращения: 12.12.2023).
2. Аникин Г.В. Английский роман 60-х годов. М.: Высш. шк. 1974. 103 с.
3. Аникин Г.В. История английской литературы. М.: Высш. шк., 1975. 526 с.
4. Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина: в 4 т. Волгоград, 2005-2006. Т. 1-4.
5. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. М.: Флинта. 2016. 288 с.
6. Апресян Ю.Д. Установка на реконструкцию языковой картины мира // Языковая картина мира и системная лексикография: коллектив. моногр. М: Языки славянских культур. 2006. С. 33-36.
7. Арутюнова Н.Д. ИСТИНА, ДОБРО, КРАСОТА: Взаимодействие концептов // Логический анализ языка: Языки эстетики / под ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Индрик. 2004. С. 529.
8. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука. 1988. с. 346.
9. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia. 1997. 102 с.
10. Афанасьева О.В., Баранова К.М., Машошина В.С., Чупрына О.Г. Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство: монография. М.: Диона. 2019. 112 с.

11. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. 1977. № 3. С. 47-54.
12. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Просвещение. 2003. 213 с.
13. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж: Изд-во ВГУ. 1996. 103 с.
14. Балдицын П.В. Творчество Марка Твена и национальный характер американской литературы. М.: ВК. 2004. 299 с.
15. Бирюлина Е.А. Аксиологический концепт ГУМАННЫЙ ЧЕЛОВЕК в русской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 116-125.
16. Блэкмур Р.П. Генри Джеймс // Литературная история США, т. 3. М.: Политиздат. 1979. С. 349-357.
17. Богарт Э.Л. Экономическая История США. М.: Экономическая жизнь. 1927. 440 с.
18. Богоявленская Ю.В. Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Лингвокультурология. 2013. №7. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/problema-tipologii-kontseptov-v-sovremennoy-lingvistike-1> (дата обращения: 06.02.2025).
19. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: Курс лекций. 5-изд., переработанное и дополненное. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина. 2021. 236 с.
20. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. Тамбов: Ин-т языкознания РАН / Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2009. С. 25-77.
21. Болотнов А.В. Идиостиль информационно-медийной личности: коммуникативно когнитивные аспекты исследования: дис. ... д-ра. филол. наук. Томск. 2016. 405 с.

22. Болотнова Н.С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. статей в честь профессора С.Г. Ильенко. СПб. 1998. С. 242-247.
23. Брукс В.В. Паломничество Генри Джеймса // Современное литературоведение США. М.: МГУ. 1969. С.103-107.
24. Бушуева Л.А. Реализация фрейма «Измена в любви» в лексической системе русского языка и публичной коммуникации (на материале словарей и подкастов) // Вестн. Самарск. ун-та. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30. №2. С. 113-122.
25. Васильев А.Д. Вербализация концепта «власть» в языковом сознании красноярцев // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. 2015. № 2 (32). С. 206-213.
26. Вайрах Ю.В. Образно-метафорический слой макроконцепта род (на материале паремий тематической группы род – племя) // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2022. Т. 24. №6(94). С.678-685.
27. Вербицкая М.В. Филологические основы литературной пародии и пародирования (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ. 1981. 23 с.
28. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: 1996. 412 с.
29. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат. 1959. 654 с.
30. 1. Виноградов В.В. Идиолект // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия. Дрофа. 1998. С. 144–145.
31. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С.115-124.
32. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Букинист. 2004. 236 с.

33. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Издательство АСТ. 1996. 432 с.

34. Гаврилова Е.Д. Оценочные категории «GOOD» и «BAD» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов. 2005.

35. Геращенко А.М. Вертикальный контекст и важность его изучения для межкультурной коммуникации // Проблемы межкультурной коммуникации в теории языка и лингводидактике: материалы II Международной научно-практической конференции (Барнаул, 5-6 октября 2006 г.). В 2 частях/ под ред. Т.Г. Пшёнкиной. Ч. 1. Барнаул: БГПУ. 2006. С. 21-24.

36. Глеб М.В. Британская имперская идея во второй половине XIX века: основные направления и динамика развития // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 2 URL: <https://evolutio.info/ru/journal-menu/2003-2/2003-2-gleb> (дата обращения: 12.12.2023).

37. Голубева Н.А. Типологические характеристики аксиологического концепта // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве: Материалы III Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 25 марта – 26 марта 2021 года / Отв. ред. К.В. Чайка. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. 2021. С. 23-27.

38. Григоренко Н.В., Камышанченко Е.А. Исследование механизма формирования абстрактного концепта // Научный результат. Сер. «Вопросы прикладной и теоретической лингвистики». 2016. Т. 2. № 1 (7). С. 10-14.

39. Громыко А.А. Англосаксонская модель социальной политики // Социальная Европа в XXI веке. М.: Весь Мир. 2011. С. 320-348.

40. Громыко А.А. Модернизация партийной системы Великобритании. М.: Весь Мир. 2007. 344 с.

41. Громыко А.А. Политический реформизм в Великобритании. М.: Весь Мир. 2001. 268 с.

42. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс. 1985. 402 с.
43. Данков А.Г. Отечественная и британская историография о соперничестве России и Великобритании в Центральной Азии (19 - начало 20 вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 2008. 27 с.
44. Демкина Ю.А., Кислякова Е.Ю. Репрезентация индивидуально-авторской картины мира в творчестве Генри Джеймса (на примере ключевых авторских концептов) // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 4. С. 197-217.
45. Демкина Ю.А. Концепт «испорченность» в романе Ф.Э. Бёрентт «Маленький Лорд» // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. 2023. № 4(4). С. 30-35.
46. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.
47. Добрынина К.С. Манифестация концепта в словарях и тексте (на примере концепта JEALOUSY // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В.П. Астафьева. 2012. №1(19). С. 258-262.
48. Долевец С.Н. Динамика морально-этических концептов СКУПОСТЬ и ЩЕДРОСТЬ в русском литературном языке XIX - начала XXI века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д. 2008.
49. Дюркгейм Э. Дуализм человеческой природы и его социальные условия (в переводе Юдина Г.А.). М.: Социологическое обозрение. 2013. №12(2). С.133- 144.
50. Елистратова А.А. Вильям Дин Гоуэлс и Генри Джеймс: К вопросу об их роли в развитии критического реализма в литературе США// Проблемы истории литературы США. М.: Политиздат. 1964. С.58-62.
51. Залевская А.А. Психологический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ. 2001. С.204.
52. Зверев А.М. Джеймс: пора зрелости // Вопросы литературы. 1999. №3. С. 236-270.

53. Золян С.Т. От описания идиолекта – к грамматике идиостиля // Язык русской поэзии XX в.: сб. научных трудов. М.: Наука. 1989. С. 238-259.

54. Ивашова В. В. Парадоксы сознания: Грэм Грин в свете его последних публикаций // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 77-78.

55. Ильина О.А. Понятие греха в произведении Генри Джеймса «Поворот винта» // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 5 - 1 (5). С. 86-89.

56. Инютин В.В. Концепт либерализм в русском сознании // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 1. С. 29-32.

57. История зарубежной литературы XIX века. Соловьева Н.А., Спицына Л.В., Стахеев Б.Ф. [и др.] М.: Высшая школа. 1991. 637 с.

58. Казыдуб Н.Н. Аксиологические концепты в интерпретирующем дискурсе // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2022. №2 (60). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskie-kontsepty-v-interpretiruyuschem-diskurse> (дата обращения: 04.02.2025).

59. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. М.: Грозис. 2005. С. 30-33.

60. Карасик В.И. «Мудрость» и «Здравый смысл». Сравнительный анализ сходных концептов в русской и английской лингвокультурах // Язык и литература: теория и практика. 2023. № 2. С. 14-22.

61. Карасик В.И. Концептуализация и символизация льда в русской и английской лингвокультурах // Фундаментальные ценности языка и культуры: К 60-летию доктора филологических наук, профессора Сергея Геннадьевича Проскурина: Сборник статей / Отв. редактор А.В. Проскурина. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет. 2023. С. 131-145.

62. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград-Архангельск. 1996. С.3-16.

63. Карасик В.И. Лингвокультурные концепты: подходы к изучению // Социолингвистика вчера и сегодня. 2004. № 2004.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-kontsepty-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения: 28.01.2025).

64. Карасик В.И. Этноспецифические концепты // Введение в когнитивную лингвистику / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2005. С. 61-105.

65. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма. 2007. 520 с.

66. Карасик В.И. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. / Под ред. И.А. Стернина. Воронеж. 2001. С. 75-80.

67. Касевич В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык. СПб.: Петербургское Востоковедение. 1996. 279 с.

68. Каули М. Два Генри Джеймса. Дом со многими окнами. М.: Политиздат. 1973. С. 107-109.

69. Киселёва О.А. Внешнеполитическая мысль США и планы аннексии Канады в 1865-1871 гг. // Из истории общественной мысли и политических движений в новое и новейшее время. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского госуниверситета. 1988. С. 45-59.

70. Киселева О.А. О влиянии Гражданской войны (1861-1865) на характер внешней политики США // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. 2018. № 2(9). С. 14-17.

71. Кислякова Е.Ю. Инакость в системе лингвистических категорий / Е. Ю. Кислякова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 7(61). С. 7-11.

72. Кислякова Е.Ю. Теоретико-методологические предпосылки изучения инакости как категории лингвистики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 2(14). С. 205- 210.

73. Кислякова Е.Ю., Соломина В.В. Концептуальная триада «свой - чужой – иной» в английском и русском языках: теоретико-методологический

аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3(10). С. 72-76.

74. Клебанова Н.Г. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов. 2005. 24 с.

75. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова.... СПб.: Златоуст. 1999. 368 с.

76. Колесов В.В. Концепт культуры: образ - понятие - символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1992. Сер. 2. Вып. 3 (№16). С. 30-40.

77. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука. 1990. 103 с.

78. Кравченко А.В. Глагольный вид и картина мира. М.: Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1993. С. 49-64.

79. Красавский Н.А. Индивидуально-авторская концептосфера Стефана Цвейга: образные и ценностные характеристики // Язык: жизнь смыслов vs смысл жизни. М.: Издательский Дом «Инфра-М». 2023. С. 42-49.

80. Красавский Н.А. Индивидуально-авторские концептосферы эмоций Германа Гессе, Стефана Цвейга и Роберта Музиля. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена». 2023. 225 с.

81. Красавский Н.А. Концепт «наказание» в русской и немецкой лингвокультурах (на материале художественной литературы) // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике: Материалы Международной научной конференции, Тяньцзинь, 16 ноября 2018 года. Тяньцзинь: ООО «ПринТерра-Дизайн». 2019. С. 59-67.

82. Красавский Н.А., Дженкова Е.А. Концепты «вина» и «наказание» в русской и немецкой лингвокультурах (на материале художественной литературы) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 8(141). С. 217-224.

83. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография. Волгоград. 2001. 493 с.

84. Красавский Н.А. Ключевые эмоциональные концепты в новелле Артура Шницлера «Умирание» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 207-213.

85. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис. 2002. 284 с.

86. Кубарева Н.П. Зарубежная литература второй половины XX века. М.: Моск. лицей. 2002. 208 с.

87. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма. Лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С.34-37.

88. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета. 1995. С. 144-238.

89. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: 2004. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kubryakova-e-s-yazyk-i-znanie-na-puti-polucheniya-znaniy-o-yazyke-chasti-rechi-s-kogni-tivnoy-tochki-zreniya-rol-yazyka-v-roznanii-mira-m-2004> (дата обращения: 15.03.2023).

90. Кузьмина С.Е. Понятие «концепт» в лингвокогнитивных исследованиях // МОСТ (язык и культура). (Bridge: language and culture). 2011. № 27. С. 24-25.

91. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис. 2011. 224 с.

92. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат. 1975. 304 с.

93. Леонтьев А.Н. Материалы о сознании // Психология № 3. М.: Вестник МГУ. 1988. С. 6-25.

94. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология / Под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia. 1997. С. 280-287.

95. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1998. 335 с.
96. Милейковский А.Г. Канада и англо-американские противоречия. М.: Госполитиздат. 1958. 169 с.
97. Миллионщикова Т.М. Историко-литературный контекст конца XVIII - начала XIX в.: взгляд американских славистов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7, Литературоведение: Реферативный журнал. 2020. Сер. 7. № 3. С.111-123.
98. Михайлов М.М. Культура русской речи. Чебоксары: Чувашское книжное издательство. 1966. 216 с.
99. Мокрушина Е.Ю. Концепт «добрый» как этический феномен лингвокультуры: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 25 с.
100. Муравьева Л.А. Финансово-экономическое развитие Соединенных штатов Америки во второй половине XIX века // Финансы и кредит. 2013. №22 (550). С. 76-84.
101. Мухтаев П.Н. Внешняя политика США в последней четверти XIX - начала XX века и социал-дарвинистская идеология // Самарский научный вестник. 2017. №4 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-ssha-v-posledney-chetverti-xix-nachala-xx-veka-i-sotsial-darvinistskaya-ideologiya> (дата обращения: 14.12.2023).
102. Никитина М.Ю. Концептуализация милосердия: общезыковой и идиостилевой аспекты: речевые реализации в синхронии и диахронии: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов. 2014. 24 с.
103. Никонов О.А. Эволюция колониальной политики Великобритании на Востоке (вторая половина XIX -первая половина XX вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-kolonialnoy-politiki-velikobritanii-na-vostoke-vtoraya-polovina-xix-pervaya-polovina-xx-vv> (дата обращения: 14.12.2023).

104. Никулин В.С., Гаспаров А.А. «Большие надежды» как энциклопедия викторианского общества. URL: <https://moluch.ru/young/archive/57/3052/>(дата обращения: 10.04.2023).
105. Панова О.Ю. Афроамериканская литература «надира»: миссия интеллигенции и «хождение в народ» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. Т. 11. Вып. 4. С. 112–122.
106. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли. М.: Издательство иностранной литературы. 1962. 403 с.
107. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика. 2004. 386 с.
108. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // СибСкрипт. 2013. №2 (54). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipy-kontseptov-i-etapy-kontseptualnogo-issledovaniya> (дата обращения: 05.02.2025).
109. Пименова М.В. Языковая картина мира. М.: ФЛИНТА. 2019. 108 с.
110. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. 253 с.
111. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ. 2007. 314 с.
112. Попова З.Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж: ВГУ. 2002. С. 8-50.
113. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. М.: Наука. 1988. С. 6-8.
114. Савельева А.В. Внутренняя политика США второй половины XIX в.: выбор социально-экономических приоритетов // Известия АлтГУ. 2011. №4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnutrennyaya-politika-ssha-vtoroy-poloviny-xix-v-vybor-sotsialno-ekonomicheskikh-prioritetov> (дата обращения: 15.12.2023).

115. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект. 2001. 304 с.
116. Стернин И.А., Рудакова А.В. Значение как феномен языкового сознания (психолингвистическое значение слова) // Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021). 2021. С. 140-148.
117. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. Ярославль: Истоки. 2013. 34 с.
118. Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ: монография. Воронеж: Истоки. 2008. 243 с.
119. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: Истоки. 2011. 150 с.
120. Тамерьян Т.Ю. Типология и структуризация концепта: множественность подходов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. №13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-i-strukturatsiya-kontseptamnozhestvennost-podhodov> (дата обращения: 06.02.2025).
121. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука. 2000. 312 с.
122. Тарасов Е.Ф., Тарасова М.Е. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность россиян / Под общ. ред. И.О. Дубова. М.: Имидж-контакт. 1997. С. 253-277.
123. Тарасова И.А. Структура семантического поля в поэтическом идиостиле: (На материале поэзии И. Анненского): автореф. дис... канд. филол. наук. Саратов. 1994. 17 с.
124. Тахтарова С.С., Садыкова Э.Р. Концепт Vatan (родина) в турецкой лингвокультуре // Казанский лингвистический журнал. 2022. Т. 5. №2. С. 210- 225.
125. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука. 1988. С. 173–204.

126. Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отражение этнокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. М.: Московская международная академия. 2003. № 1. С. 102-111.

127. Ушакова Т.Н. Природные основания речезыковой способности // Языковое сознание: формирование и функционирование / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: Институт языкознания РАН. 1998. С.7-23.

128. Федотова М.А. К вопросу о разграничении понятий идиостиль и идиолект языковой личности. Записки романо-германской филологии. Вып.1. М.: 2013. С. 220-225.

129. Фостер У. Очерк политической истории Америки. М.: Иностранная литература. 1955. С. 284-285.

130. Форофонтова Ю.Л. Аксиологический концепт сквозь таксономическую призму (на примере концепта судьба) // Вестник ТГУ. 2008. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskiiy-kontsept-skvoz-taksonomicheskuyu-prizmu-na-primere-kontsepta-sudba> (дата обращения: 05.02.2025).

131. Хахалкина Е.В. Иммигранты в британском обществе: проблемы приема и интеграции в 1945-1951 гг. // СибСкрипт. 2015. №3-2 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/immigranty-v-britanskom-obschestve-problemy-priema-i-integratsii-v-1945-1951-gg> (дата обращения: 15.12.2023).

132. Цветкова Ю.Д. Роль общественного мнения Великобритании второй половины XIX века в развитии социального законодательства в 70-90-х гг. // М.: Вестник МГИМО. 2017. №4 (55). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obschestvennogo-mneniya-velikobritanii-vtoroy-poloviny-xix-veka-v-razvitii-sotsialnogo-zakonodatelstva-v-70-90-h-gg> (дата обращения: 15.12.2023).

133. Цивьян Т.В. Модель мира и её лингвистические основы. М.: ЛИБРОКОМ. 2009. 209 с.

134. Ципотан Д.С. Аксиологический концепт «плохой человек» в региональной ценностной картине мира (на материале лингвистического

эксперимента в детской и подростковой фокус-группах пгт. Шушенское Красноярского края) // XXVIX Международный научно-исследовательский конкурс: сборник статей. Пенза: Наука и просвещение. 2019. С. 116-125.

135. Чернышева Т.А. Идиостиль в газетно-публицистическом дискурсе: на материале газеты «Известия»: дис. ... канд. филол. наук. Череповец. 2007. 205 с.

136. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис. 2008. 416 с.

137. Щукин В.Г. Лингвистические аспекты проблемы идиолекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л.: 1978. 24 с.

138. Язык и национальное сознание: Продолжающееся научное издание. Научная школа в области общего и русского языкознания проф. З.Д. Поповой. Воронеж: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Ритм». 2021. 155 с.

139. Bloch B. A Set of Postulates for Phonetic Analysis. Cambridge: Language. 1984. P. 3-46.

140. Booth A. The British Economy in the Twentieth Century. New York: Red Globe Press. 2001. 244 p.

141. Bourne K. Britain and the Balance of Power in North America, 1815 - 1908. Lnd., 1967; Stacey C. P. Britain's Withdrawal from North America, 1864 - 1871. // The Canadian Historical Review. 1955. Vol. 36. № 3. P. 185-199.

142. Brown C.G. The death of Christian Britain: understanding secularization 1800-2000. London: Routledge. 2009. 321 p.

143. Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. 345 p.

144. Davie G. Religion in Britain: A Persistent Paradox. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell. 2015. 288 p.

145. Eliot T.S. On Henry James. Modern Language Association. 1964. P. 490-497.

146. Heilman R. The Freudian Reading of the Turn of the Screw // Modern Language Notes. The Johns Hopkins University Press. 1947. vol. 62. no. 7. P. 433-445.

147. Iannaccone L. R., Finke R., Stark R. Deregulating religion: the economics of church and state. In K.-S. Rehberg (Ed.), Differenz und Integration: die Zukunft moderner Gesellschaften; Verhandlungen des Kongresses der Deutschen Gesellschaft für Soziologie im Oktober 1996 in Dresden; Band 2: Sektionen, Arbeitsgruppen, Foren. Opladen: Westdt. 1997. P. 462-466.

148. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour. London: Nicholas Brealey. 2014. 228 p.

149. Fredrickson B.L., Roberts T., Objectification Theory: Toward Understanding Women's Lived Experiences and Mental Health Risks // Psychology of Women. 1997. № 2. P. 173-206.

150. MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. L.: University of Notre Dame Press. 1984. 251 p.

151. Maier C.S. The politics of productivity: foundations of American international economic policy after World War II. Cambridge: International Organization. 1977. 31(4). P. 607-633.

152. Prochaska F. Christianity and Social Service in Modern Britain: The Disinherited Spirit. Christianity and Social Service in Modern Britain: The Disinherited Spirit. Oxford: Oxford University Press. 2008. 240 p.

153. Taylor C. Sources of the Self: The Making of the Modern Identity. Cambridge: Harvard University Press. 1989. 491 p.

154. Weisgerber Leo. Die Zusammenhänge zwischen Muttersprache, Denken und Handeln. Düsseldorf. GRIN Verlag. 1930. C.46-81.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Большой толковый социологический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict> (Дата обращения 15.10.2023)
2. Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com> (Дата обращения 17.10.2023)
3. Британника. URL: <https://www.britannica.com/art/bildungsroman> (дата обращения: 30.03.2023).
4. Краткая литературная энциклопедия. М.: Сов. энцикл. 1978. 970 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. М.: Издательство Московского государственного университета. 1996. 245 с.
6. Лекторский В.А. Сознание // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль. 2001. Т. 3. С. 589-591.
7. Новая философская энциклопедия. Т. 3 / В.С. Степин. М.: Мысль. 2001. 589-591 с.
8. РАС: Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Т. 1, Кн. 1. М.: Институт языкознания РАН. 1994. 224 с.
9. Руднев В.П. Словарь культуры 20 века. М.: Аграф. 1999. 384 с.
10. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс. 2008. 812 с.
11. A dictionary of synonyms of the English language: With roots, definitions a. the pronunciation of each word. London; Glasgow: Collins, 1872. 368 p.
12. A modern dictionary of the English language. London: Macmillan. 1911. 784 p.
13. Chambers dictionary of synonyms and antonyms. Cambridge: Chambers Cambridge. 1989. 405 p.

14. Collins COBUILD English language dictionary. London: Collins. 1990. 1703 p.
15. Fallows S. A complete dictionary of synonyms and antonyms ... with an appendix embracing a dictionary of Briticisms, Americanisms, colloquial phrases, etc. Chicago: F.H. Revell company. 1898. 509 p.
16. Fowler H. W., Fowler F. G., Murray J. A. H. The concise Oxford dictionary of current English. Oxford: The Clarendon Press. 1919. 1084 p.
17. Mawson C.O.S. Roget's Thesaurus of English Words and Phrases. New York: Thomas Y. Crowell company. 1911. 698 p.
18. Oxford advanced learner's dictionary of current English / A. S. Hornby with the assistance of A. P. Cowie, J. Windsor Lewis. 3rd ed. London: Oxford Univ. Press. 1975. 1055 p.
19. Roget's Pocket Thesaurus. New York: Pocket Books. 1976. 692 p.
20. The Century dictionary and cyclopedia; a work of universal reference in all departments of knowledge with a new atlas of the world. New York: Century Co. 1901. 914 p.
21. The Penguin dictionary of English synonyms and antonyms. London: Penguin books. 1992. 442 p.
22. Webster N. Webster's complete dictionary of the English language. London: George Bell & Sons. 1886. 1847 p.
23. Webster N. Webster's new dictionary of synonyms: A dict. of discriminated synonyms with antonyms a. analogous a. contrasted words. Springfield: Merriam. Cop. 1973. 909 p.
24. Webster's encyclopedic unabridged dictionary of the English language. New York: Portland House. 1989. 2078 p.
25. Webster's new world dictionary of synonyms: A guide to distinguishing synonyms: Over 4000 synonyms explained a. differentiated: Includes antonyms. New York: Simon a. Schuster cop. 1984. 255 p.
26. Winston's self-pronouncing school and office dictionary of the English language. Philadelphia, Pennsylvania: The John C. Winston Company. 1911. 943 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Ackroyd P. The Great Fire of London. London: Hamish Hamilton. 1982. 192 p.
2. Ackroyd P. The Last Testament of Oscar Wilde. New York: Time Warner Books. 1987. 186 p.
3. Amis K. Lucky Jim. London: Penguin Classics. 2000. 272 p.
4. Amis K. The Anti-Death League. London: Penguin Books. 1975. 304 p.
5. Amis K. The Folks That Live on the Hill. London: Penguin Books. 1991. 256 p.
6. Amis K. The Old Devils. New York: NYRB Classics. 2012. 320 p.
7. Amis M. Einstein's Monsters. London: Vintage. 1990. 168 p.
8. Amis M. Money: A Suicide Note. London: Penguin Books. 2010. 368 p.
9. Amis M. Other People: A Mystery Story. London: Vintage. 1999. 224 p.
10. Amis M. Time's Arrow or the Nature of the Offence. London: Vintage. 1991. 176 p.
11. Banks I. The Wasp Factory. New York: Publisher Simon & Schuster. 1998. 184 p.
12. Barnes J. History of the World in 10½ Chapters. London: Vintage. 2009. 320 p.
13. Bradbury M. Doctor Criminales. New York: MacMillan. 1995. 408 p.
14. Bradbury M. The history Man. New York: MacMillan. 2003. 256 p.
15. Bradbury M. Why Come to Slaka? New York: MacMillan. 2000. 112 p.
16. Braddon M. E. Lady Audley's Secret. London: Wordsworth Classics. 1999. 400 p.
17. Burgess A. A Clockwork Orange. New York: W. W. Norton & Company. 2019. 240 p.
18. Burnett F. H. Little Lord Fauntleroy. New York: Collins Classics. 2012. 192 p.

19. Butler S. *The Way of All Flesh*. Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2016. 314 p.
20. Carré J. *The Spy Who Came in from the Cold*. London: Penguin Books. 2010. 304 p.
21. Carroll L. *Alice's Adventures in Wonderland*. Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2020. 70 p.
22. Clarke A.C. *2001: A Space Odyssey*. New York: Ace. 2000. 296 p.
23. Collins W. *No Name*. Oxford: Oxford World's Classics. 2008. 784 p.
24. Collins W. *The Law and the Lady*. Oxford: Oxford World's Classics. 2012. 530 p.
25. Collins W. *The Moonstone*. Townhead, Glasgow: William Collins. 2011. 240 p.
26. Collins W. *The Woman in White*. New York: Bantam Classics. 1985. 800 p.
27. Conrad J. *Lord Jim*. Oxford: Oxford University Press. 2008. 400 p.
28. Dahl R. *Charlie and the Chocolate Factory*. L.: Puffin Books. 2007. 156 p.
29. Dahl R. *Fantastic Mr. Fox*. New York: Viking Books for Young Readers. 2007. 81 p.
30. Dickens C. *David Copperfield*. London: Penguin Classics. 2004. 1024 p.
31. Dickens C. *Great Expectations*. Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2020. 327 p.
32. Dickens C. *Little Dorrit*. London: Penguin Classics. 2004. 1024 p.
33. Douglas A. *The Hitchhiker's Guide to the Galaxy*. New York: Dell. 1995. 224 p.
34. Doyle A.C. *A Study in Scarlet*. Minneapolis, Minnesota: Filiquarian Publishing. 2007. 176 p.
35. Eliot G. *Daniel Deronda*. London: Penguin Classics. 1996. 896 p.
36. Eliot G. *Middlemarch*. London: Wordsworth Classics. 1998. 736 p.

37. Eliot G. Silas Marner. Ware: Wordsworth Collection. 1994. 176 p.
38. Eliot G. The Mill on the Floss. London: Penguin Classics. 1994. 704 p.
39. Fischer T. Don't Read This Book if You're Stupid. London: Picador. 2001. 261 p.
40. Fischer T. The Collector. London: Vintage. 1998. 224 p.
41. Fischer T. The Thought Gang. New York: New Press. 1995. 320 p.
42. Fischer T. Under the frog. London: Picador. 2001. 256 p.
43. Fitzgerald P. The Bookshop. Boston: Mariner Books. 2015. 192 p.
44. Fleming I. Casino Royale. London: Penguin Books. 2002. 224 p.
45. Fowles J. The Collector. London: Vintage. 2004. 282 p.
46. Fowls. J. The Magus. New York: Dell. 1985. 672 p.
47. Gaiman N. Neverwhere. London: Headline. 2005. 448 p.
48. Gaskell E. North and South. Hampshire: Macmillan Collector's Library. 2017. 656 p.
49. Geras A. The green behind the glass. UK: Lions Teen Tracks. 1989. 118 p.
50. Gervaise M. The distance enchanted. Bucks: John Goodchild Pubs. 1983. 105 p.
51. Golding W. Lord of Flies. London: Penguin Books. 2003. 224 p.
52. Greene G. A Burnt-Out Case. London: Penguin Classics. 1992. 208 p.
53. Greene G. The Quiet American. London: Penguin Books. 1955. 192 p.
54. Haggard H.R. King Solomon's Mines. London: Penguin Classics. 2008. 320 p.
55. Hardy T. Tess of the d'Urbervilles. Oxford: Oxford World's Classics. 2008. 496 p.
56. Hawthorne N. The Scarlet Letter. Ware: Wordsworth. 1999. 224 p.
57. Heller J. Catch-22. New York: Simon & Schuster. 2011. 544 p.
58. Ishiguro K. The Remains of the Day. London: Vintage. 1990. 245 p.
59. James H. Daisy Miller. Cabin John, Maryland: Wildside Press. 2005. 289 p.

60. James H. Roderick Hudson. New York: Penguin Books. 1986. 305 p.
61. James H. Short stories collection. New York: Penguin Books. 2006. 504 p.
62. James H. The Ambassadors. New York: Penguin Books. 2003. 405 p.
63. James H. The American. New York: Signet Classics. 2005. 402 p.
64. James H. The Aspern Papers. New York: Dover Publications. 2001. 378 p.
65. James H. The Awkward Age. New York: Everyman's library. 1993. 394 p.
66. James H. The Bostonians. New York: Modern Library. 2003. 304 p.
67. James H. The Europeans. Moscow: T8. 2018. 226 p.
68. James H. The Golden Bowl. Ann Arbor: Proquest LLC. 2011. 560 p.
69. James H. The Ivory Tower. New York: New York Review Books. 2004. 345 p.
70. James H. The Portrait of a Lady. New York: Penguin Books. 2003. 364 p.
71. James H. The Princess Casamassima. New York: Penguin Books. 2009. 486 p.
72. James H. The Reverberator. Eastbourne: Gardners Book. 2007. 254 p.
73. James H. The Turn of the Screw. New York: Penguin Group. 1994. 120 p.
74. James H. The Wings of the Dove. New York: Modern Library. 2003. 320 p.
75. James H. What Maisie Knew. London: Wordsworth Classics. 2015. 245 p.
76. Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat (to say nothing of the dog). Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2013. 150 p.
77. Kipling R. The Light That Failed. London: Penguin Classics. 2020. 190 p.
78. Le Fanu J. S. Uncle Silas. London: Penguin Classics. 2001. 528 p.

79. Lessing D. *The Golden Notebook*. New York: Harper Perennial Modern Classics. 2008. 688 p.
80. Lewis C. S. *The Chronicles of Narnia*. New York: HarperCollins. 2002. 768 p.
81. Mansell J. *Forgotten fire*. Richmond, Surrey: Mills & Boon. 1992. 192 p.
82. McDowell C. *A Woman of Style*. London: Random House. 1992. 528 p.
83. McEwan I. *Black Dogs*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group. 1998. 176 p.
84. McEwan I. *Enduring Love*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group. 1998. 272 p.
85. McEwan I. *The Child in Time*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group. 1999. 272 p.
86. McEwan I. *The Comfort of Strangers*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group. 1994. 128 p.
87. Meredith G. *The Egoist*. London: Penguin Classics. 1979. 608 p.
88. Miéville C. *Perdido Street Station*. New York: Del Rey. 2001. 710 p.
89. Morris W. *The Wood Beyond the World*. New York: Dover Publications. 2017. 272 p.
90. Morrison T. *Beloved*. London: Vintage. 2004. 321 p.
91. Murdoch I. *The Black Prince*. London: Vintage Classics. 2013. 432 p.
92. Pater W. *Marius the Epicurean*. London: Penguin Classics. 1986. 320 p.
93. Pratchett T. *The Colour of Magic*. Cornerways: Colin Smythe Ltd. 1989. 205 p.
94. Priest C. *The Prestige*. New York: Tor Books. 1997. 368 p.
95. Pullman P. *The Golden Compass*. New York: Ballantine Books Inc. 1998. 448 p.
96. Pynchon T. *Gravity's Rainbow*. London: Penguin Classics. 2006. 776 p.
97. Rowling J.K. *Harry Potter and the Chamber of Secrets*. New York: Scholastic Inc. 2023. 352 p.

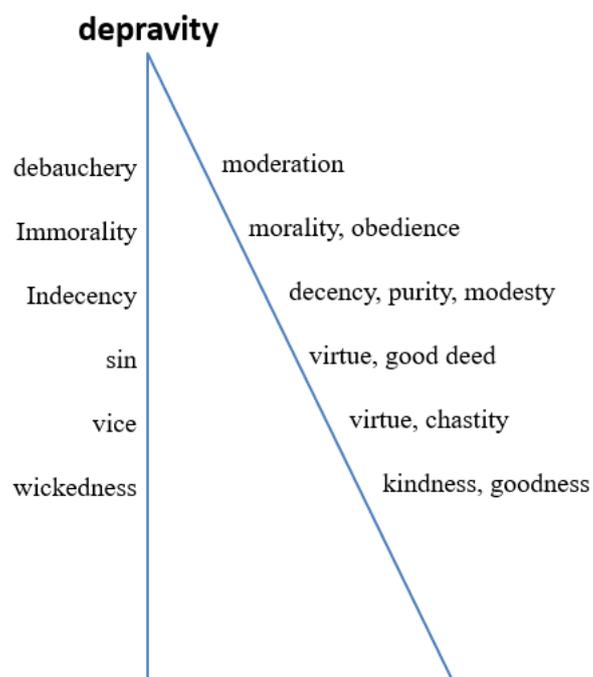
98. Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury. 2014. 342 p.
99. Rowling J.K. Harry Potter and the Prisoner of Azkaban. New York: Scholastic Inc. 2023. 448 p.
100. Rushdie S. Midnight's children. New York: Random House Publishing Group. 2006. 560 p.
101. Show G.B. Caesar and Cleopatra. Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2011. 124 p.
102. Snow C. P. The Masters. London: Penguin Books. 1976. 320 p.
103. Spark M. The Prime of Miss Jean Brodie. New York: Harper Perennial Modern Classics. 2018. 160 p.
104. Stevenson R.L. The Black Arrow. Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2013. 148 p.
105. Stevenson R.L. Treasure Island. Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2014. 122 p.
106. Stoker B. Dracula. Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2019. 260 p.
107. Stowe H. B. Uncle Tom's Cabin. Oxford: Oxford World's Classics. 2008. 576 p.
108. Swift G. Last Orders. London: Vintage. 1997. 304 p.
109. Swift G. Shuttlecock. New York: Knopf Doubleday Publishing Group. 1992. 224 p.
110. Swift G. The Sweet Shop Owner. New York: Knopf Doubleday Publishing Group. 1993. 224 p.
111. Swift G. Waterland. New York: Knopf Doubleday Publishing Group. 1992. 368 p.
112. Tolkien J.R.R. The Fellowship of the Ring. New York: Del Rey. 1986. 480 p.
113. Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings. New York: Del Rey. 1986. 480 p.
114. Tolkien J.R.R. The Two Towers. New York: Del Rey. 1986. 416 p.

115. Trollope A. Barchester Towers. New York: Sterling Publishing. 2005. 525 p.
116. Voynich E.L. The Gadfly. Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2014. 182 p.
117. Wells H. G. The Island of Doctor Moreau. Oxford: Oxford University Press. 2017. 176 p.
118. Wells H. G. The War of the Worlds. Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2020. 156 p.
119. Wells H.G. The Time Machine. New York: Bantam Classics. 1984. 113 p.
120. Welsh I. Trainspotting. New York: WW Norton & Co. 1996. 348 p.
121. Wilde O. Fairy Tales. London: Penguin Classics. 1979. 144 p.
122. Wilde O. The Decay of Lying. Richmond: Alma Classics. 2017. 120 p.
123. Wilde O. The Picture of Dorian Gray. London: Penguin Classics. 2018. 256 p.
124. Wyndham J. Day of the Triffids. London: Penguin Books. 2008. 272 p.

Приложение 2.

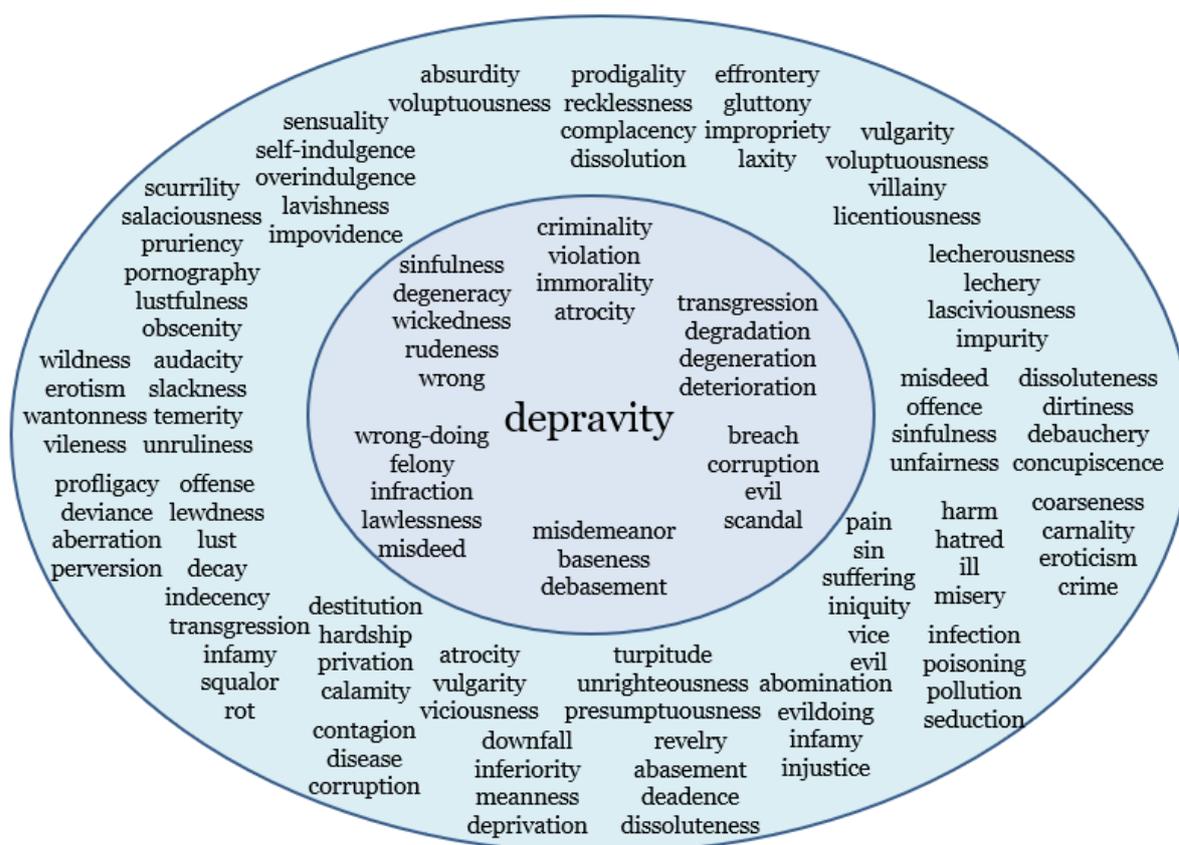
Антонимичные признаки концепта «depravity / испорченность»

во второй половине XIX века

Приложение 3.

Семантико-когнитивный анализ концепта «depravity / испорченность» в британском и американском обществе во второй половине XX века на основе лексикографических данных

**Антонимичные признаки концепта «depravity / испорченность»
во второй половине XX века**

